

К О Р О Л Е В С Т В О Л Ж И

Дмитрий Гарин

ВРЕМЯ ОРКА

832 год эры человека. Мозаичные века закончились, и Сероземелье объединилось под властью Конрада II Молчаливого, правителя Адаманта. С момента подавления восточного восстания прошло два года, однако свержение безумного графа не принесло мира в молодое королевство. Вновь и вновь землю людей терзают племена орков. Кажется, что противостоянию двух народов нет конца. Жизнь за жизнь. Кровь за кровь. В час ненависти и презрения появляются герои, которым суждено изменить мир навсегда...

Время орка

Предисловие

В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые.

Н.В. Гоголь

Не секрет, что многие произведения начинаются со смерти. Перед вами одно из них. Жарким днём 5 июня 2012 года из жизни ушёл один из величайших американских писателей-фантастов. Именно тогда я твёрдо решил попробовать себя в литературе.

Если правда, что книги писателя — это его дети, то моё первое дитя родилось быстро и легко, однако взросление его оказалось более долгим и тяжёлым, чем я мог себе представить.

Сразу хочу выразить благодарность людям, роль которых в издании этой книги сложно переоценить. И пускай имена эти вам, скорее всего, ничего не скажут, для меня они значат многое.

В первую очередь это Светлана Благодарева, дорогой мне человек, на хрупкие плечи которой обрушился груз предварительного редактирования рукописи. Её вклад в эту книгу велик.

Отдельно хочется поблагодарить мою хорошую подругу и коллегу Алёну Медовникову, чьи иллюстрации вы можете видеть на страницах данного произведения. Её поддержка и неутомимый оптимизм придают силы всем, кто её знает.

Спасибо моим друзьям, коллегам и знакомым, которые своим действием или бездействием способствовали появлению книги на свет.

Зачем я написал это произведение? А зачем писатели вообще пишут книги? Потому что могут. В сердце каждого ребенка есть особое место, где рождаются сказки. Одни люди с годами забывают туда дорогу. Другие — мостят её желтым кирпичом и зовут гостей.

Я не претендую на новизну поставленных в книге вопросов или звание «совести человечества», как определял писателя Фейербах. У вас в руках не философский трактат, а развлекательное художественное произведение. Надеюсь, оно доставит вам удовольствие.

О чём же эта книга? Об орках и людях. О лордах и природе власти. О любви и смерти. О дружбе и предательстве...

Благо одного или интересы большинства? Горькая правда или ложь во спасение? Что такое мечта и чем ради неё можно пожертвовать?

Я старался отойти от широко распространённых чёрно-белых воззрений героического фэнтези. Добро и зло — порождения человеческого разума, они не могут быть идеальны — из-за несовершенства природы своего творца.

Если вы привыкли читать про злых колдунов, желающих уничтожить мир, и противостоящих им рыцарей в сияющих доспехах, то вам, вероятно, стоит закрыть эту книгу прямо сейчас. Ни тех ни других вы здесь не встретите. Если же вам близок дух приправленного магией Средневековья со всей его болью, грязью и кровью, то я рад приветствовать вас именно в таком мире. Мире Королевства лжи.

Два слова о семантике. В произведении могут встречаться реально существующие названия, имена и понятия. Совпадения эти неслучайны, однако я призываю вас не принимать их близко к сердцу. От начала и до конца эта книга — художественный вымысел

автора — ни более ни менее.
Приятного чтения.

Глава первая. Один

Мог ли ведать Бессмертный о последствиях своих деяний или же он был слепым орудием рока? Сегодня, оглядываясь назад, я представляю историю живым существом, разыгрывающим жестокую и загадочную партию чужими судьбами.

Каролина Тибальд. «Дневник памяти»

Хмурое, дождливое небо. Серое покрывало, не имеющее ни начала, ни конца. Небо — такое древнее и такое молодое.

Пахло потом, кровью и железом. Скверный запах.

«Так вот что такое смерть...» — подумал Ош.

Рано или поздно о ней задумывались все. Даже орки.

Тусклый свет, пробивающийся через свинцовую пелену туч, заставил Оша болезненно щурить янтарно-жёлтые глаза. Он попробовал пошевелиться. Тело тут же отозвалось вспышкой мучительной боли. Орк понял, что всё ещё жив. Немного воодушевившись, Ош попытался двинуть ногами, но обнаружил, что не может. Сверху на них давило что-то тяжёлое и мягкое.

Ош приподнял лысую ушастую голову. Сероватую, в тёмную крапинку кожу покрыла холодная испарина. Взгляду предстала тревожная картина.

Впереди высилась огромная куча из тел его безнадёжно мёртвых сородичей. Страшный курган нависал над орком. Вороны уже начали слетаться на запах смерти, и теперь повсюду раздавалось их мерзкое дребезжащее карканье. Проклятые птицы словно предвкушали обильное угощение.

Впрочем, больше всего пугало другое — перед глазами маячила длинная, тонкая и удивительно прямая палка. Её украшенный перьями конец был обращён к небу... Это было древко стрелы.

«Да, стрелы, торчащей из моей груди...» — неожиданно равнодушно подумал Ош, глядя на полосатое оперение, некогда принадлежавшее какой-то хищной птице.

Внутри орки мало чем отличались от людей. Ош знал об этом. В их груди билось почти такое же сердце. И сердце это, как казалось орку, должна была пронзить проклятая стрела. Рана была смертельной, но, по какой-то непостижимой причине, орк всё ещё оставался среди живых.

Из несвязных мыслей Оша вырвал голос, приближавшийся откуда-то справа. Он определённо принадлежал человеку. Руки орка сами собой зашарили вокруг, в поисках копья, ножа или, на худой конец, камня, но земля была предательски пуста. Прижатый к земле тяжестью мертвецов, раненый и измученный Ош был практически беззащитен. Повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, он зажмурил глаза и вернул голову обратно на землю, притворившись мёртвым. Затылок почувствовал холодную грязь, что оказалось неожиданно приятным.

Когда голос стал ближе, Ош начал разбирать слова. Язык людей был ему хорошо известен, ведь его дикий народ тоже говорил на нём. У орков никогда не было ни собственного языка, ни начертаний, чтобы записать его.

— Солисово пекло, как же они смердят! — пожаловался один из пришельцев и, утробно

прокашлявшись, смачно сплюнул.

— А я чего говорил, — недовольно ответил ему второй, кряхтя от натуги.

Размокшая под дождём грязь чавкала у них под ногами. Даже с закрытыми глазами Ош мог примерно определить местоположение пришельцев и то, чем они занимались.

— Вон туда давай, сбоку зайдём, — сказал кто-то из людей, и они приблизились.

— Ну, раз... Два... Три!

Звук падения чего-то тяжёлого, но мягкого. Ош догадался, что это было тело. Ещё один мёртвый орк... Мёртвый чуть больше, чем он сам. Похоже, что на этот раз уйти не удалось никому.

Всадники налетели словно ураган. Людей было меньше, чем орков, но они, как всегда, были слишком хорошо организованы и вооружены. Племя не смогло нанести им ощутимый урон. Ош не знал наверняка, но почему-то был в этом уверен.

«Племя, которого больше нет, — подумал орк. — Моё племя».

— Последний? — Человек пытался перевести дыхание.

— Да сейчас, размечтался! Пошли. До темноты управиться бы надо.

То ли шутя, то ли переругиваясь, люди двинулись прочь. Ош догадался, что эти двое не были воинами. Просто кто-то из местных прибирался на месте бойни. Обычное дело. Убитых орков соберут в кучу и сожгут. Своих мертвецов люди предпочитали зарывать в землю. Странно, они никогда не поступали так с орками. Видимо, люди считали, что такие, как Ош, недостойны земли...

Орк отогнал от себя досужие рассуждения. Постарался сосредоточиться. Нужно было выбираться, пока его не сожгли вместе с остальными.

Немного приподнявшись, Ош огляделся и заметил поблизости канаву. Тёмная рытвина тянулась через поле в сторону леса. На дне наверняка оставалась вода, но канава всё равно была лучшим маршрутом для бегства, который орк мог себе представить.

Даже самые лёгкие движения вызвали в груди вспышки ослепляющей боли, но Ош не спешил вытаскивать стрелу. Он уже видел, как за считанные мгновения истекали кровью те, кто поступал так. К тому же стрела могла быть зазубренной, и вместе с ней орк вытащил бы наружу половину своих внутренностей.

Извернувшись как змея, Ош высвободил из-под груды тел сначала одну, а потом и вторую ногу. Осталось только благодарить судьбу, что его не засыпали полностью. Тело онемело и не желало повиноваться, но всё же подчинилось упрямой воле хозяина. Отталкиваясь от чавкающей грязи, орк начал медленное путешествие в сторону спасительной канавы.

Ош полз на боку. Стрела не давала перевернуться на живот. Из раны сочилась чёрная кровь. Дыхание перехватывало. В горле что-то булькало. Утерев подбородок, орк увидел на чумазой руке тёмные пятна. Да, плохи его дела...

— Да чтоб тебя, я же сказал, что он ещё живой! — донеслось откуда-то сзади.

Ош не испугался, не почувствовал досаду или ярость. Им овладело странное спокойствие, а затем — безразличие к происходящему вокруг. Продолжая ползти вперёд, орк упрямо передвигал конечности. Всё равно хуже уже не будет.

Ош приготовился ощутить смертельный удар дубиной или топором, но лишь услышал предсмертный вопль кого-то из своих соплеменников и удовлетворённые голоса людей. Значит, его пока не заметили. Значит, он ещё поживёт. Через мгновение грязная, подёрнутая зелёной ряской вода приняла полуживого орка в зловонные объятия.

Зачем он делал это? Зачем остервенело цеплялся за мир, когда всё его племя, вся его жизнь остались на том поле? Ош и сам не знал. Он вообще сомневался, что со стрелой, торчащей из сердца, ему удастся прожить достаточно долго, чтобы найти ответы на эти вопросы. Им овладело необъяснимое желание двигаться вперёд.

Ош был упрямым орком. От силы воли? Или от глупости, которая среди представителей его народа встречалась довольно часто? Так или иначе, именно это качество помогло ему достигнуть леса. Когда Ош выбрался из канавы и поднялся на ослабевшие ноги, в которые до сих пор вонзались незримые иголки, небо уже окрасилось багрянцем заката. Вечернее светило словно стремилось скрыть следы недавней расправы, заливая мир мерным красноватым сиянием.

Ош облизнул тонкие пересохшие губы. Взгляд упал на недавно взрытый дёрн. Глаз опытного охотника без труда распознал следы подкованных копыт. На лошадях орки не ездили. Должно быть, отряд, с которым они столкнулись, всё ещё рыщет здесь в поисках уцелевших. Нужно было уходить в лес, и чем скорее, тем лучше. Словно в подтверждение этих мыслей где-то вдалеке пёс зашёлся злобным пронзительным лаем. Оттолкнувшись от дерева, Ош, пошатываясь, заковылял в стремительно темнеющую чащу. Ему не нужен был факел. Большие, цвета осенней листвы глаза орка прекрасно видели в темноте.

Звуки исчезли. В ушах стоял монотонный стук сердца, как барабан, удары которого, казалось, становились всё реже и слабее. На мягких лапах к нему неспешно подкрадывалась тишина. Деревья вырастали впереди тёмными зловещими скелетами, царапая кожу Оша узловатыми пальцами. Они походили на колонны загробного мира. Их стволы двоились и расплывались как в тумане. Ош брёл почти на ощупь. В этой сумеречной чаще на него обрушились горькие мысли, тоска, чувства потери и одиночества.

Лица сородичей проплывали перед ним неясными, зыбкими видениями. Они ускользали от его памяти. Ош чувствовал, что умирает. Слышал, как голоса племени зовут его за собой в вечную ночь.

Грубая морщинистая кора под пальцами сменилась холодным и шершавым камнем, но эта перемена ничуть не встревожила Оша. Напротив, она почему-то показалась ему абсолютно естественной. Шаги давались с трудом. Казалось, что он куда-то поднимается...

Наконец идти стало легче, но порадоваться этому Ош не успел. Споткнувшись, он как подкошенный рухнул на твёрдую каменную плиту. Удар протолкнул стрелу. Она вышла из спины орка, как молодой росток, что смог пробиться к живительному солнцу. По камню стала неспешно растекаться чёрная липкая лужа...

Вместе с кровью Оша покидала сама жизнь. На какое-то смутное мгновение ему показалось, что рядом кто-то стоит. Молчаливо стоит и ждёт. Ощущение чужого взгляда, чужого присутствия было столь сильным, что Ош даже захотел повернуть голову и осмотреться, но не смог этого сделать. У него больше не было сил. Когда он уже почти поверил, что это просто игра погружавшегося в небытие разума, в голове прозвучали странные слова.

— Кто... ты? — спросил холодный, как зимний ветер, голос, заставивший умирающее тело орка поёжиться.

Ош никогда не ощущал ничего подобного. Голос просто возник в его голове, минуя уши. Краем угасающего сознания Ош понял, что голос был старым. Нет, не так. Орк старательно подобрал более подходящее слово. Голос был древним.

— У тебя... сердце моего врага, но ты — не он, — продолжал загадочный голос. —

Кто... ты?

— Ош, — неожиданно для себя выдавил Ош, — орк.

На этот ответ, казалось, ушли его последние силы. Веки неудержимо поползли вниз, превращая царящий вокруг полумрак в непроницаемую тьму забвения.

— Ты хочешь жить, Ошорк?

Что за странный вопрос...

Хочет ли он жить? Что за странный вопрос. Ош хотел что-то ответить, но не смог даже пошевелить языком. В следующее мгновение сознание милосердно покинуло его.

Глава вторая. Встречи

Попирая праведность, всякий человек порождает чудовище. Вкушая гордыню — обращается в него.

«Заветы Древних»

Он идёт вперёд. Решительный и упорный. Рядом шагают его друзья, его братья и сёстры. Их глаза горят голубым огнём, напоминающим свет холодных звёзд.

Кажется, что сама земля сотрясается под их шагами. Броня тяжела, но они не чувствуют её веса. Чёрная поверхность покрытого копотью металла пестрит причудливыми символами. Эти начертания то и дело вспыхивают, разукрашивая доспехи зловещим сиянием. Холодные руки сжимают древнее оружие. У кого-то уже нет пальцев. Их мечи намертво привязаны к культам обрывками верёвок и цепей, прикованы стальными заклёпками прямо к костям.

Они — сила. Они не испугаются. Они не побегут. Их цель — впереди. Могущественный враг. Враг, с которым нельзя договориться. Враг, которого нельзя победить.

Жалящим дождём сверху льются стрелы. Им нет числа. Они закрывают солнце. Одни вонзаются в иссохшую твердь под ногами, другие — в доспехи, кости и плоть. Никто не падает, никто не кричит, никто не просит пощады. Время боли и страха прошло. Осталось лишь отчаяние. Отчаяние, ненависть и... надежда.

Вот, их уже видно впереди. Гордых. Быстрых. Сильных. Смертельно опасных.

Где-то за спиной боевые барабаны натужно зывают к ярости. Зывают к возмездию и крови. Они — голос этого безмолвного воинства. Его вопль. Его гимн. Его молитва.

Они шли вперёд. Они отдали за победу всё, что могли...

* * *

— Хочу! — вырвался из глотки хриплый возглас, напоминающий крик утопающего.

Первое слово, которое произнёс Ош, когда открыл глаза, очнувшись от страшного видения. Перед ним переливался узор из переплетающихся ветвей деревьев, что тянулись вверх, к светлому утреннему небу. Листья задорно плясали, поддавшись лёгкому ветерку, гуляющему над лесом. Ночь прошла, но Ош этого не заметил. На лбу выступил пот. Пальцы стискивали мягкое покрывало. Пахло хвоей, прелыми листьями, дымом и какой-то снедью. От этого запаха у Оша заурчало в животе. Он был жив. Всё ещё жив.

— А, очнулся?

Незнакомый человеческий голос заставил Оша вздрогнуть от неожиданности. Звучал он странно и как-то необычно... Незнакомец говорил забавно, даже весело, но никакого веселья почему-то не пробуждал.

Над орком склонился тёмный силуэт. Увидев глаза, смотрящие на него, Ош на мгновение решил, что перед ним сородич, но понял, что ошибся. В тени слабо светились маленькие точки цвета старого золота. Незнакомец смотрел на орка с беззлобным прищуром.

Просторная одежда скрывала фигуру, а пухлый головной убор был похож на птичье гнездо, смотанное из ткани. Из-под тёмной как ночь материи вынырнула смуглая, морщинистая рука и привычным движением убрала в сторону лоскут, закрывающий рот. Человек был стар. Его обветренное коричневое лицо, испещрённое морщинами, украшала аккуратная седая борода с усами.

— Вот, выпей. — Резкие и короткие слова напоминали треск горящего полена.

Человек аккуратно приподнял голову орка и поднёс к его губам деревянную миску, от которой шёл горячий пар, пахнувший травами и чем-то незнакомым. Прежде чем Ош что-то понял или запротестовал, обжигающее варево начало вливаться в глотку. Он закашлялся, отчего грудь немедленно расколол приступ нестерпимой боли. Напиток был не только горячим, но и невероятно горьким. Большой гадости Ошу не доводилось пробовать за всю его недолгую жизнь, а уж гадости ему выпало попробовать изрядно. Застонав, он оскалил короткие жёлтые клыки, за которые в племени его часто дразнили Беззубым Ошем.

Сначала в голове родилась дикая мысль, что человек хочет отравить его, но она не выдерживала никакой критики. В конце концов, если бы незнакомец помышлял убить его, он легко мог бы сделать это и раньше.

— Так не пойдёт, ты должен выпить всё, — сказал странный человек, и миска с отваром вновь очутилась у лица Оша.

На этот раз орк, зажмурившись, проглотил её содержимое полностью. Удивительно, но ему сразу стало легче. Боль отступила, а тёмные круги, плясавшие перед глазами, рассеялись.

— Алим, так меня зовут, — представился незнакомец, отставляя миску в сторону.

— Ош, — ответил Ош, — я уже говорил... раньше.

— Раньше? — улыбнулся Алим. — Нет. Я нашёл тебя уже... как сказать? В забвении.

— Но я слышал что-то... кого-то... — Он попытался вспомнить, но всё было как в тумане. И ещё это видение, посетившее его... нет, его он не хотел вспоминать. Никогда.

Ош уже и сам не знал, зачем разговаривал с этим странным человеком, назвавшим себя Алимом. В конце концов, люди всегда были его врагами. Врагами орков. От них не приходилось ждать ничего хорошего. Сейчас же он чувствовал острую потребность поговорить хоть с кем-то, потому что иначе ему пришлось бы остаться один на один со своими собственными мыслями.

— Тебя... — Алим сделал паузу, вероятно подбирая нужные слова, — коснулась тьма. Ты бредил, кричал, говорил вещи, которые не мог знать.

— Вещи, которые не мог знать?

— А... не важно. — Алим махнул рукой, как бы говоря, что это не стоит дальнейшего обсуждения. От этого жеста по его просторным тёмным одеждам прошла волна складок, и Ош понял, почему вид этого человека тревожил его. Алим был похож на огромного старого ворона.

«Птицы, слетающиеся на запах смерти», — подумал орк.

Алим помог Ошу сесть и опереться спиной о ствол старой сосны. Орк отметил, что грудь его туго перетянута лентой из желтоватой материи, на которой ещё сохранились следы подсохшей крови. Злосчастная стрела исчезла.

— Что было, то прошло. — Алим открыл крышку небольшого котелка, висящего над тлеющим костром, и принялся раскладывать по мискам его содержимое. — Давай забудем о горестях и разделим пищу, Ошорк. Там, откуда я родом, принято так поступать.

— Как ты меня назвал? — переспросил Ош, по спине которого прошёл какой-то неприятный холодок.

— Ош. Разве это не твоё имя? — улыбнулся Алим, протягивая миску с пищей.

Ош готов был поклясться, что услышал что-то другое, но стоило аромату еды достигнуть ноздрей его маленького плоского носа, как орк забыл обо всём на свете и принялся жадно

поедать содержимое миски. Насколько он мог судить, похлёбка была приготовлена из кролика. У неё был довольно необычный вкус, но, опустошив посуду, Ош, не стесняясь, попросил добавки. Когда же Алим вынул из своей походной сумки лук, хлеб и какой-то пряный жир, орк вовсе разомлел.

— Знаешь, а ты счастливчик, Ош, — заявил Алим, когда они расправились с едой. Теперь он делал что-то вовсе непонятное. Достав небольшую плошку, старик насыпал туда каких-то тёмных зёрен и принялся мелко перетирать их округлым камнем. Над лесной стоянкой тут же поднялся резкий необычный запах.

— Потому что встретил единственного в мире человека, который при встрече не хочет разбить орку голову? — усмехнулся Ош и сам удивился столь неожиданному красноречию. Конечно, он был далеко не глуп по меркам орков, но не помнил, когда ещё он мог изъясняться столь изящно и остроумно.

— Потому что эта стрела попала туда, куда она попала, — пояснил Алим, но, видя, что орк его не понял, продолжил: — Видишь ли, обычно у орков, как и у людей, сердце в груди находится слева, но иногда случается так, что всё наоборот. У тебя сердце с другой стороны, справа. Если бы стрела попала туда, ты был бы мертвее барсука, которого мы только что съели.

Закончив перетирать семена, Алим насыпал их в небольшой металлический сосуд и, залив содержимое водой, поставил на угли.

Ош почувствовал усталость. То ли весь этот разговор утомил его, то ли разморили пища и тепло костра. Веки налились тяжестью, и глаза стали закрываться сами собой.

— Это лекарство действует, — пояснил Алим, помогая Ошу вернуться на его лежанку, охапку лапника, накрытую тонким потёртым покрывалом. — Тебе нужно поспать.

Когда Ош вновь улёгся, Алим снял с углей сосуд с тёмным напитком и наполнил свою чашу. Пригубив небольшой глоток, он удовлетворённо выдохнул.

— Спи, Ошорк, и кошмары тебя больше не потревожат, — пообещал он, и орк тут же, как по волшебству, провалился в небытие.

* * *

Когда Ош проснулся, в небе догорал закат. Старик был прав: на этот раз орк спал спокойно и умиротворённо. Он даже подумал о том, что уже давно не спал так хорошо.

— Алим? — позвал он слабым голосом, но ответа не последовало.

Ош повернул голову и огляделся. Стоянка была пуста. Ни старика, ни его пожитков не было видно. Угли в костре едва теплились, свидетельствуя о том, что разведивший его человек ушёл довольно давно. Не привиделась ли ему эта встреча? Нет, покрывало лежанки было всё ещё под ним, да и грудь орка всё ещё перетягивали длинные полосы тонкой ткани.

Алим ушёл. В этом не было никаких сомнений. Кем был этот человек? Зачем он помог умирающему орку и даже разделил с ним трапезу? Ош не знал этого. Произошедшее было столь же невероятным, как и сам факт того, что он всё ещё жив.

Что дальше? Он понятия не имеет, где находится. Оружия нет. Соплеменников не осталось. Прошлое мертво.

В конце концов, немного поразмыслив, Ош решил двинуться в предгорья, туда, где людей было меньше, а дичи больше. Поднявшись на ноги, он сделал два, в целом приятных, открытия. Первое заключалось в том, что ноги уже довольно сносно его держали. Второе открытие было воткнуто в ствол сосны, под которой он лежал. Это был небольшой, грубо сработанный, но вполне пригодный для использования нож. Даже самый тупой орк

догадался бы, что это дар Алима.

Оружие, или, скорее, инструмент представляло собой полоску стали чуть длиннее ладони. Один её конец был превращён неизвестным и не слишком искусным мастером в простое, но остро заточенное лезвие, отполированное частым использованием. Другой — в довольно удобную рукоятку, плотно замотанную тёмной бечёвкой, старательно протёртой воском, охраняющим её от влаги и гниения. В отверстие на рукоятке был продет длинный кожаный шнурок.

Поблагодарив про себя странного старика, Ош повесил нож на шею. Немного помедлив, он скатал старое покрывало, на котором лежал всё это время, и, решив, что оно ему ещё пригодится, повязал его поперёк туловища. Завершив приготовления, Ош в последний раз осмотрел стоянку, поднял глаза к стремительно темнеющему небу и, определив положение небесных светил, двинулся на север, в сторону гор.

Скоро впереди послышался звук текущей воды. Ош вышел к небольшому ручью, что проложил себе дорогу между мшистыми камнями. С какой-то внезапной тоской орк посмотрел на тёмную воду, искрившуюся в сиянии лун-близнецов, пробивавшемся через ветви деревьев. Он думал о том, что ему сейчас предстоит сделать. Простой и вместе с тем невероятно сложный поступок.

Нагнувшись над журчащим ночным потоком, Ош сложил лодочкой жилистые, покрытые мелкими шрамами ладони и, набрав в них немного студёной влаги, несколько раз умылся, энергично обтирая голову и пофыркивая. Он смывал цвета своего племени, две широких серых полосы, пересекающие лицо сверху вниз. Обычно они рисовали их друг другу, используя смесь пепла и голубой глины. Он больше не мог их носить. Не имел права. Племен больше не было, и теперь он превратился в одиночку, безродного изгоя. В их диком обществе таких орков называли «безликими». К ним относились пренебрежительно, но, к счастью, редко трогали, чего нельзя было сказать о носителе племенных цветов, забредшем на чужую территорию. Это расценивалось как вызов, а вызовы обычно заканчивались железом и кровью.

На самом деле Ош не знал, сохранился ли вообще пепельный рисунок на его лице. Однако рисковать орк не хотел. Он уже давно пересёк границы охотничьих земель своего племени, и теперь его окружал незнакомый лес.

Закончив с умыванием, Ош утолил жажду. Срубив молодое деревце, росшее у ручья, он заточил его с одной стороны, соорудив одновременно и посох, и примитивное копье. Рана в груди всё ещё беспокоила, и орку трудно было быстро передвигаться без дополнительной опоры. К тому же здесь можно было встретить зверя, от которого вряд ли получилось бы отбиться одним ножом.

Босые ноги ступали по мху и опавшей листве с бесшумностью бывалого охотника. В лесу Ош всегда чувствовал себя лучше. Здесь он провёл большую часть жизни, выслеживая добычу, собирая съедобные грибы, травы, корни и ягоды. Даже на стоянке своего племени он никогда не задерживался так долго, как здесь, в лесу. К тому же, чего лукавить, в племени к нему относились не слишком-то хорошо. Невысокий, лысый как колено, Ош никогда не мог похвастать большой физической силой или боевой удачей, которая так ценилась среди его сородичей. Да, он неплохо обращался с копьем и луком, но на охоте, а не в бою. К тому же у Оша были маленькие клыки, которые даже не торчали изо рта, а орки всегда считали большие и острые клыки признаком мужественности и власти. Завершали картину его врождённые, несвойственные оркам любопытство и сообразительность — качества, никогда

особенно не ценившиеся в племени. Скорее даже наоборот, порицаемые. Это были качества людей, а люди всегда были врагами.

Несмотря на всё это, теперь, когда холодный лесной ручей уносил в своих водах последнее напоминание о племени, Ош всё равно скучал по ним. Он не первый раз был в лесу совсем один, но первый раз он ощущал своё одиночество столь сильно. Больше не было места, куда он мог бы вернуться.

Где-то над головой ухнул и сорвался с ветвей огромный серый филин. В кустах юркнул мелкий пушной зверь, напоминающий лису. Макушки деревьев сгибались под дыханием северных ветров, заливая всё вокруг мерным шелестом. Этот ветер, спускавшийся сюда с холодных пиков заснеженных гор, приносил с собой весть о зиме. Хотя осень всё ещё была в самом разгаре, его кусачее дыхание обещало, что скоро неизбежно придут морозы, а вместе с ними — голод, болезни и смерть.

Лес жил своей тайной ночной жизнью. Обычно в такие моменты Ош мог почувствовать себя частью этого огромного живого существа, состоящего из растений, животных, грибов и крохотных созданий, копошащихся в листве, но не сегодня. Сегодня он был один, и даже бесконечному древесному морю северных лесов было не под силу утешить его.

Когда начало светать, Ош нашёл вековую приземистую ель, из тех, что растут преимущественно на самом севере, в горах. Расстелив на присыпанной жёлтыми иголками земле покрывало, он устроился на днёвку под её раскидистыми ветвями, как в шатре. Солнечный свет почти не проникал сюда, а именно это и нужно было Ошу.

Вдыхая сладкий смолистый аромат хвои, орк быстро уснул под пение утренних птиц, проснувшись лишь под вечер. Его разбудили, как ему показалось, голоса, которые он слышал где-то в лесу, неподалёку. Сначала Ош подумал, что звуки были частью его сновидений, но вскоре до острых ушей орка вновь донеслись отголоски криков и возни. Выбравшись из-под ели, он прихватил своё самодельное копьё и осторожно направился в сторону шума. Любой другой орк на его месте, вероятно, поспешил бы восвояси, но не Ош. Он был слишком любознателен, из-за чего часто попадал во всякие неприятные истории.

Тихо скользя между деревьями и кустарниками, он чувствовал, что теперь ранение в грудь гораздо меньше беспокоит его. Орки обладали поразительной способностью заживлять свои раны и увечья. Разумеется, так считали только люди: сами орки всегда воспринимали свою живучесть в порядке вещей. Соперничать с ней могло лишь второе их свойство — способность в короткие сроки приспосабливаться к самым неблагоприятным условиям. По сути, именно это долгие годы мешало людям полностью истребить жестокий и дикий народ, доставляющий королевству столько проблем.

Вынырнув из зарослей орешника, Ош замер. Глядя на землю перед собой, он медленно отвёл назад занесённую для шага ногу. Перед ним в траве хищно раскинулись ржавые стальные челюсти. Он уже видел такие штуковины раньше. Эти приспособления люди использовали для охоты, а орки частенько их воровали. Кровь рядом с ними была липкой и свежей. Ош опустил руку к тёмным каплям, чернеющим на пожухлой траве. Принюхавшись к потемневшим пальцам, он понял, что кровь принадлежала орку. В этот самый момент из-за деревьев раздался недовольный человеческий крик.

— Кусается, зараза! — ругнулся грубый мужской бас.

Пригнувшись, Ош со звериной прытью и осторожностью прокрался вверх по лесистому холму, поросшему елями и соснами. Сухая россыпь рыжих иголок делала это место похожим на огромный муравейник. С его вершины Ошу открылась панорама лесной тропы, по

которой двигались четыре человека. Вернее сказать, людей было трое. Четвёртым был лохматый, облачённый в шкуры молодой орк. Ростом не больше Оша, он извивался и вырывался, тщетно пытаясь порвать связывавшие его верёвки. Судя по прихрамывающей походке, именно он и попал в капкан.

— Да успокойся ты, тварь, — недовольно прикрикнул мужчина, державший конец верёвки, и смачно приложил орка пудовым кулаком. Энтузиазма у чумазого пленника заметно поубавилось, и процессия двинулась дальше. — А ты, Мак, лапы не распускай, или вообще без пальцев останешься. Кмет скажет, как поступить.

— Да ясно как, — ответил замыкающий, доставая из-за пояса тяжёлый деревенский топор. — Башку рубануть, а с остальным волки разберутся.

— Может, и так, — пожал плечами обладатель пудового кулака. — Там видно будет.

У Оша возникло странное желание выручить родича из беды. Станным оно было потому, что орки никогда не спасали своих. Обычно считалось, что если кто-то попал в переплёт, то это только его проблемы. Если не сможет самостоятельно выпутаться, значит, был недостаточно силён, а слабаки племени всё равно не нужны. Пройгнорировав это нехитрое правило, Ош осторожно последовал за незнакомцами, оценивая ситуацию.

Простая одежда из грубой домотканой материи, стоптанная кожаная обувь, плетёные пояса. Хоть люди и не были воинами, Ош понял, что не справится с ними. Работящие сельские мужики, каждый из которых был тяжелее и больше его. К тому же двое из них были вооружены топорами, а с пояса третьего свисал огромный охотничий нож. Ош прикинул, что, даже если сможет сразу убить копьём одного из них, воспользовавшись внезапностью своего нападения, с двумя оставшимися ему всё равно не сладить. От хромающего и связанного сородича помощи не дождёшься. Ах, если бы у него был лук...

Между деревьями показался красноватый просвет догорающего далеко на западе солнца. Лес стал реже, а впереди вырос тёмный силуэт небольшой деревушки, приютившейся у подножия склона, с которого они всё это время спускались. Прятаться стало труднее, а потому расстояние, отделявшее Оша от людей, пришлось увеличить. Не доходя до поселения одного полёта стрелы, орк остановился у старого, но всё ещё зеленеющего вяза, воткнул копьё в землю и осторожно полез наверх.

Когда Ош наконец оказался достаточно высоко, чтобы окинуть взглядом большую часть деревушки, троица, пленившая орка, как раз вышла на центральный двор. К этому времени там уже собрались селяне. Ош не мог слышать, о чём они говорили, но их резкие жесты и метавшиеся туда-сюда факелы не сулили пленнику ничего хорошего. Мужики поволокли орка в сарай. Ош не знал, что происходило под его крышей, но через некоторое время люди вышли, оставив добычу внутри, и направились к главному дому поселения.

«Кмет скажет, как поступить», — вспомнил Ош слова одного из них.

Времени было всё меньше. Морщась от волн тупой боли, то и дело поднимавшихся в груди, когда он совершал слишком резкое движение, Ош спустился с дерева. Вновь вооружившись своим нехитрым копьём, орк стал пробираться к деревне. Ему повезло, никаких дозорных с луками и факелами не было и в помине. Частокол, который начали строить с другого конца деревни, ещё не дошёл туда, где Ош намеревался пробраться внутрь.

Солнце село, превратив всё вокруг в монотонные серые сумерки. Для Оша это значило одно: люди ложатся спать. Они были существами, живущими в свете слепящего солнца, но ночь всегда принадлежала диким зверям. Диким зверям и оркам.

Достигнув плетёной изгороди, Ош перебрался через неё и, прокравшись вдоль

бревенчатой стены одного из деревенских зданий, оказался у центрального двора. Участвовавшее биение его необычного сердца отдавалось в ушах. Что делает он здесь? Зачем он это делает? Времени на то, чтобы ответить на эти вопросы, не было. Ош приготовился одним рывком преодолеть двор, но стоило ему показаться из-за дома, как где-то рядом надрывно залаял пёс.

— Да когда ж ты уже издохнешь, разбойник? — заревел мужской голос.

Ош спрятался обратно за бревенчатую стену как раз вовремя. Дверь одного из домов отворилась, и орк увидел в тусклом свете рослую фигуру. Человек подошёл к чёрному псу, прикованному цепью во дворе, и от всей души дал ему пинка. Животное жалобно заскулило и поторопилось скрыться в конуре. Удовлетворённый, по-видимому, таким результатом, селянин скрылся обратно в дом.

Осторожно ступая по дощатому настилу, Ош подошёл к двери сарая и тут же выругался про себя самыми дрянными словами, которые орки только смогли позаимствовать у людей. На двери висел огромный стальной замок, убивавший всякую надежду проникнуть внутрь. Почему он не подумал об этом раньше? Разумеется, они заперли дверь.

Коря себя за глупость, Ош изучал дверь и запор только для того, чтобы убедиться в абсолютной их неприступности. Увлёкшись этим занятием, он чуть было не проворонил человека, направлявшегося к сараю. Услышав его раньше, чем увидев, Ош скользнул за угол, лихорадочно сжимая копьё.

«Как странно, — подумал, немного успокоившись, орк, — что человек здесь делает так поздно? Один, да ещё и без факела».

Ош выглянул за угол и увидел, как селянин подошёл к двери и, стараясь не шуметь, тихо отпер замок. Скорее толстый, чем крепкий, он странно и неприятно ухмылялся в сгущавшейся вокруг тьме.

«Мак», — вспомнил Ош его имя, когда мужчина исчез в тёмном проёме, прикрыв за собой дверь. Тут же послышалась какая-то глухая возня.

Когда Ош рванулся к двери и влетел внутрь, всё уже было кончено. Во тьме амбара он сразу увидел Мака. Толстяк стоял на коленях со спущенными штанами, а вокруг его толстой шеи обвивалось что-то тёмное и живое. Из-за огромного и безнадёжно мёртвого тела на Оша смотрели блестящие глаза, и в глазах этих не читалось ничего хорошего.

— Я — Ош, — сказал Ош, положив заострённую палку-копьё на пол. Это был знак дружелюбия, понятный любому орку. Врагу обычно не называли своего имени. С врагом говорили на языке железа и крови.

Пауза затянулась, и Ош начал сомневаться, стоило ли ему вообще приходить сюда.

— Зора, — ответил из темноты амбара низкий голос, и Ош с лёгким удивлением понял, что это женщина.

«Ну конечно, женщина», — подумал он, коря себя за глупость в очередной раз. Это объясняло и небольшой рост, и спущенные штаны селянина, позарившегося на диковинку.

Мускулистые ноги Зоры, охватывавшие шею селянина, разжались, и толстое тело тихо осело на пол. Только тогда Ош увидел, что её связанные над головой руки притянуты верёвкой к толстым стропилам этого старого, но всё ещё прочного строения.

— Я помогу, — сказал Ош и, сняв с шеи нож, опасно приблизился к новой знакомой. Та ничего не ответила и терпеливо ждала, пока он перережет путы.

Руки Оша дрожали. В сарай почти не проникал лунный свет, и здесь было темно даже для орка. Как только Зора оказалась рядом, его окружил запах её тела. Разумеется, она была

орком, а орки не пахнут цветами, но через грязь и пот его плоский нос уловил нечто такое, чего никогда ещё не чувствовал, и это нечто мгновенно спутало все его мысли.

— У меня всё было под контролем, — недовольно буркнула Зора, когда он закончил возиться с верёвками. Голос у неё был действительно неожиданно низкий и от этого даже немного забавный. Не церемонясь, она отпихнула Оша в сторону и подобрала с пола его примитивное копье. — Ты безликий?

Ош кивнул. Скрывать это было бессмысленно.

— Пойдешь со мной, — сказала она не терпящим возражений тоном и, прихрамывая, вышла на улицу. Ошу ничего не оставалось, кроме как молча последовать за ней.

Глава третья. Безликие

Как Мать-озеро начинается с крохотной одинокой снежинки, упавшей в горах, так и величие рождается в делах столь малых и незначительных, что мир их попросту не замечает. Способность разглядеть его именно тогда — есть истинная мудрость и прозорливость.

Каролина Тибальд. «Дневник памяти»

Уже совсем стемнело, когда они покидали деревню. Зловредный пёс, облаявший Оша, предпочёл помалкивать. То ли зловещий запах смерти, исходивший от беглецов, то ли гнев захмелевшего хозяина удержали его внутри ветхой конуры.

Несмотря на лёгкую хромоту из-за укуса железных челюстей, Зора шла неожиданно быстро и уверенно. По всему было видно, что она довольно хорошо знает эти места.

Ош позволил себе слегка улыбнуться, подумав о том, что теперь непонятно, кто кого спасает. Так или иначе, положение вещей его вполне устраивало, ведь им следовало убраться подальше, пока тело в амбаре не обнаружили. Ош надеялся, что это произойдёт только утром, а тогда они будут уже слишком далеко, чтобы разгневанные селяне могли нагнать их.

С тех пор как орки покинули деревню, Зора не проронила ни слова. Они не говорили о случившемся. Сначала Ош намеревался спросить, из какого она племени, но передумал, вспомнив, что не видел на лице своей новой знакомой никаких племенных цветов. Возможно, ему просто не удалось различить их в темноте, или они стёрлись, пока Зору избивали селяне. Впрочем, был и третий вариант. Она тоже могла быть безликой, но Ош не решался спросить Зору об этом так же просто, как это сделала она. Орки не знали чести, такта или достоинства, но в племени Оша всегда действовал молчаливый запрет. Безликость вообще не обсуждалась: как не принято было говорить о болезнях, людях или хищных зверях. Орки были суеверны и опасались накликать беду подобными речами.

К середине ночи они достигли крупного ручья и, спустившись в его русло, пошли вверх по течению. Если люди из деревни решат преследовать их поутру, здесь собаки потеряют след. Орки, скрывавшиеся от человека многие сотни лет, с материнским молоком впитывали подобные хитрости.

Когда беглецы вышли из русла ручья, свернув на восток, Ош уже не чувствовал пальцев ног, настолько он замёрз. Зора тоже сбавила темп, стала всё чаще спотыкаться. Похоже, что её силы были на исходе. Наконец она просто упала на колени, зацепившись ногой за очередной корень. Ош попытался помочь ей, но она уже знакомым движением оттолкнула его прочь.

— Я сама, — отрезала она холодно и, опираясь на копьё, поднялась на ноги.

— Скоро солнце взойдёт, — напомнил Ош. — Надо искать убежище.

Ей нужен был отдых, но Зора казалась слишком гордой и упрямой, чтобы признать это.

— Ещё немного, — сказала она, и в голосе её звучала усталость. — Здесь недалеко есть одно место.

Она не ошиблась. Когда начало светать, они вышли к небольшой скале, основание которой поросло густым ельником. Пробравшись за деревья, Ош с Зорой оказались в естественном каменном углублении, надёжно защищенном от ветра и любопытных взглядов плотной еловой порослью. Под ногами хрустел слой жёлтой травы и сухого мха, по всему

было видно, что укрытием периодически пользовались их сородичи. Нависающая над головой каменная твердь укрывала от непогоды.

Зора повернулась к Ошу и, уперев в грудь орка деревянное острие его же копья, предупредила, что если он вдруг захочет ею овладеть, пока она будет спать, то ему следует вспомнить того жирдяя в амбаре. В этот момент Ошу показалось, что больше всего она похожа на разгневанный росток чертополоха. Молча кивнув, он стал устраиваться на днёвку немного поодаль.

Ош не знал, уснула ли Зора раньше его или нет, но с копьем она так и не рассталась. Когда он разлепил глаза, покинув странный и тревожный мир сновидений, его спутница, свернувшись калачиком, всё ещё посапывала в объятиях сухого мха. Она сжимала заострённую палку так, словно это было самое великое сокровище на свете.

Решив раздобыть что-нибудь съестное, Ош выбрался через хвойные заросли наружу.

Вечерело, но солнце было ещё высоко. Оказалось, что, пока они спали в чреве скалы, снаружи прошёл дождь, и теперь весь лес был покрыт сверкавшими в солнечных лучах каплями и лужами. Собрав с мясистых листьев немного живительной влаги, Ош слегка утолил жажду и, щурясь от ярких солнечных лучей, отправился на поиски пищи.

Долго искать не пришлось. Недалеко от места их стоянки, на залитой светом поляне обнаружили заросли медвежьего уха, притаившиеся в неглубокой впадине. Ош принялся собирать красные ягоды, отправляя их в рот горстями. Несмотря на терпкий, едва кислый вкус, для него они всегда были настоящим лакомством.

— А повкуснее ты ничего не нашёл? — раздался позади уже знакомый низкий голос, в котором слышались иронические нотки.

Ош обернулся и буквально остолбенел. Часть своих шкур Зора оставила в убежище, и теперь он смог как следует разглядеть её.

Невысокая и крепкая, она выглядела забавно-воинственной. Тёмная, но скорее смуглая, чем зеленовато-серая, как у самого Оша, кожа лоснилась от дождевой влаги, обтягивая налитые силой мышцы. Симпатичное лицо странно напоминало человеческое. В нём не было грубости черт, свойственных большинству орков, однако горящие золотом глаза выдавали её происхождение. Голову Зоры венчала огромная грива лохматых, непослушных волос. Если Оша природа обделила шевелюрой, то на Зоре она, похоже, отыгралась вдвойне. Длинные и жёсткие, её волосы отливали на солнце красной медью и пещерным огнём. Среди орков такое встречалось редко. Но ещё более необычным было то, что она, стоя в лучах солнца, совсем не щурилась. Похоже, слепящий орков небесный свет был ей попросту безразличен.

— Тебя поэтому свои выгнали? — спросила Зора, указав коротким пальцем на своё лицо.

— Поэтому? — озадаченно переспросил Ош, не понимая, о чём она говорит.

— Ты что, глупый? Я говорю про твои глаза.

«Мои глаза? — тревожно подумал Ош. — А что с моими глазами?»

Повинуясь неясному порыву, орк подошёл к луже и заглянул в неё. Ничего особенного: правда, его лицо немного осунулось. Но вот глаза... Правый, янтарно-жёлтый, выглядел как обычно, но вот левый Ош не узнал. Цветом тот стал напоминать лазурное небо. Сам взгляд его изменился. Пляшущие в глубине этого живого сапфира еле заметные искорки мгновенно пробудили в памяти то, что он так старался забыть.

«Их глаза горят голубым огнём, напоминающим свет холодных звёзд», — воскресло в

голове Оша страшное видение, настигшее его на краю гибели, и это воспоминание заставило его похолодеть на солнцепёке.

— Ну, что уставился? Рожу свою не видел никогда? — с насмешкой спросила Зора, легонько ткнув его деревянной пикой пониже спины. — Похоже, ты и впрямь глупый!

Очнувшись от наваждения, Ош посмотрел на Зору так, будто видел её впервые. Проигнорировав его растерянную физиономию, спутница призывно махнула копьём куда-то на восток.

— Пошли, мои уже недалеко, — сказала она. — Не хочу жрать косточки.

Ош не стал спрашивать, кто такие «мои» и что именно они собираются «жрать». Чужой голубой глаз, смотревший на него из отражения, выбил орка из колеи. Не без труда переставляя отяжелевшие в одночасье ноги, он двинулся вслед за Зорой, погружённый в свои спутанные мысли.

Он не запомнил, куда именно и как долго они шли, но, когда впереди показались скалистые кручи, поросшие высокими деревьями, Зору грубо окликнули сверху. Обменявшись с сидевшим на дереве дозорным парой отрывистых фраз, девушка повела Оша через узкую расщелину в глубь скальных нагромождений.

— Говорить буду я, — сказала она, обернувшись к Ошу. — Ты лучше помалкивай.

Орк было хотел спросить спутницу, зачем она вообще его сюда привела, но не успел этого сделать. Когда камни на их пути расступились, они вышли на небольшую прогалину. Здесь росли несколько крупных сосен, между которыми были натянуты защищавшие от непогоды навесы, грубо сработанные из звериных шкур. В серых скалах темнели пещеры и углубления, вроде того, где ещё недавно останавливался Ош со своей спутницей. Из крохотного пруда, наполненного удивительно чистой водой, струился ручеёк, а значит, где-то в студёной глубине находился родник. Идеальное логово для малочисленного племени.

Оша и его рыжеволосую проводницу быстро обступили незнакомые орки. Их было существенно меньше, чем могло вместить это место. Ош сразу заметил, что лица орков не раскрашены. Неужели все они были безликими? Верилось с трудом. Быть может, в этом племени просто игнорировали общепринятый обычай? О таком Ош никогда не слышал.

— Позовите Ургаша! — требовательно сказала Зора, ни к кому конкретно не обращаясь. Не успели орки отреагировать, как над толпой раздался грубый голос.

— «Позовите Ургаша»? — прогрохотал он, и собравшиеся расступились перед огромным орком, направлявшимся к нежданым пришельцам. — Ты что, девка? Решила, буду бегать к тебе по команде, что варгов щенок?

Зора ничего не ответила, но и страха перед приближавшимся великаном не выказала, а бояться стоило. Ургаш был самым страшным орком, которого Ошу приходилось когда-либо видеть. Больше всего громила напоминал свирепого медведя, только что спустившегося с гор. Лысую, покрытую шрамами голову обрамляли колючие клочья угольно-чёрных волос. Над тяжёлой нижней челюстью возвышался единственный клык, похожий на длинный кинжал, а маленькие жёлтые глазки горели неподдельной яростью.

Занеся бугристую руку, он отвесил Зоре такую оплеуху, что та, не удержавшись на ногах, рухнула на землю.

— Где ты опять шаталась и кого с собой притащила? — Ургаш опустил глаза на Оша.

«Она его дочь или женщина?» — почему-то подумал Ош, хотя нужно было думать о том, как поскорее убраться, спасаясь от этого чудовища.

— Меня сцапали люди, — ровным голосом ответила Зора, поднимаясь на ноги. — Его

зовут Ош, он помог мне.

Жуткая физиономия Ургаша приблизилась к лицу Оша так близко, что он смог почувствовать зловоние, исходившее из раскрытой пасти.

— Ош, значит? — спросил великан. — А что, своего языка у тебя нет, Ош? И что за дерьмо у тебя с глазами? Ты что, полукровка?

Слово подействовало на Оша как ледяной дождь. Это было самым сильным оскорблением для орка. Полукровки, плоды противоестественной связи человека и орка, встречались очень редко, и сам Ош никогда их не видел, но с детства его учили тому, что это невероятная мерзость, даже в глазах орков. Ирония заключалась в том, что люди, насколько ему было известно, разделяли подобные воззрения.

— Я — орк. Настоящий.

— Почему бы мне не убить тебя, орк? — ответил Ургаш, и Ош понял, что тот не шутит.

— Я прошу тебя, — вмешалась Зора, — дай ему еды, железа, и он уйдёт. Или моя жизнь здесь больше ничего не стоит?

— С тобой я поговорю позже! — прогрехотал Ургаш и вернулся к разноцветным глазам Оша. — Так что ты скажешь, орк? Убить тебя?

— Делай как хочешь, — безразлично ответил Ош. Всё равно, с тех пор как его грудь пробила стрела, он был уже мёртв.

Повисло молчание: маленькие жёлтые угольки Ургаша изучали что-то в глазах Оша. Никто из собравшихся орков не смел подать голос. Все терпеливо ожидали, чем кончится эта немая беседа.

— Выгнали или сам ушёл? — наконец спросил Ургаш.

— Умерли, — ответил Ош, догадавшись, что речь идёт о его племени. — Все.

— Хворь?

— Люди.

От этого слова в страшной маске Ургаша что-то неуловимо изменилось, будто она дала трещину. Поразмыслив ещё пару мгновений, он отвернулся от Оша и зашагал прочь.

— Дайте ему пожрать, он остаётся, — кинул он на ходу и обратился к Зоре: — Сама будешь за ним присматривать.

— Вот ещё! — хмыкнула та, но Ургаш наградил её таким тяжёлым и долгим взглядом, что вся её отвага сразу куда-то улетучилась. — Хорошо...

Представление закончилось. Накрытая полинявшей звериной шкурой спина Ургаша удалялась прочь. Орки тоже стали разбредаться по своим углам, утратив к Ошу всякий интерес. Только Зора всё ещё стояла на своём прежнем месте, потирая опухшую щёку.

— Ургаш — вождь? — спросил Ош, подойдя к ней поближе.

— Да.

— Он... всегда такой?

— Всегда.

Ош подумал, прежде чем задавать вопрос, который почему-то сильно его интересовал, и, набравшись храбрости, всё же спросил.

— Ты от его семени?

— Нет. И вообще это тебя не касается!

Зора вернула ему деревянное копье.

— Если ты решил остаться, то я с тобой нянчиться не буду. Сам ищи себе угол, ты же у

нас настоящий орк, — сказала она и зашагала прочь.

Ош провожал её взглядом, думая о том, что теперь делать. Ургаш даже не спросил Оша, хочет ли тот остаться. Впрочем, орк и сам неожиданно для себя понял, что совсем не против. В конце концов, куда ему было идти? Зима на пороге. Одинокий орк вряд ли протянет до весны. Вместе у них больше шансов выжить. Истина, которую ему в полной мере удалось осознать только сейчас.

— Пахнешь странно, — раздался над ухом шепелявый голос, и Ош, вздрогнув, резко обернулся.

Перед ним стоял старый сгорбленный орк, закутанный в хламиду из потёртой сыромятной кожи. Его глаза не светились в ночи. По их блёклому, мёртвому виду Ош догадался, что старик абсолютно слеп. Сморщенную, как сушёное яблоко, голову украшали вялые, свисающие лохмотьями уши необычайных размеров. При этом каждое пестрело россыпью всевозможных серёжек, сделанных из кости.

— Меня кличут Ушан, — представился старик, и Ош тут же поверил в это. — Крушител велел тебя покормить. Пойдём.

Опираясь на изогнутую палку, старик уверенно двинулся через лагерь. Ош последовал за ним, думая о том, что никогда ещё не видел таких старых орков, тем более слепых. Потерять руку или глаз — это одно, но, как только орк становился обузой, племя без колебаний избавлялось от него. Чаше он уходил сам и больше не возвращался. Так было заведено.

Вокруг орки, составляющие это странное племя, занимались своими обычными делами. Кто-то штопал костяной иглой шкуры и лохмотья, которые они использовали в качестве одежды, кто-то точил топор о речной камень. Однорукий уродливый орк ножом скрёб растянутую на деревянной раме шкуру козла. Матери кормили детёнышей грудью, а мужчины, собираясь на охоту, что-то увлечённо обсуждали у костра. Пламя порождало огромные, оранжевые тени, пляшущие на скальных стенах лагеря, оживляя их. Орки были разными. Слишком разными.

— Кто они? — спросил Ош у старика.

— Я думаю, что ты уже догадался, — ответил, не оборачиваясь, Ушан. — Одних выгнали свои, другие ушли или бежали сами, третьи потерялись, четвёртые стали обузой, как я. У каждого своя история. Мы не племя. Мы скорее то, что люди называют «бандой». Да, банда Ургаша, банда изгоев.

Оша поразило, как хорошо и мудрёно умел говорить этот старик. Почти как человек.

— Ты давно здесь?

— Давно? Да, порядочно. — Ушан поскрёб пятернёй пятнистую лысину. — Я был одним из первых. Тогда нас не набралось бы и дюжины, а сейчас в лагере больше сотни голов.

— А Зора? — Рыжеволосая бестия никак не выходила у Оша из головы.

— С самого начала. Тогда она была ещё совсем малявкой. Мой тебе совет: держись от неё подальше. Ты ведь наверняка уже понял, кто она.

— А кто? — переспросил Ош, боясь услышать ответ, который уже сам представил. Разумеется, Зора была женщиной Ургаша, как иначе? Ведь она сама сказала, что не дочь ему.

Старик остановился и, доверительно нагнувшись к Ошу, тихо прошептал, прикрывая морщинистый рот ладонью:

— Полукровка...

Глаза Оша расширились от удивления. Она? Полукровка? Сначала он хотел спросить,

зачем старик обманывает его, но потом, в какой уже раз, отругал себя за глупость. Ну конечно же! Странная внешность, невосприимчивость к солнечному свету — всё говорило об одном! Он всегда думал, что полукровки были чудовищами, но теперь эта уверенность пошатнулась.

А потом он вспомнил свой ответ на вопрос Ургаша. Мог ли он задеть этим Зору? Да, он действительно орк, и это правда, но не прозвучало ли так, будто он не считает орком её? И вообще, кем её следовало считать? Человеком? Нет. Орком? Снова нет. Решив, что подумает об этом позднее, Ош проследовал за Ушаном к небольшой пещере и костерку, над которым сушились связки вяленого мяса, трав и грибов, нанизанных на вытянутые животные жилы.

Немного порывшись в закромах, старик вытащил прокопчённый кусок мяса, завёрнутый в засаленную ткань и пригоршню диких яблок, вялых, но, как оказалось, всё ещё довольно сладких. Пока Ош уплетал нехитрый провиант, Ушан сходил к источнику. Вернувшись с видавшим виды котелком, наполненным водой, он поставил его на угли. Когда вода закипела, он бросил туда охапку молодых еловых иголок, отчего пар, поднимавшийся над костром, приобрёл сладкий хвойный аромат.

— Мне повезло, — признался Ушан, рассевшись у костра на облезлой кабаньей шкуре, накрывавшей стопку дров. — Я слеп, что крот, но Ургаш ценит меня. Я знаю толк в добрых травах и грибах, могу всегда сказать другим, можно ли есть то, что они приносят, или от этого кишки скрутит и кровь из задницы польётся рекой.

Он сделал паузу и, достав из мешка две грубо сработанные деревянные чашки, зачерпнул в них горячего хвойного отвара.

— Вот и скажи мне, Ош, — старик протянул ему одну из дымящихся чашек, — кто ты и чего тебе надо?

И Ош рассказал почти обо всём: о своём племени, о том, как в возрасте восьми зим убил из лука своего первого оленя, о том, что любит заниматься резьбой по кости и дереву, а также различает многие добрые и злые травы. О нападении людей и стреле в груди, о канаве и своём чудесном спасении, о том, как одиноко ему было, пока не встретил Зору... Умолчал лишь о том, что случилось в ту страшную ночь, когда он находился между жизнью и смертью...

Слепой старик не перебивал. Только молчаливо слушал, то и дело отхлёбывая немного елового варева из своей чашки.

Когда Ош закончил, на востоке уже начали пробиваться первые лучи солнца. Хотя лагерь и был защищён от них массивными скальными стенами, Ош видел, как свет озаряет кроны деревьев, растущих наверху.

— Если ты ещё не выбрал себе угла, то можешь лечь здесь. — Старик указал Ошу на кучу соломы и сухого мха, находившуюся у входа в пещерку с припасами. — Когда меня нет, они иногда таскают отсюда еду. Сделать это будет труднее, если придётся перешагивать через тебя. У меня сегодня ещё много дел.

Поднявшись с поленницы, старик устало потянулся и пошёл прочь, постукивая по камню своей отполированной от долгого использования палкой. Сначала Ош немного удивился. Какие дела могут быть у орка среди бела дня? Но потом чуть не рассмеялся. Что солнце может сделать Ушану? Ослепить его второй раз?

Пещера была практически полностью завалена свёртками, мешками и грубыми, сплетёнными из молодой коры корзинами, заполненными дикими кореньями и плодами. Устроившись у входа, Ош решил, что нужно будет вырезать для Ушана новую серьгу в

благодарность за угощение и тепло. Конечно, он понимал, что ещё не скоро станет своим, но это всё равно было лучше, чем остаться одному.

Подложив руки под голову и зарывшись в сухой мох, Ош попытался уснуть, однако на этот раз мир грёз не принёс желанного покоя. Стоило орку провалиться в его глубины, как из тёмного марева, напоминавшего ночной туман, освещённый лунами-близнецами, возникло призрачное лицо с горящими голубым огнём глазами. Взгляд, который Ош однажды уже почувствовал на себе тогда, в лесу.

— Не бойся... Ош...орк, — услышал он тот самый шелестящий голос, долетавший до него из клубящейся тьмы, — не надо... бояться...

От этого голоса веяло таким замогильным холодом. Холодом и невероятной, непостижимой тоской...

— Кто ты? — спросил Ош, просто чтобы сказать хоть что-то.

— Не помню... Давно... не помню...

Убедившись, что жуткий дух слышит его, Ош решился задать вопрос, который уже не первый день крутился у него в голове:

— Это ты спас меня или это был Алим?

— Да... — выдохнул Безымянный, как решил называть его про себя Ош.

— Я не понимаю.

— Ты поймёшь...

— Что тебе нужно от меня?

— Мне... нужно вспомнить...

— Что вспомнить?

— Что это... значит... быть... как ты...

Голос Безымянного угасал, словно огонь лучины, которую задувает сильный ветер. Слова всё труднее давались ему, превращаясь в несвязное эхо.

— Как я? — переспросил Ош. — Быть орком?

— Живым...

Глава четвёртая. Мир тьмы

Довожу до вашего сведения, что человек, о коем вы справлялись, всё ещё жив и, несмотря на юный возраст, исправно работает в счёт провинностей перед короной и государством.

М.Б. Записка в королевский секретариат

Открыв глаза, он не увидел ничего. Здесь, в сердце горы, тьма была, как всегда, абсолютной. Эдуард мог поднести к лицу руку, почувствовать кожей своё жаркое, хриплое, как у всех каторжан, дыхание и не разглядеть собственных пальцев.

Человек, долгое время пребывающий в такой непроглядной темноте, начинает забывать, как выглядит свет. Его слух становится слухом летучей мыши, улавливающей мельчайшие шорохи. Его кожа превращается в чешую рыбы, способную ощутить малейшее колебание окружения. Человек перестаёт быть человеком, превращаясь во что-то иное — создание без света, надежды и будущего.

«Я должен выбраться отсюда, — уже в который раз подумал Эдуард. — Должен выбраться отсюда, пока это место не поглотило меня».

Хуже еды здесь была только вода. Пахнувшая серой и мочой, она не годилась даже для мытья полов, но другой просто не давали. Тоннели, которые каторжане прокладывали при тусклом, болезненно-голубом свете чадивших копотью факелов, грозили в любой момент обвалиться, похоронив под неподъёмным слоем породы людей, вгрызавшихся в каменную плоть горы. Однако хуже всего была темнота. В ней он чувствовал, как сходит с ума, как странное, пугающее нечто окружает его. Эдуард начинал слышать голоса, плач, а порой — даже ощущать чьё-то присутствие за своей спиной. Иногда он слышал отца и не знал, воспоминания это или крепнущее внутри него безумие. Неужели злые языки, возводившие хулу на его родителей, были правы? Неужели в крови, что течёт по его жилам, та же слабость? И безумие прорастёт в его душе, лишая свободной воли и рассудка? Нет, он не верил в это. Отказывался в это верить.

К плечу Эдуарда прикоснулись холодные, тонкие пальцы, и он чуть заметно вздрогнул.

— Чего не спите, ваше лордство? — раздался в темноте мягкий голос старого Хэнка, и Эдуард облегчённо выдохнул.

— Я же просил тебя не называть меня так.

Старик тихо засмеялся, но этот смех быстро перешёл в утробный, надрывный кашель. Эта судьба ждала всех, кто провёл в шахтах Гнезда Олофа столько же, сколько был здесь Хэнк.

— Мне кажется, что моё время приближается, — сказал старик, уняв наконец спазмы, раздиравшие грудь.

— Не говори ерунды, — отчитал его Эдуард. — Ты ещё на моих похоронах прокашляешься.

Они трудились в узких тёмных штреках парами. Отделённый от лабиринта шахт доброй стальной решёткой, врезанной в опорную крепь тоннеля, такой штрек был одновременно и рабочим местом каторжан, и их тюремной камерой. Конечно, у них были шахтёрские инструменты, и можно было попытаться выломать решётку, но при этом лишённый опоры

свод тоннеля мог просто обвалиться, превращая слепой ход в братскую могилу. Даже прекрасно это зная, многие каторжане сводили таким образом счёты с жизнью. Они называли это «уйти в камень».

В каждом штреке стояла вагонетка для руды. Её нужно было заполнить: от этого зависело, сколько в ней будет еды и воды, когда пустая вагонетка вернётся назад. Тех, кто исправно работал и не вызывал проблем, охранники могли перевести в промежуточные тоннели, где отгружали руду. Такой труд был куда легче, а потому многие заключённые стремились получить это место.

— Скоро придёт факел, — сказал Хэнк, конечно имея в виду охранника, сопровождавшего сборщиков руды, забиравших вагонетки раз в сутки. Во всяком случае, они думали, что это происходило именно так. Под землёй сложно было следить за временем.

Прозвище охранников объяснялось тем, что они меняли в факелах светочи — пористые камни, пропитанные кровью земли. Одна такая зловонная, покрытая сажей каменная губка могла гореть много часов, отмеряя рабочий день каторжан. В их же интересах было закончить добычу до того, как светоч погаснет, погружая штрек в темноту. Работать без света, на ощупь, было не только невероятно тяжело, но и небезопасно.

Единственной радостью заключённых был банный день. Раз в месяц их выводили на поверхность, загоняя полуголых, ослеплённых солнцем людей в горячие, окутанные паром озёра. Хотя в такие дни легко было подхватить хворь, равносильную смертному приговору, каторжане ждали их с нетерпением. Ждали солнца, свежего воздуха и чистой горячей воды, заполняющей озёра Сокрытой долины.

Скрип колёс вагонеток напомнил о том, что купание нужно было ещё заслужить. В зарешёченном проёме штрека возникли голубоватые всполохи, пляшущие на неровных каменных стенах. Свет приближался, пока из тьмы не появился хмурый человек в кольчуге и кожаном шлеме.

— Не издохли ещё? — как обычно поинтересовался он и, отперев решётку, махнул двоим подручным. — Давайте живее, дармоеды!

Пара угрюмых патлатых мужиков в набедренных повязках быстро сменила заполненную рудой вагонетку на пустую, выплеснула содержимое ведра, куда невольники справляли нужду, в сборный передвижной резервуар и покатали змею из вагонеток дальше по тоннелю. Когда вся грязная работа была закончена, охранник с профессиональной небрежностью достал из сумы промасленный свёрток со свежим светочем и установил его в гнезде стального факела, прикреплённого к стене.

— Что-то сегодня меньше, чем обычно, — заметил он, поджигая каменную губку.

— Больно споро светоч сдох, — нашёлся Хэнк, но охранник только хмыкнул в ответ.

— Смотрите, как бы без пайка не остаться завтра. — Он вышел и, повернув в замке ключ, двинулся дальше по тоннелю, нагоняя гроыхающие вагонетки.

— Вот гнида, — шепнул с досадой старик, оценивая скудный провиант, положенный на дно пустой вагонетки.

— Да и Солис с ним, — успокоил напарника Эдуард. — Чем нынче кормят?

— Дерьмом! — зло ответствовал Хэнк и сплюнул себе под ноги, но всё же его тощие руки извлекли на голубоватый свет жалкий паёк.

Отдающая тряпками вода в изрядно потёртой кожаной фляге, тронутый зелёной плесенью хлеб, кусок вяленой конины и какие-то сухофрукты, скорее окаменевшие, чем засушенные.

— Ты пока поешь, — сказал Эдуард, берясь за кирку, — а я начну потихоньку.

Старик проводил благодарным взглядом широкую мускулистую спину парня, удалявшегося в дальний конец штрека. В последнее время Эд брал на себя всю самую тяжёлую работу, оставляя Хэнку погрузку руды в вагонетку. Этот мальчишка появился здесь два года назад. Испуганный, наивный и бесконечно печальный, за время, проведённое на каторге, он волшебным образом преобразился. В этом и заключалась подлая магия тоннелей: сначала они превращали зелёных юнцов в матёрых здоровяков, а через несколько лет бородатые работяги обнаруживали себя дряхлыми, гнилыми стариками, харкающими кровью... как Хэнк. И всё же Эду повезло попасть именно в этот штрек. Хэнк даже думать не хотел, что было бы с этим парнем, попади он в напарники к какому-нибудь насильнику или душегубу, которых, видят Древние, в Железных горах томилось предостаточно.

Завершив скромную трапезу под монотонный стук кирки, Хэнк пошёл проведать своего молодого напарника. Тот уже выворотил из стены увесистую глыбу и теперь старался разбить её на более мелкие части. Старик взял лопату и принялся отгребать обломки.

Они работали слаженно, то и дело обмениваясь короткими фразами. Шутили, рассказывали случаи из жизни, подбадривали друг друга. По-другому тут было нельзя.

До того как попасть в подземелья Гнезда Олофа, Хэнк много путешествовал, а потому его запас историй никак не иссякал. Эдуард с удовольствием слушал про базары Самоцветных островов и опасности, подстерегавшие человека в море, про угрюмых жителей Мареновых топей и их странных богов, про пылающие пурпурным светом огни Предела и рыбаков, что строят святилища на берегу Мать-озера. Многие из этих рассказов он слушал уже не первый раз, но никогда не прерывал напарника. Хэнк был замечательным рассказчиком. Не говорил он лишь об одном — за что угодил в шахты.

На этот раз, к тому времени как пламя светоча начало жалобно подрагивать, предвещая свою скорую смерть, им удалось полностью забить вагонетку твёрдой каменной породой. Пока свет не угас, можно было сделать ещё что-то, чтобы облегчить свой завтрашний труд.

— Надо бы свод укрепить, — сказал Хэнк, критически осмотрев выработку. — Сходи принеси балки, а я пока подумаю, как нам их тут поставить.

Эдуард отложил кирку, отряхнул косматую голову от каменной пыли и направился ко входу в штрек. Туда складывали высушенный временем и долгим применением опорный брус из местных деревьев или взятый из заброшенных тоннелей, которыми уже никто не пользовался.

Когда пальцы Эдуарда сжали сухое дерево, позади раздался глухой грохот, какой создают действительно тяжёлые камни, ударяясь друг о друга. Штрек потонул в облаке пыли, а светоч предательски погас, погрузив всё вокруг в непроглядную тьму.

— Хэнк? — позвал Эдуард дрожащим голосом, но ответа не было. — Старик, ты живой?

Тишина.

Внутри всё похолодело. Нащупав стену штрека, Эдуард двинулся вглубь, выставив вперёд свободную руку, как слепой.

— Солисово пекло, Хэнк, ответь мне! — продолжал звать он, но не слышал ничего, кроме своего голоса и тихого шелеста лениво осыпающихся песчинок. На мгновение Эду показалось, что шелест этот превращается в шёпот незнакомых голосов.

Наконец рука упёрлась в камни. Слишком рано, чтобы дойти до тупика штрека, и Эдуард знал это.

— Эй, этого не может быть, — прошептал он упавшим голосом и стал судорожно ощупывать завал. — Это же просто одна из твоих шуток, верно, Хэнк?

Блуждая вслепую по хаосу каменных нагромождений, руки вдруг наткнулись на что-то мягкое.

— Хэнк! — позвал Эдуард, впившись пальцами в камни вокруг. — Хэнк, держись, я сейчас!

Ломая ногти, обдирая в кровь руки, он принялся разбирать завал. Непрошенная влага навернулась на глаза, но Эдуард изо всех сил старался не давать воли чувствам. Отшвыривая в стороны обломки, он сумел откопать голову напарника и его левую руку, как вдруг пальцы упёрлись в сплошной каменный монолит. Безжалостным надгробием неподъёмная глыба высилась над раздавленным телом старика. Хэнк был мёртв.

Упав на колени, Эдуард дал волю слезам. Со дня гибели отца, два года назад, он поклялся больше никогда не плакать, но теперь слёзы неукротимым потоком вырывались из его зелёных юношеских глаз. Глаз, видевших слишком мало зим и слишком много смертей.

— Э... д... — тоскливо раздалось в темноте.

Юношу опять охватило чувство, что рядом кто-то есть. На этот раз оно было гораздо сильнее его обычных приступов. Словно за спиной его стояла целая толпа невидимых, ждущих чего-то фигур.

— Хэнк? — растерянно спросил он темноту.

— Эд... — вновь повторил кто-то, и на этот раз было ясно, что его воображение тут ни при чём.

Неужели он ошибся и Хэнк ещё жив? Эдуард протянул вперёд руку, пытаясь нащупать голову товарища, как вдруг запястье его схватили поистине мёртвой хваткой жилистые старые пальцы. В темноте, как два крохотных светоча, зажглись мертвенно-голубые глаза Хэнка. От неожиданности Эдуард отшатнулся и попытался вырваться, но не смог.

— Тебе нельзя оставаться здесь, Эдуард, — отдельно и чётко сказал мёртвый старик, буравя его пылающими глазами, и юноше показалось, что он слышит голос отца. — Они скоро придут. Они вернутся.

Мертвец таращился на Эдуарда, прожигая его взглядом, словно высматривая что-то за спиной напарника. Придавленное тело тряслось и дёргалось, будто пыталось выбраться из-под завала.

— Когда ночь окрасится кровью, — объявил Хэнк, — ты должен быть готов!

Охваченному ужасом и смятением юноше наконец удалось выскользнуть из захвата окровавленной, холодной руки — и он бросился к выходу из штрека. Озарённый призрачным, голубым светом, Эдуард старался не думать, что было его источником.

— Ты должен быть готов! — кричал ему вслед мёртвый друг голосом лорда-отца. — Они близко! Ты должен быть готов!

Ободранными пальцами Эдуард впился в прутья запертой решётки и стал истошно звать на помощь, пытаясь перекричать леденящий душу голос существа, бьющегося в заваленном тупике штрека за его спиной. Существа, которое ещё утром было его лучшим другом...

Он звал, но никто не приходил, чтобы спасти его от этого безумия. Звал, пока не сорвал голос.

Глава пятая. Перекрёстки

Люди молвят, будто орки глупы и примитивны по самой своей природе, однако я не соглашусь с этим. Их дикарское поведение и архаичность есть следствие молодости их культуры и незрелости нравов. События, свидетелем которых стал автор сих строк, наглядно показали, что истинную природу этого народа нам лишь предстоит постигнуть.

Пальтус Хилл. «Генезис видов»

Между деревьями, роняющими свои последние краски на холодную землю, мелькнули силуэты взмысленных, покрытых мохнатыми шкурами двуногих зверей. Тёплыми, влажными облаками их тяжёлое дыхание хрипло вырывалось в осень.

Оша не покидало чувство тревоги. Как стая волков, они бежали вниз по течению ручья, того самого, по которому в начале осени Ош шёл вслед за Зорой. Сейчас она тоже была здесь, но от хромоты не осталось и следа. Сжимая длинное охотничье копьё с зазубренным костяным наконечником, рыжеволосая бестия неслась подобно ветру. Она отдавала себя лесу, сливалась с ним в одном диком, неистовом порыве.

Вместе с ними бежали ещё трое куда менее грациозных орков, имена которых Ошу вспоминались с трудом. Высокий вроде бы был Шагатом. Худой, неуклюжий и длинноногий, он напоминал огромного уродливого кузнечика, облачённого в кабанью шкуру. Двух других, коренастых и медлительных, кажется, звали Дорт и Горт. Они были братьями-близнецами, и Ошу казалось, что только мать их могла сказать, кто из них кто. Во всяком случае, сам он точно не мог этого сделать.

Кошмары не тревожили Оша уже много ночей. Орк надеялся, что безымянный дух, прочно засевший у него в голове, уснул или, быть может, обрёл покой, но голубой глаз не давал забыть про его незримое присутствие. Ош так и не понял, что тому было нужно, но снова встречаться с духом не хотелось.

Подав сигнал к остановке, Зора упала на четвереньки и принялась к жухлой листве, устилавшей лес. В такие моменты Ош ловил себя на мысли, что не может отвести от неё своих разноцветных глаз. Крепкая и стремительная, хищная и поджарая, она выглядела в гораздо большей степени орком, чем все остальные вместе взятые. С тех пор как Ош вошёл в их племя, или «банду», как называл их старый Ушан, Зора держалась от него на расстоянии. Впрочем, она вела себя так со всеми, а потому он решил, что причина кроется в природе её происхождения.

Самого Оша в лагере не слишком полюбили, за спиной называя Дурным Глазом. Как только он появился, их преследовали неудачи. Всё началось с того, что клан Клыка начал заходить на их территорию, отнимая часть добычи, но дальше было ещё хуже. Группа охотников, преследовавших раненого оленя, слишком далеко углубилась на юг и, нарвавшись на отряд карателей, была полностью истреблена. Буквально на следующий день в лагерь пожаловал огромный горный медведь, привлечённый запахом зимних запасов. Орки спали, и ему удалось убить троих, прежде чем племя подняло тревогу и прогнало зловредного зверя.

Ош старался не думать о том, что он и впрямь мог быть причиной обрушившихся на орков бедствий. Неужели смерть, упустившая его однажды из своей ледяной хватки, теперь шла за ним по пятам, пытаясь наверстать упущенное? Когда Ошу во сне явился Безымянный,

он почти физически ощутил её присутствие. Отгоняя от себя гнетущие мысли о Вечной ночи, орк постарался сосредоточиться на чём-то более реальном.

Вокруг властвовал день, но погода уже долгое время была по-осеннему пасмурной и хмурой. Ош слышал, что местные называют дни перед первым снегом «временем орка». Именно тогда его сородичи легко могли передвигаться днём, не опасаясь слепящих солнечных лучей.

Поднявшись на ноги, Зора закинула медную гриву назад и указала копьём направление, ведущее прочь от ручья. Они шли по следу охотников, вышедших из логова два дня назад, но так и не вернувшихся обратно. Орки не спасают своих, но у охотников были металлические наконечники стрел и копий, которые ещё могли пригодиться, если их владельцы ушли в Вечную ночь. Не умея добывать и обрабатывать железо, орки использовали только то, что удавалось найти или украсть. Кроме того, Ургаш требовал ответа. Он не любил неизвестность.

Когда у ручья след повернул налево, Ош уже начал догадываться, что могло произойти с сородичами. Вверх по течению лежали обширные дикие территории, где они могли охотиться вплоть до земель племени Клыка, тогда как внизу находились владения людей и злосчастная деревня, в которой Ош впервые встретил Зору. Он должен был догадаться об этом раньше, когда охотники вернулись с богатой добычей, хвастая, что нашли отличное место для пропитания. По мнению Оша, туши, принесённые ими, не были доброй добычей. От них пахло человеком, однако Ургаш ничего не сказал по этому поводу. У них было всё ещё слишком мало запасов, чтобы спокойно пережить зиму.

Ещё до того как впереди показалась деревня, Ош уловил в воздухе сладковатый запах смерти. Судя по всему, его почуяла и Зора, которую Ургаш назначил главой их небольшого отряда. Она замедлилась, подав знак двигаться тихо и скрытно. Крадущимся под прикрытием ельника оркам пришлось обойти несколько расставленных ловушек, прежде чем они достигли места, откуда можно было нормально осмотреться. К счастью, умудрённая горьким опытом Зора в этот раз безошибочно определяла опасность. Железные челюсти, звероловные ямы, давящие самолёвы — тут было всё.

С того дня, когда Ош побывал в деревне последний раз, она сильно изменилась. Теперь частокол полностью отгородил дома от леса, а на бревенчатых площадках, сооружённых за стенами, дежурили лучники с факелами. По-видимому, убийство селянина и бегство Зоры произвело на людей сильное впечатление.

Присмотревшись как следует, Ош различил на стенах ещё кое-что. Источник запаха разложения, который он почувствовал ещё при подходе к поселению людей. На грубо сработанные деревянные пики, возвышавшиеся над частоколом, были насажены отрубленные головы. По огромным дырам на тех местах, где вороны выклевали глаза, и массивным челюстям можно было безошибочно опознать орков. Шесть голов. Ровно по числу пропавших сородичей. Рядом торчали пустые пики — люди явно не собирались останавливаться на достигнутом.

— Охотники, — шёпотом констатировал Ош.

— Выпотрошу, как диких козлов, — прошипел Шагат, обнажая свой огромный, покрытый ржавчиной и зазубринами тесак.

— Да ты до стены не сможешь добраться, не получив стрелы в морду, — холодно осадила его Зора. — Возвращаемся.

Не посмев возражать Зоре, орки подчинились.

Назад шли медленнее. Сказывались усталость и мрачное настроение, рождённое видом мёртвых голов. Наверняка люди устроили на орков засаду, когда те снова вторглись в их владения. Вид пустующих деревянных пик на какое-то мгновение заставил и самого Оша представить свою голову на одной из них.

— Если так пойдёт и дальше, у нас больше некому будет охотиться, — посетовал Ош, поравнявшись с Зорой.

— Не говори ерунды. Ургаш что-нибудь придумает.

Зора пыталась звучать жёстко и убедительно, но Ош понял, что она разделяла его опасения. Просто не хотела произносить их вслух. Орк подумал о других племенах, разбросанных по миру, размеры которого он не мог себе и представить. Везде ли дела были так же плохо, как у них? В этот момент его посетила безумная, дикая мысль. Позднее он даже не мог сказать, откуда она взялась, была ли она плодом его незрелого разума или посылом Безымянного.

— А вы не пробовали... — на мгновение он задумался, стоит ли продолжать, — договориться с ними?

Зора резко остановилась и, прежде чем Ош успел что-то понять, схватила его за грудки, с силой прижав к дереву.

— Договориться? — переспросила она сквозь зубы. — Ты видел головы? Или ты забыл о своём племени?

Одновременно с чувством вины, кольнувшим сердце, острый костяной наконечник уткнулся в подбородок. Остальные орки, наблюдавшие за перепалкой, не вмешивались. Они прекрасно знали, как хорошо Зора владеет своим копьём.

— Если бы тебя услышал Ургаш, он раскроил бы твой глупый череп!

Ошу нечего было ответить. В её словах заключалась правда. Как мог орк произнести такое? Как мог он забыть? Люди истребили его племя. Они были врагами.

Смотря в горящие жёлтым огнём глаза, Ош понял, что Зора могла бы убить его прямо сейчас, но гнев её улетучился так же быстро, как и вспыхнул.

— Твоё счастье, что у нас так мало охотников, — кинула она и, оставив Оша в покое, двинулась дальше по усеянному жёлтой листвой берегу ручья.

Орки ненавидели людей, а люди ненавидели орков. Так было всегда, но, провожая Зору взглядом, Ош подумал, что в её наполненных гневом глазах он видел что-то ещё. Её ненависть не была абстрактной. Она имела глубоко скрытую личную причину, какую-то неизвестную ему тайну.

Направившись вслед за остальными, Ош честно попытался избавиться от крамольной мысли, вызвавшей в Зоре вполне объяснимую ярость, но обнаружил, что не может. Тогда он решил забыть, затолкать её подальше, на самые глухие и далёкие задворки своего сознания, чтобы она, чего доброго, и впрямь не подала голоса перед Ургашем. Ош не хотел бы ощутить на своей шкуре тяжесть его гнева.

Когда они уже повернули от ручья в направлении скального лагеря, из кустов впереди выскочил запыхавшийся орк. Ему очень повезло, что Зоре удалось сдержать руку с копьём, устремившимся прямо в его глаз.

— Чтоб тебя варги взяли, Ярга! — выругалась она. — Откуда ты здесь взялся?

Носатый и невысокий, Ярга обычно был на побегушках у Ургаша. В бою или на охоте от него не было почти никакого толка из-за врождённой трусости, зато он умел быстро бегать и передавать приказы.

— А... Ургаш того... — выдавил из себя Ярга, переводя дыхание и тупо смотря на наконечник копья, чуть было не оборвавшего его жизнь. — Всех собирает. Люди рядом!

Дальше можно было уже не объяснять. Не чувствуя усталости, орки помчались в лагерь, да так быстро, что запыхавшийся Ярга еле-еле поспевал за ними.

Логово было ещё далеко, когда они слышали шум битвы, доносящийся из леса. Ош тут же снял с плеча лук и закинул руку к колчану, сделанному из грубой сыромятной кожи. Пальцы нащупали стрелу с жёстким тройным оперением. Он всегда делал разные оперения для разных типов стрел, чтобы они отличались на ощупь.

Звон стали, крики людей. Они становились всё ближе, но вместе с тем всё реже. Бой затихал, как пламя догоревшего костра. Кто побеждал? Неужели они опоздали, и орков Ургаша постигла горькая судьба родного племени Оша?

Коротышка, сказав что-то Зоре, поманил орков за собой, в кустистые заросли, раскинувшиеся неподалёку. Сначала Ош решил, что трус хочет просто-напросто спрятаться и предлагает присоединиться к нему, однако Зора и остальные с готовностью последовали за Яргой.

В дремучих зарослях их ожидала дюжина орков под предводительством самого Ургаша. Затаившись, они держали оружие наготове, поглядывая друг на друга блестящими от возбуждения глазами.

— Люди быются, — тихо, насколько это позволял его суровый бас, сказал Ургаш, когда увидел подкрепление. — Когда закончат, мы нападём.

Немного удивившись, Ош по-новому взглянул на жутко улыбавшегося вождя. От грубого и воинственного Ургаша он не ожидал такого коварства и расчётливости.

В лапах великан сжимал своё страшное оружие — огромную двуручную палицу, набалдашник которой был выполнен в виде головы разъярённого барана. Несмотря на размеры, это необыкновенно изящное оружие явно было создано не руками орков. К тому же палица совсем не поддавалась ржавчине, а значит, материалом её была далеко не обычная сталь. Ушан как-то рассказывал Ошу, что вождь убил предыдущего владельца этой штуковины, могучего и жестокого воина из людей, что охотились на орков в северных землях. В этом славном бою Ургаш потерял клык и обрёл своё племенное имя Крушитель.

Под сенью орешника появился одноглазый орк, ползущий так, словно он стремился срастись с землёй, стать с ней единым целым.

«Неудивительно, что его прозвали Пластуном», — подумал Ош.

— Они почти закончили, вождь. — Лазутчик кровожадно улыбнулся. — Можно начинать.

— Окружаем, по-тихому, — негромко скомандовал Ургаш. — Я дам сигнал.

Покинув укрытие, орки полукругом двинулись туда, где всё ещё раздавался редкий звон стали. Вытянутый холм, отделяющий орков от сражения, позволил им остаться незамеченными. Скрываясь за деревьями, Ош выбрался наверх одним из первых.

Внизу, на поросшей бурьяном старой дороге, Ош увидел две деревянные повозки. Одна, лишённая всякой упряжи, лежала на боку со сломанным колесом. Другая, закрытая полотняным навесом, была нетронута, но лошади, которые когда-то тянули её, рухнули на землю, истыканные стрелами. Вокруг — тела людей. Шесть или семь человек, нашедших здесь свою смерть.

Посреди лесного побоища один-единственный воин, вооружённый коротким мечом и круглым деревянным щитом с изображением дубового листа, отбивался сразу от трёх

человек. Он прижался к перевёрнутой телеге так, чтобы его нельзя было обойти со спины, а потому ещё шестеро сустились позади нападавших. В отличие от одиночки они были в полном боевом облачении: тяжёлые клёпаные кожанки, кольчуги, открытые шлемы и добрая боевая сталь. Они стремились принять участие в расправе либо просто глумились, желая воину скорейшей гибели.

Отчего-то картина сражения породила в голове Оша чувство нависшей над орками опасности. Сразу он не понял, в чём было дело, а когда его осенило, было уже поздно. С оглушительным рёвом Ургаш ринулся на людей, заноса палицу над головой.

«Лошади убиты стрелами, — лихорадочно подумал Ош, натягивая тетиву, сделанную из переплетённых оленьих жил, — но у нападающих нет луков!»

Вслед за вожаком, разрывая осенний вечер воинственным рёвом, последовал десяток орков, вооружённых копьями и топорами. Остальные, которые, как и Ош, были лучниками, дали по людям залп из-за деревьев.

Однако, как только орки обнаружили себя, произошло непредвиденное. Опасения Оша подтвердились, и из леса с противоположной стороны дороги в них полетели стрелы. Людей оказалось больше, чем ожидал Ургаш. Часть их всё это время пряталась в лесу.

Сражённые стрелами, раненые и убитые орки падали на землю, но атака не захлебнулась. Уцелевшие, во главе с Ургашем и Зорой, вломились в ряды людей, которые даже не успели понять, что происходит. На дороге завязалась жестокая рукопашная схватка. Лесные лучники, вооружившись короткими мечами и пиками, поспешили на помощь своим товарищам.

Силы орков и людей были бы равны, если бы на стороне первых не сражался Ургаш. Огромный орк был отличной мишенью, и Ош заметил, что тот получил целых две стрелы. Первая торчала у него из левого плеча, вторая засела в боку, однако, несмотря на это, он крушил людей, как трухлявые пни. Кто-то из воинов попытался закрыться от чудовищной палицы щитом. В следующее мгновение этот глупец отлетел прочь в облаке деревянных щепок. Его рука была сломана, как сухая ветка. Ургаш Крушитель оправдывал своё имя.

Ош выпускал стрелы одну за другой, пока его колчан не опустел. Когда это произошло, он ринулся в бой, подобрав по дороге копье какого-то мертвеца. Длинное, тяжёлое и неудобное оружие. Однако это всё равно было лучше, чем бросаться на защищённых кольчугой воинов с ножом.

Выбор цели произошёл сам собой. Зору теснили к перевёрнутой телеге два бойца, вооружённые мечами. На правой руке рыжеволосой охотницы кровоточила свежая рана. Мечники не заметили приближающегося орка, и Ош с разбегу ударил одного из них под рёбра. С глухим звуком остриё вошло в тело, пронзив его насквозь. Товарищ убитого отвлёкся, и этого мгновения Зоре хватило, чтобы метнуть своё копье. Костяной наконечник, который до этого бессильно отскакивал от стальной брони, угодил бойцу в незащищённую шею. Он захрипел, выронил меч и рухнул замертво.

Ош огляделся в поисках другого оружия, так как его копье застряло в теле убитого, но понял, что в этом больше нет нужды. Рядом орки, налетев гурьбой, добивали двух оставшихся бойцов. Третий, по-видимому последний, бросив оружие, убегал по старой дороге на восток. Беглый осмотр поля боя показал, что орки победили, но потеряли при этом половину своих.

— Дорт, Горт, Ярга! — рявкнул Ургаш, указывая в сторону беглеца. — Принесите мне его мёртвую тушу!

Троица орков-коротышек ринулась вдогонку, яростно крича и размахивая над головой захваченным оружием. Ош не сомневался, что скоро они настигнут беглеца.

— Зора, цела? — осведомился Ургаш без особого интереса.

Она прижимала лоскут ткани, отрезанный от чьей-то рубахи, к окровавленной руке.

— Поживу ещё.

— Ступай в лагерь, приведи всех, кто может держать нож, — распорядился Ургаш, вытаскивая из плеча стрелу, и Зора ушла вверх по холму. — Ош, Шагат, общите повозку.

— Шагат не сможет этого сделать, — ответил Ош, указывая на отрубленную голову, принадлежавшую раньше его рослому сородичу.

— Проклятье, — выругался Ургаш, пинком отправив голову Шагата в кусты. — Возьми Пластуна.

К этому времени остальные орки уже всю грабили убитых. Главной их добычей сегодня будет добрая сталь и туши лошадей. Мясо — на еду, шкуры — на одежду, кости — на оружие и инструменты. Ничего не пропадёт зря.

Если задуматься, не такие уж и большие потери. Однако Ош никак не мог отделаться от поганого чувства. Как падальщики или воры, они нападали исподтишка, жили в постоянном страхе и тревоге.

Проходя мимо перевернувшейся повозки, Ош краем глаза заметил тело того самого мужчины, что так упорно сражался с превосходящими числом врагами. В боку бедняги зияла кровавая рубленая рана. Ош не знал, достал ли его кто-то из людей, или это сделали орки, да и не хотел знать. Нагнувшись, он забрал из рук мертвеца короткий меч и двинулся дальше.

Оказавшись рядом с крытой повозкой, Ош резко схватил Пластуна и припечатал к дощатому бортику. Остриё меча хищно упёрлось в тощий волосатый живот лазутчика.

— Чего не предупредил про лучников? — спросил он, буравя орка своими разноцветными глазами.

— Так... — растерялся Пластун. — Не заметил я! Они же вон как спрятались!

— Спрятались, — передразнил его Ош. — Башкой думать надо. Она у тебя не только для того, чтобы жрать!

Ош толком не понимал, почему он так взъелся на Пластуна. В конце концов, если бы они с самого начала знали про лучников, результат сражения наверняка был бы тот же. Ургаш ни за что не отказался бы от нападения.

— Ладно, пошли, — сдался он, отпустив сородича. — Но смотри, в последний раз!

Пластун недовольно оскалился, но промолчал, двинувшись следом. Когда они обошли повозку, Ош, взявшись за кованую ручку, вскочил наверх и заглянул внутрь. Его взгляд тут же упёрся в плотную серую занавеску, разделяющую фургон пополам.

— Давай, ты проверь, — тут же сказал Пластун. — А я тут покараулю, вдруг лучники в лесу.

Презрительно взглянув на напарника, Ош полез в недра повозки. Вокруг были разбросаны всевозможные вещи и спальные принадлежности. Пахло людьми, застарелым потом и лошадьми.

Отдёрнув серую занавеску, Ош остолбенел.

Из полумрака фургона на него смотрели две пары человеческих глаз.

Лысый старик, облачённый в длинную серую робу с плетёным поясом, сжимал в дрожащей руке нож. Рядом стоял невысокий парнишка с короткими светло-каштановыми волосами, похожий на стройное молодое деревце, которое ещё не пережило ни одной бури.

В воздухе повисло почти осязаемое молчание. Ош смотрел на людей, а они смотрели на Оша. Он не знал, сколько это продолжалось, но ни один из них так и не решился пустить в ход свой клинок. В памяти орка почему-то всплыл образ отважного бойца, яростно сражающегося против целой толпы.

«Так вот за кого бился тот воин у повозки», — подумал Ош, внезапно ощутив ужасную тоску. Он не знал, откуда она взялась, но в этот момент решил, что сегодня никому больше не надо умирать. Ни орку, ни человеку.

Ош поднёс к губам палец, призывая людей сохранять молчание, и уже собирался задёрнуть штору, когда сзади раздался визгливый крик Пластуна.

— Убей их! — завопил орк, кидаясь вперёд. Любопытство всё-таки взяло верх, и он решился заглянуть в повозку.

Ош сам не успел осознать, как его рука метнулась вперёд, ударив сородича с неожиданной силой. На мгновение в голубом глазу вспыхнула холодная искра, но её никто не заметил. Завизжав от боли и удивления, Пластун вылетел наружу, разорвав своим тощим телом выдавший виды навес.

— Какого лешего? Что у вас там творится? — сердито прозвучал громогласный бас Ургаша.

— Дурной Глаз людей защищает, — тут же пожаловался Пластун.

— Что? — взревел Ургаш, и через считанные мгновения его огромная фигура оказалась рядом.

Маленькие жёлтые глазки прыгали то на Оша, то на людей. Во взгляде вождя разгорался уже знакомый Ошу огонь.

— Назови хоть одну причину, по которой я не должен выпустить вам троим кишки?

— Они будут нашими пленниками, — нашёлся Ош и порадовался тому, как ровно и уверенно прозвучал его голос.

— Зачем нам пленники? — спросил вожак, потянувшись за своей ужасающей палицей. — Лишние рты.

— Уверен, они могут быть нам полезны, Ургаш, — продолжил Ош, сжав покрепче короткий меч. — Люди, которых мы убили, искали их. Мы сможем выменять за них много еды и доброй стали.

— У нас и так теперь есть много еды и доброй стали, — усмехнулся Ургаш, и Ош с удовольствием отметил, что это прозвучало уже не так угрожающе. Он думал, какой ещё аргумент можно было бы привести, чтобы убедить вождя, но тут в разговор неожиданно вмешался старик.

— Я — Бартоломью Локвуд, ключник дома Олдри, — сказал он, бросив нож на пол, — а этот юноша — господин Адам Олдри, сын и наследник Юстаса Олдри, одного из семи виконтов Востока. Мы сдаёмся на твою милость, могучий Ургаш.

Ош чуть заметно улыбнулся. Знал ли Локвуд обычаи орков, или ему просто повезло, но это были правильные слова.

Ургаш смерил Локвуда испытывающим взглядом, и Ош напрягся. Это был тот самый взгляд, которым вождь наградил самого Оша в их первую встречу. В этот момент Ургаш решал, жить тому, кто стоит перед ним, или умереть.

Внезапно огромный, как гора, орк разразился грубым, оглушительным хохотом.

— На милость... — бормотал он, когда спазмы немного отпускали его живот, — милость Ургаша? А что завтра? Он решит покормить с рук варгов или обняться с медведем?

Ош никогда не видел, чтобы вождь так хохотал. Что последует за этой необычной сценой? Жуткий великан с одинаковой вероятностью мог и пощадить старика, и повесить его на собственных кишках. Когда приступ смеха наконец исчерпал себя, Ургаш обратился к Ошу:

— Ладно, будь по-твоему, Дурной Глаз, но учти, что они — твоя проблема. Если они сбегут, я освежую тебя заживо.

Сказав это, Ургаш вышел.

— Я — Ош, — представился орк, повернувшись к пленникам. — Вы пойдёте со мной.

Старик как будто намеревался что-то сказать, но промолчал. Вместо него голос неожиданно подал юноша:

— Скажи, Ош, откуда у тебя этот меч?

Его молодой голос оказался неожиданно звонким и приятным для уха. Орк опустил взгляд на короткий меч и только тогда понял, насколько это хорошее оружие. Лёгкий, сбалансированный и удобный, он не обладал изысканным внешним видом и изящностью формы, но в ладони сидел просто великолепно. Это было одно из тех орудий, которое берёшь в руку и начисто забываешь о нём. Оно становилось как бы продолжением тела своего обладателя. Ош совершенно не разбирался в мечах, но даже он понял это.

— Добрая сталь. Я забрал его у одного из ваших воинов, когда его взяла Вечная ночь.

— Он... — парень опустил глаза, уставившись в пол, — умер?

— Умер, — подтвердил Ош, вспомнив отважного человека. — Он бился как зверь, но его врагов было слишком много.

Где-то снаружи Ургаш раздавал указания. На половицу повозки с еле различимым стуком упала капля. Ош посмотрел на крохотное мокрое пятнышко и понял, что это слеза. Юноша вытер лицо рукавом и понуро направился к выходу. Орк посмотрел на Локвуда с немym вопросом.

— Это меч его отца, — ответил старик и последовал за своим молодым господином.

На выходе Ош наткнулся на Зору. Взлохмаченная и хмурая, она уже замотала какой-то тряпкой раненую руку. Его встретило недоброе золото её сурового взгляда.

— Ты что здесь устроил? — напустилась она на него.

— Тебе-то что? — отмахнулся Ош. Он устал, и у него совершенно не было настроения на их обычные перепалки.

— Как — что? Я за тебя перед Ургашем ответ несу, забыл? — Зора снова толкнула его своим костяным копьём, причём на этот раз в месте укола выступил шарик чёрной крови. — С тебя шкуру спустят — с меня две сойдёт, дурья твоя башка.

— Хватит с меня твоей опеки, — Ош начинал злиться на неё, — я и сам разберусь!

— Тупой орк! — выкрикнула она и пошла прочь той особой разгневанной походкой, на которую способны только молодые женщины.

Ош хотел остановить её и раз и навсегда разобраться, за что она на него так взъелась, но его отвлек грубый оклик Ургаша:

— Ош, чтоб тебя варги взяли! Чего ты там копаешься? Веди это мясо в лагерь!

Посмотрев на старика и его юного спутника, Ош решил их не связывать. Локвуд всё равно слишком стар, чтобы бежать, а одного взгляда на парня хватало, чтобы понять: никуда он без своего спутника не денется. Орк указал пальцем в лес, где в нескольких полётах стрелы находилось их тайное скалистое убежище.

— Туда.

Не успел Ош со своими пленниками скрыться в лесу, как сверху начало сыпаться что-то холодное и промозглое. Обратив исчерченную мелкими шрамами ладонь к небу, орк увидел, как на неё падают крохотные кусочки льда, превращаясь в капли.

В предгорьях шёл первый снег. Началась зима.

Глава шестая. Трёхпалый

Можно ли теперь упрекнуть герцогиню в том, что произошло на Востоке через два года после восстания? Вне всяких сомнений, именно она уберегла наследника безумного графа от плахи, но кто мы такие, чтобы осуждать женщину за милосердие и рассуждать о путях предназначения?

Каролина Тибальд. «Дневник памяти»

Эдуард всё ещё не мог прийти в себя после случившегося. Когда охрана явилась на крики, она нашла его без сознания, а раздавленное камнями тело Хэнка не подавало никаких признаков жизни. Недолго думая тюремщики хорошенько прощлись по нарушителю покоя дубинками, после чего оттащили его на работы в пустовавший тоннель.

— Твои новые соседи. — В дрожащем мерцании светоча стояли две тёмные фигуры. — Знакомьтесь, девочки.

Охранник захлопнул решётку и двинулся дальше по тоннелю, вслед за дребезжащими вагонетками, мерно ползущими через горные недра.

Никто не видел и не слышал того, что произошло в тупике, и теперь Эдуард думал, не привиделись ли ему эти мёртвые синие глаза? Не родились ли загадочные, тревожные слова в его безумном сознании?

«Когда ночь окрасится кровью... — вспомнил он. — Когда ночь окрасится кровью, они вернутся».

— Меня зовут Уолтер, — дружелюбно представился один из новых напарников, подняв ладонь в приветственном жесте.

Эдуард поднял опухшее, грязное лицо и безразлично посмотрел на новых сокамерников.

Первый, молодой человек неприметной внешности, мог быть как северянином, так и уроженцем любой другой провинции. Кожа его всё ещё помнила, что такое солнце, а волосы и борода были слишком ухожены для тоннелей. Эдуард сразу распознал в нём новоприбывшего. Он мог бы спорить на любые сокровища, что Уолтер работал в шахтах не больше месяца.

Второй напарник был невысок, но крепок, на вид чуть старше самого юноши. Он грубо оттолкнул в сторону Уолтера и бесцеремонно принялся выгребать из пустой вагонетки скудный паёк. Холодное пламя светоча позволяло разглядеть, что большую часть жилистого, смуглого тела незнакомца покрывали татуировки, выдававшие в нём южанина и вора.

— Эй, приятель, — начал было Уолтер, опустив руку на плечо татуированного парня.

Словно по волшебству, в руке южанина появилась заточка, грубо сработанная из стального гвоздя, обмотанного полоской грязной ткани.

— Назови меня так ещё раз, крыса, и я сделаю из тебя евнуха.

Уолтер примирительно вскинул руки и отпрянул к противоположной стене.

— Ну-ну, давайте не будем совершать глупостей. — Голос Уолтера дрогнул. — Мы же все здесь разумные люди...

— Я не понял, ты меня сейчас глупым назвал, крыса?

Эдуард отстранённо наблюдал за этой сценой, как за театром марионеток. Ему были безразличны и судьба сегодняшнего пайка, и судьба двоих этих людей, казалось,

соребнующихся в глупости, и, если на то пошло, его собственная судьба тоже. Он никак не мог прогнать из памяти глаза Хэнка, мерцающие мёртвым огнём, и голос, промораживающий до самых костей. Голос, предрекающий страшное будущее...

Наконец, справившись с собой, Эдуард поднялся, взял кирку и пошёл в тупик штрека. Как обычно, он надеялся, что добрый труд поможет ему справиться с тревогой и горькими мыслями. Поможет преодолеть их.

Скоро к нему присоединился Уолтер. Татуированный пинками загнал его туда, оставив себе погрузку руды в вагонетку, самую простую работу.

Новый штрек был широким. Гораздо больше того, в котором они работали с Хэнком. Взрослый мужчина мог расставить здесь руки и не дотянуться до противоположных стен.

— Как тебя зовут, парень? — осведомился Уолт, ударяя киркой.

— Эд, — коротко ответил юноша.

— За что ты здесь, Эд? Ты не похож на этих. — Он презрительно кивнул в сторону орудующего лопатой южанина.

— Да ни за что особенно, — буркнул Эдуард. Сейчас ему ни с кем не хотелось говорить, а уж тем более — знакомиться.

— Вот и я, — вздохнул Уолтер, но Эдуарду его интонация почему-то показалась неискренней.

Остаток дня работали молча. Изредка южанин недовольно ворчал, что надо крошить руду мельче. Крупные глыбы тяжело было поднимать в вагонетку. Этот каторжанин производил впечатление грубого, злобного и недалёкого человека. Хэнк предупреждал Эдуарда о подобных типах, советуя держаться от них подальше.

На этот раз, когда светоч погас, вагонетка была наполнена породой до краев. Работать втроём, даже в такой компании, оказалось значительно легче, чем тянуть на себе старого Хэнка, но, когда Эдуард засыпал, устроившись на связке опорных балок, он чувствовал лишь тревогу и гнев. Гнев на отца, за грехи которого он попал сюда. Гнев на Хэнка — что тот оставил его. Гнев на охранников и сокамерников. Но более всего Эдуард сердился на самого себя, на свою неспособность что-либо изменить.

Вдруг он услышал в темноте нечто. Призрачное эхо звука не громче мышинного шага. Почувствовал еле заметное колебание воздуха. Эдуард было решил, что это снова забавляются предвестники его крепчающего сумасшествия. Быть может, в этот раз он окончательно свихнётся, поставив таким образом жирную точку в той безнадёжной драме, в которую превратилась теперь его жизнь? Однако безумие не спешило. В тоннеле послышались какая-то вполне реальная возня, сопение и сдавленная ругань.

— Эй, что там происходит? — спросил Эдуард, с которого мгновенно слетели остатки сна.

Вместо ответа из темноты раздался приглушённый, булькающий стон, и Эдуарда прошиб ледяной озноб, налетевший на него, как дыхание зимы. В тоннеле кто-то умер. Он словно почувствовал это своим нутром.

— Уолтер? — позвал он, но пустота впереди него внезапно превратилась в сильные, горячие руки. Они схватили его, повалив на балки, а в горло уткнулась острая холодная сталь, пресекая любые попытки к сопротивлению.

— Уолтер не ответит, — произнесла тьма голосом татуированного заключённого. — А теперь скажи мне, Эд... или Эдуард, кто ты такой и зачем к тебе подослали лунного брата?

— Лунного брата? Я не...

— Ты плохо меня расслышал, Эдуард?

Стальное жало стало медленно погружаться в шею, и юноше понадобилось всё своё самообладание, чтобы не запаниковать.

— Я — Эдуард. Эдуард Колдридж.

Острие прекратило своё смертоносное движение.

— Колдридж? — В голосе южанина звучало лёгкое удивление. — В смысле тот самый Колдридж?

— Тот самый, — нехотя подтвердил Эдуард. Испуг в нём стремительно превращался в ярость.

— Солисово пекло!

Заточка исчезла, оставив на горле Эдуарда неглубокую, но болезненную ранку. Когда южанин ослабил хватку, юноша с силой оттолкнул его и запоздало вскинул руки, обороняясь. Подчинившееся инстинктам тело сделало это самостоятельно, не слушая того, что говорил ему разум.

— Да не нервничай ты так, — насмешливо успокоил его сокамерник. — Твоё сердце колотится так громко, что на нас сейчас свод обрушится.

— Ты... — Эдуард попытался взять себя в руки. — Ты сказал что-то про «лунного брата»?

— Ага. Звать Уолтом, если это его настоящее имя, в чём я, мать твою, очень сильно сомневаюсь. Интересовался, как тебя зовут, помнишь?

— Уолтер?

— Ну да, воспитанный такой, приветливый, дружелюбный парень. Крался к тебе в темноте с киркой в руках.

— С киркой? Зачем?

Эдуард не знал, верить ли тому, что он слышит.

— Ты что, совсем тупой, лордёнш? Чтобы кудри твои расчесать золотые. Если к тебе ночью крадётся лунный брат, ты можешь быть уверен, что он не дорогу к корчме хочет у тебя спросить.

— Почему ты называешь его так? Кто такие «лунные братья»?

— Разрази меня понос, ты и этого не знаешь? Чему вас там учат на Востоке? Ну а с Самоцветных островах-то ты хоть слышал?

Эдуарду не понравилось, как он отозвался о Востоке. Это была его родина, владения дома Колдриджей. Владения его отца. Во всяком случае, так было раньше.

— О них слышал, — вспоминая рассказы Хэнка, буркнул Эдуард. Он никогда не был там, но иногда ему казалось, что улицы Сан-Тара известны ему так же хорошо, как родной Варган.

— Так вот, есть там такие парни. За умеренную плату отправляют людей к лунному богу...

— Лунному богу?

— Ну да, они ему поклоняются. Двумикий, и эти парни ему под стать... Те ещё праведники.

— Ты убил его?

— Ещё как убил, и сделал бы это снова.

— Почему я должен тебе верить? Я даже не знаю, как тебя зовут и за что ты здесь! Может, ты просто убийца? Зачем тебе вообще спасать меня?

— А как ты думаешь, кто был бы следующим? Или ты считаешь, что лунное братство свидетелей оставляет? Повезло еще, что этот кусок дерьма решил начать именно с тебя!

Эдуард не верил своим ушам. Неужели он ошибся? Грубый и злобный бандит оказался не так уж глуп и прост, как ему показалось на первый взгляд. Слушая его, он снова прокручивал в памяти минувший день. В Уолтере действительно было что-то странное. Его неискренность сквозила не только в словах. Даже в движениях. Особенно когда татуированный парень задирает его. Делал ли он это специально? Уолтер словно пытался казаться более неуклюжим и безобидным, чем был на самом деле. Его поддельная личина давала трещину лишь иногда...

— Можешь сам глянуть, если не веришь мне. У этих душегубов под подбородком татуировка в виде двух лун, правда я не знаю, разглядишь ли ты её сейчас. Здесь темно, что у Солиса в заднице!

Собравшись сделать это, Эдуард тут же остановился. Он очень живо представил, как шарит в темноте, всматриваясь в мёртвое тело убийцы. Как тот хватается его холодными, безжизненными пальцами. Как загораются два леденящих душу синих глаза, а призрачный голос кричит о надвигающейся тьме...

— Нет, — он бессильно опустил руки, — я верю тебе.

— Ну и дурак. Когда за тобой охотится лунное братство, лучше никому не верить.

— Охотится? Будут и другие?

Каторжник неприятно рассмеялся. Впрочем, его смех был гораздо здоровее и живее, чем смех покойного Хэнка.

— К гадалке не ходи. У меня однажды был дружочек, за которого им кто-то заплатил.

— И что с ним стало? — спросил Эдуард, хотя и сам уже догадывался, каким будет ответ.

— Я же говорю, у меня был дружочек.

В штрэке повисло молчание.

— Как тебя зовут? — спросил Эдуард.

— А что? — В грубоватом голосе нового знакомого звучали нотки подозрительности.

— Ну, ты знаешь моё имя. Было бы справедливо открыть мне своё.

— А мир вообще не больно-то справедлив. — Южанин усмехнулся, и Эд подумал, что не добьётся от него искренности. — Ну да ладно. Мамка, упокой Древние её беспутную душу, звала меня Ярви, но в том дерьмовом месте, где я вырос, меня кличут Трёхпалый.

Эдуарду показалось, что это очень подходящее имя для головореза с большой дороги. Сложно было представить себе такого лорда, однако если отец и научил его чему-то, так это достойно обходиться с человеком, невзирая на его происхождение.

— Благодарю тебя, Ярви Трёхпалый. Я у тебя в долгу.

Ярви снова заржал, как простуженный хряк.

— Только не кланяйтесь, ваша светлость! — Он изнемогал от смеха. — Всё равно я ни хрена не увижу в этой темени!

Когда смех иссяк, Ярви продолжил гораздо серьезнее:

— Послушай совета битого пса, Эдуард Колдридж. В следующий раз, когда кто-то спросит у тебя твоё имя, соври ему. Дольше проживёшь.

Эдуард не ответил. Несмотря на беды, постигшие его семью, он всё ещё оставался Колдриджем. В его жилах текла благородная кровь древнего рода правителей Варгана. Сама мысль о том, чтобы скрывать своё происхождение, казалась ему оскорбительной. Гордость

не даст ему сделать этого. Гордость и достоинство.

— А теперь, если вы закончили с любезностями, лорд Колдридж, я сегодня ещё хотел немного поспать. — Говоря это, Ярви копошился в темноте, устраиваясь на отдых. — Скоро работать, а теперь у нас на одну пару рук меньше.

— Не называй меня так, — сказал Эдуард, как он уже говорил это когда-то старому Хэнку.

— Как изволит ваше лордство, — усмехнулся Ярви, проигнорировав его просьбу.

— А как же... — Эдуард помедлил, — тело?

— Да наплевать! Завтра что-нибудь придумаем.

Ярви протяжно зевнул, намекая на то, что разговор окончен, и Эдуард решил последовать его примеру. Ранка на шее саднила, но, закрыв глаза, он неожиданно почувствовал себя лучше. Непостижимым образом присутствие Трёхпалого успокаивало. Да, он был преступником, даже убийцей, но, если ты заперт в клетке с волком, который, по всей видимости, не собирается тебя есть, чувствуешь себя всё-таки увереннее, чем просто в пустой клетке.

Эдуард отвернулся к стене и забылся сном, но пробуждение его не было спокойным.

— Какого лешего у вас тут случилось? — проревел охранник.

Голубой огонь светоча больно резанул по сонным глазам. Прикрывая их рукой, Эдуард осмотрел штрек и увидел, что на голове покойного Уолтера красуется огромный камень. От удара его череп треснул, будто зрелая тыква. Вне всяких сомнений, это была работа Ярви. Сам каторжник, как ни в чём не бывало, посапывал у стены, укрывшись тряпками среди рабочих инструментов.

— Так... вчера работали, вот его и пришибло, — нашёлся Эдуард, протирая глаза. — Новенький, чего с него взять...

— Ну... — растерянно протянул охранник, разглаживая рыжую с проседью бороду, — старуха, видать, по пятам за тобой ходит.

Он распорядился, чтобы сборщики руды закинули тело в пустую вагонетку, а когда они закончили, вновь обратился к Эдуарду:

— Смотри, чтобы последний раз. Ещё один мертвяк в твоём штреке — замуруем тебя вместе с ним, понял?

Громыхнув решёткой, бородатый здоровяк исчез в тоннеле.

— Отлично справился, Эдди. — Ярви вылез из-под пыльного тряпья. — Мне бы он ни за что не поверил.

Теперь при свете горящей каменной губки Эдуард разглядел, что на правой руке его нового знакомого не хватало двух пальцев. Мизинца и безымянного.

«Так вот почему его прозвали Трёхпалым», — подумал юноша.

Само по себе это увечье его не удивило. Быть может, Эдуард и не слышал про лунных братьев, зато он прекрасно знал, что в Торной гавани за воровство рубили пальцы. Видать, после второго раза Ярви либо больше не попадался, либо сменил род деятельности. Например, на тот, за который человека отправляют гнить в подземелья Гнезда Олофа.

Лицо у Ярви было малопривлекательным. Он чем-то напоминал злобного хорька с маленькими тёмными глазками. Волосы свои он, по-видимому, обрезал самостоятельно, не позволяя им мести плечи, а вот борода и усы у него, казалось, вовсе не росли.

Ниже шеи всё его тело покрывала сеть татуировок, разглядеть которые Эдуард не мог при столь тусклом свете.

На этот раз скудный провиант, как обычно находившийся на дне вагонетки, Ярви разделил между ними поровну.

— Набирайся сил, приятель. Они тебе ещё понадобятся.

В ответ на вопросительный взгляд Эдуарда Ярви улыбнулся хищной щербатой улыбкой и задал лишь один короткий вопрос:

— Что есть священная обязанность узника, Эдди?

— Я не знаю.

Ярви поднял руку и сжал смуглый жилистый кулак.

— Она заключается в том, чтобы бежать!

«Вольному — воля», — неожиданно всплыли в памяти Эдуарда слова отца, однако это было нечто большее, чем просто слова. Это был девиз дома Колдриджей. Неужели два года тоннелей, два года без света и надежды заставили его забыть? Почему он вспомнил об этом только сейчас?

Разрушенные дома и горящие поля. Люди, отданные на расправу мечу. Много раз Эдуард думал о том, как мог отец обречь своих подданных на подобную участь. Был ли он безумен, как говорили клирики Наследия, или ему действительно открылась какая-то тайна? Тайна, заставившая его выступить против капитула и самого короля... Тайна, унесённая им в могилу. В памяти ожила страшная картина: затопленная человеческим морем площадь Варгана и вспорхнувшие над ней вороны, встревоженные одиноким ударом топора о плаху.

— Вольному — воля, — произнёс вслух Эдуард, и ему понравилось, как это прозвучало.

Глава седьмая. Плен

Милая матушка, хочу оградить тебя от напрасной тревоги вестью, что волею судьбы и непогоды мы с отцом задержимся под Локриджем. Местный кмет предложил ему добрую работу, которая немного поправит наши дела. Позаботься о малышке и жди нашего скорого возвращения.

Адам Олдри. Письмо к матери

Когда он проснулся, в пещере было холодно. Костёр давно погас, а в щель между шкурами, закрывающими вход, лился тусклый отблеск рассвета.

Адам сложил ладони лодочкой и подышал на них, чтобы согреть окоченевшие пальцы. Из рта вырвалось облачко тёплого пара.

Грубый полог разошёлся в разные стороны, и в пещеру ввалился Локвуд. Одной рукой старик отряхивал снежинки с серого балахона, а другой прижимал к животу стопку дров.

Вскочив с походного сундука, укрытого линялой шкурой какого-то зверя, Адам приблизился к наставнику, забирая у него неумело нарубленное дерево.

— Извините, мастер Адам, — старик виновато улыбнулся, — я вас разбудил.

— Учитель, ты не должен носить такие тяжести! — упрекнул его юноша, но Локвуд только отмахнулся.

Они находились в лагере орков уже несколько дней, но те всё ещё ничего не предпринимали, чтобы обменять людей на выкуп, как это изначально предлагал сделать Ош. Иногда орк приходил, чтобы поговорить с ними, задавал вопросы о королевстве, жизни и обычаях людей. Станный орк. Нельзя сказать, что за свою короткую жизнь Адам часто их видел, но даже он понимал это.

Почему Ош сделал то, что сделал? Почему не убил их, как того хотели другие орки? И потом, настораживал его глаз. Синий и бездонный. Всякий раз под холодным взглядом этого живого сапфира мальчику становилось не по себе.

Сначала Адам просил разрешения вернуться на поле боя и предать тело отца земле, но Ош говорил, что это невозможно и Ургаш не позволит им покинуть лагерь. Тогда юноша сказал, что ни он, ни Локвуд больше не будут отвечать на вопросы орка. С тех пор Ош не приходил.

Еду пленникам приносил старый слепой орк с огромными и обвисшими, как вялые лопухи, ушами. Забавно, но чем-то он напоминал Адаму Локвуда. Быть может, из-за возраста, а может, из-за стариковской привычки что-то недовольно ворчать себе под нос.

— Грязные создания... — Локвуд подложил несколько щепок в окружённое круглыми камнями кострище и попытался раздуть безнадежно холодные угли. — Вам лучше не выходить из пещеры, мастер Адам. Снаружи небезопасно.

Наблюдая за безуспешными попытками воскресить угасшее пламя, Адам запустил руку в карман своего походного плаща и извлёк оттуда кресало с кусочком кремня. Изящная стальная поделка в виде плоской головы быка. Он протянул её Локвуду.

Старик взял из его рук огниво и, отщипнув от старой шкуры клочок меха, быстро вдохнул в костёр новую жизнь. Огонь не только согревал тело. Как только на грубых каменных стенах заиграли оранжевые всполохи, в пещере сразу стало не так уныло.

Вернув огниво, Локвуд пристально посмотрел на ученика. Адам догадывался, о чём думает наставник. Огниво подарил ему отец. Он сделал его своими руками в небольшой дворовой кузнице. Несмотря на титул виконта, Юстас Олдри никогда не чурался работы. Он всегда был смелым, добрым и открытым человеком, которого любили подданные.

«А теперь его больше нет», — с горечью подумал Адам, но не позволил печали вырваться наружу. Он должен быть сильным, ведь теперь он — глава семьи, правитель удела. Снова и снова он повторял себе это, сдерживая боль внутри, заглушая её усилием воли. Она ещё даст о себе знать, но это потом, когда никто не будет его видеть.

— Что теперь станет с нами, учитель?

Локвуд отвернулся к костру, грея морщинистые, как мятая бумага, руки.

— Орки получают свой выкуп и отпустят нас, — ответил ключник, но Адам не услышал в его словах непоколебимой уверенности. Он просто утешал его, как делал это всегда. Старый, добрый Локвуд. Мудрый и нудный, как толстый пыльный учебник.

— Но кто заплатит за нас выкуп? Ведь у нас нет денег!

— Король не оставит своих подданных. — Как всегда, старик свято верил в безграничное могущество и мудрость короны. — Милостью Древних мы вернёмся домой к весне. Вот увидите, мастер Адам.

Юноша хотел спросить ещё что-то, но тут шкуры, закрывающие вход в пещеру, распахнулись, и на пороге показался Ош. Его лицо, если это слово вообще можно было применить к орку, выглядело взволнованным.

Вслед за ним вошла мрачная Зора. Она нравилась Адаму больше других орков. Быть может, потому, что Зора больше походила на человека, чем остальные её соплеменники. Учитель же, напротив, не разделял этой симпатии.

Собственно, если не брать в расчёт исключительно жуткого Ургаша, это были единственные орки, с которыми Адаму довелось близко познакомиться.

— Мне нужно с тобой поговорить, старик, — сказал Ош, глядя на Локвуда.

Тут Зора схватила родича за предплечье и бесцеремонно оттащила в сторону. Они некоторое время сердито шептались, но Адам не мог их расслышать. Резко прервав беседу, Зора стремительно покинула пещеру.

— Мне нужно поговорить с тобой, — повторил Ош и перевёл взгляд на Адама, — наедине.

Старик начал было возмущаться, но Адам успокоил его, положив свою крепкую руку на плечо учителя.

— Всё в порядке, наставник. Я всё равно хотел немного пройтись.

Не дожидаясь, пока Локвуд начнёт возражать, он вышел.

Снаружи оказалось не так холодно, как он думал. Выпавший в предрассветные часы снег укрыл всё вокруг тонкой белоснежной простыней, на которой особенно чётко выделялись свежие следы. Одна из цепочек таких следов принадлежала Зоре, чья фигура стремительно удалялась прочь.

Адам решил пройтись до поленницы, а вернее, до того гротескного нагромождения мёртвой древесины, что находилось в противоположном конце лагеря. Дрова, принесённые Локвудом, скоро прогорят, и юноша не хотел, чтобы старый учитель вновь шёл за ними.

Закутавшись в плащ и протяжно шмыгнув покрасневшим носом, Адам двинулся меж тлеющих костров и грубых навесов, сделанных из шкур и тех подручных материалов, что можно было найти в местном лесу. Некоторые строения напоминали ему птичьи гнёзда,

ощетинившиеся прутьями хвороста и колючими ветвями ели.

На мир вокруг медленно, но неизбежно надвигалось утро, и орки готовились ко сну. Как и говорил учитель, они были созданиями тьмы и солнечный свет мучил их. Адам и представить не мог такой жизни. Жизни без солнца.

Думал ли Адам о побеге? Он засыпал и просыпался с этой мыслью, но Ош заверил пленников, что часовые, назначенные Ургашем, поочерёдно несут охрану всех входов и выходов из лагеря. Разумеется, день приносил им страдания, как и всем оркам, но страх перед гневом вожака заставлял часовых терпеть. Даже если удастся миновать стражей незамеченными, куда идти дальше? Ни Адам, ни Локвуд не знают этих мест. Орки настигнут их раньше, чем беглецам удастся найти людей и помощь.

В утреннем полумраке, сгустившемся между жилищами орков, мелькнула какая-то тень. Адаму показалось, что она двигалась гораздо быстрее, чем того требовала неспешная жизнь отходящего ко сну лагеря. Охваченный плохим предчувствием, юноша прибавил шагу, но это не помогло. Внезапно перед ним выросла сгорбленная фигура, закутанная кое-как сшитыми вместе шкурами мелких пушных зверей. Из-под шапки свалявшихся, чёрных как уголь волос на Адама смотрели огромные жёлтые глаза, и во взгляде этом было что-то знакомое.

— Свеженький... — процедил орк, протягивая к Адаму корявую, как древесный корень, лапу. — Вкусненький...

Голод — вот что было в этих глазах. Адам видел такое и раньше, только тогда это были глаза людей. Орк смотрел на него как на хлеб. Алчный, дрожащий, полубезумный взгляд.

Юноша инстинктивно отшатнулся, и как раз вовремя. Со свистом рассекая воздух, на лапу орка обрушилась изогнутая палка. Встретив на своём пути плоть, сухая древесина породила звонкий шлепок, который заставил бы сморщиться любое живое существо, услышавшее его.

Отпрянув назад, орк зашипел, прижимая ушибленную руку к груди. Лишь тогда Адам понял, что рука у орка была только одна. Место второй занимала короткая изувеченная культя.

— Иди отсюда, — напутствовал орка вислоухий слепой старик, что приносил пленникам еду. — Иди, пока не получил ещё!

Подкрепляя угрозу, он вновь замахнулся тяжёлой палкой.

Несмотря на увечье, однорукий был больше и явно сильнее старика, но, вопреки опасениям Адама, он подчинился, убравшись восвояси.

— От тебя пахнет страхом, маленький человек. Они чувствуют его.

Адам осмотрелся вокруг и только теперь понял, что здесь были и другие орки, проявлявшие к нему интерес. Огненными топазами их глаза мерцали в глубоких утренних тенях лесного лагеря. Но похоже, что присутствие незрячего старика умиротворило их жадное любопытство.

— Я — Адам Олдри, — представился юноша. Пообщавшись с Ошем, он успел понять, что имя у орков, как и у людей, играло особую роль.

— Ушаном меня кличут, — ответил старик, смотря поверх него мутными, молочно-белыми глазами. — Зови и ты.

— Я туда, — Адам указал в сторону свалки древесины, предназначенной для костров, но тут же вспомнил, что его собеседник слеп, — за дровами.

— Идём.

Глухой хруст снега под ногами нарушался мерным стуком палки Ушана по промёрзшим

насквозь камням.

Запах страха... Адам думал над тем, что сказал ему старый орк. Он действительно боялся, но не однорукого дикаря и не алчных взглядов жёлтых угольков, скрывающихся во тьме. Его пугали мысли о матери. Случись с ним что, она останется без всякой поддержки с годовалым ребёнком на руках, его маленькой сестрой. Локвуд уже немолод. Сможет ли он вообще пережить зиму в таком месте, если орки не отпустят их? Подданные... Их не так много, но это честные и порядочные люди. Кто позаботится о них теперь? Кто заступится за них при дворе? Раньше от всего этого он мог спрятаться в тени отца, но теперь его фигура, казавшаяся раньше столь непоколебимой, всесильной и вечной, исчезла, оставив Адама один на один с миром. Отец учил его быть сильным, ничего не бояться. Но как победить страх ответственности, что обрушилась на его плечи, словно снежная лавина?

Адама пугало будущее. В душе он хотел, чтобы всё было по-старому. Хотел вновь стать беспечным ребёнком, заботами которого были лишь мелкие хозяйственные дела да науки старого Локвуда. Хотел снова бегать босиком под дождём, смеяться и ловить лягушек в заросшем высоким камышом пруду. Хотел, но понимал, что его желаниям не суждено сбыться...

В детстве Адам часто мечтал о том дне, когда станет взрослым — как отец. Когда никто не будет говорить ему, что делать. Как бесконечно глуп и наивен он был!

Набрав достаточно дров, а вернее, столько, сколько он мог унести, Адам в сопровождении своего необычного спутника двинулся назад к пещере.

— Второй человек, старый, он знахарь? — спросил Ушан.

Адаму этот внезапный интерес показался немного странным.

— Наставник? — уточнил он.

— Наставник, — подтвердил слепой орк, чуть помедлив, и Адам понял, что это слово ему незнакомо.

— Он ключник нашего поместья, — с оттенком гордости в голосе продолжил Адам, — работа вивария[1] входит в его обязанности.

— Виварий? — переспросил орк, и Адам вновь понял, что это чуждое орку понятие.

— Знахарь.

— Хороший?

— Да, — с уверенностью ответил Адам. Он никогда не встречал других вивариев, но вера в способности старого учителя была в нём невероятно сильна.

Казалось, его ответ вполне удовлетворил Ушана, и остаток пути они проделали в молчании, расставшись у самого входа в пещеру.

Внутри Ош и Локвуд всё ещё сидели у костра. Они не говорили ни слова и даже не взглянули в сторону Адама, когда тот вошёл. Казалось, ключник погрузился в глубокие раздумья.

— Подумай, — сказал Ош, поднимаясь. — Время уходит.

С этими словами он вышел.

— В чём дело? — спросил Адам озабоченно.

— Ургаш умирает.

— Умирает? — переспросил Адам, и старик тут же жестом показал ему, что об этом стоит говорить тише.

— Они не знают, — пояснил наставник, бросив взгляд в сторону выхода. — Нескольким оркам пока удаётся держать это в тайне от остальных.

И тут до Адама дошло. Вот к чему вопросы Ушана о Локвуде! Старый орк знал, что происходит!

— Они хотят, чтобы ты помог ему?

Локвуд кивнул.

— Ош говорит, что если мне удастся его спасти, то они отпустят одного из нас.

Адам опустил рядом и с надеждой посмотрел на него.

— Это же прекрасная возможность, учитель! Вы сможете вернуться домой, помочь моей матушке, написать лорду Дювалю или даже Его величеству...

— Какой вздор! — В глазах старика плясало отражение костра. — Если кто и отправится домой, то это будете вы, мастер Адам!

— Я не оставлю тебя здесь, наставник!

Пылающие глаза Локвуда смягчились, и в них показалась та щемящая стариновская нежность, с которой порой смотрят на своих внуков и правнуков.

— Оставьте, да ещё как, — сказал ключник, накрывая руку Адама сухой, морщинистой ладонью. — Вы теперь виконт, помните? От вас зависит много людей.

— Но... — Адам боялся произнести этот вопрос, словно его слова каким-то магическим образом могли воплотиться в жизнь, — если он умрёт?

Локвуд помрачнел и снова уставился в огонь.

— Тогда мы пропали, молодой господин, — признался он. — Орки — не люди. Их уклад далёк от освящённой величиим Древних монархии. Они уважают только силу, и, как только о смерти Ургаша станет известно, здесь начнётся...

«Резня», — закончил про себя мысль наставника Адам.

— Я служу дому Олдри много лет, — не без гордости произнёс старик. — Я служил вашему деду, затем — отцу, а теперь служу вам, молодой господин. И только вам решать, стоит ли мне врачевать это... существо.

Адам догадывался, куда клонит Локвуд. Сам он наверняка уже принял какое-то решение, но хотел преподать очередной урок своему ученику. Ведь отныне тому придётся принимать решения самостоятельно. Как и разбираться с последствиями этих решений.

Помощь больному орку — не просто милосердный поступок. Адаму, как и любому другому верноподданному, было прекрасно известно о наказании, которое грозило всякому, кто захочет оказать содействие этим дикарям. Знал об этом Ош или нет, но он предлагал им сознательно нарушить закон. Впрочем, выбора у них не было.

— Помогите ему, наставник, — сказал Адам и ободряюще улыбнулся.

Смерив своего воспитанника взглядом, в котором одобрение мешалось с тревогой, старик поднялся.

— Ваша воля моими руками, — кивнул ключник и вышел из пещеры.

Да, смерть отца сделала Адама Олдри новым виконтом. Но ему было четырнадцать лет.

* * *

Даже не обладая чутьём орка, Локвуд сразу почувствовал гнилостный запах, витавший под высоким сводом жилища вождя, самого крупного строения в лагере. Это гротескное нагромождение камней, дерева и шкур находилось на самом высоком месте, прилегая к скальной стене. Снаружи оно казалось гораздо больше, чем было внутри.

Изрядно запыхавшись при коротком, но крутом подъёме, старик не без труда перевёл дух и огляделся. Жилище Ургаша изобиловало всевозможными трофеями, от вываренных добела черепов до покрытого ржавчиной оружия. В полумраке нельзя было разглядеть, кому

принадлежали эти старые кости, но ключник готов был ручаться, что и человеческие останки присутствовали здесь в изрядном количестве.

Зажатые между камнями, сушёные лесные травы курились у очага. Некоторые из них Локвуд сразу узнал, другие были ему незнакомы.

Вслед за Ошем старик прошёл в глубь помещения, пока не оказался у огромной лежанки, на которой покоилась, укрытая ворохом шкур, туша Ургаша. Глаза орка были закрыты, веки подрагивали. Искажённое внутренней борьбой лицо покрывала испарина. Рядом с кроватью, сжимая волосатую лапищу вождя, сидела Зора. При виде этой почти трогательной сцены Локвуд, сам того не замечая, на мгновение забыл, что перед ним орки, представители злобного и свирепого народа.

«Сколько ещё людей в королевстве видели то, что вижу сейчас я?» — подумал старик.

Он собирался спросить, что за недуг свалил вождя, но не успел. За спиной раздался уже знакомый чуть шепелявый голос:

— Рана в боку не проходит. Плохая рана. Плохой запах.

Локвуд оглянулся и увидел Ушана, тихо подходившего к лежанке. Несмотря на слепоту, старый орк прекрасно ориентировался в обстановке. Он явно был здесь частым гостем.

— Я приложил хорошие травы, — Ушан указал на камень, выполнявший роль стола, на котором лежали пучки сушёных растений и грубая каменная ступа с пестиком из куска бедренной кости какого-то животного, — но они не помогают.

Ключник осторожно приблизился к ложу больного и тут же встретился с глазами Зоры, в которых пылала гремучая смесь из гнева, страха и недоверия.

— Мне нужно посмотреть, — как бы оправдываясь, сказал он, указывая на Ургаша.

Девушка встала и, ничего не сказав, вышла.

Опустившись на освободившееся сиденье, сделанное из сухого пня, Локвуд аккуратно убрал покрывало. В нос тут же ударил резкий смрад грязи, пота и гнилого мяса, но старик не отпрянул и даже не изменился в лице. На своём веку он поведал немало ран и увечий.

На опухшем боку Ургаша красовалась неаккуратная повязка, которая плотно прижимала к телу вполне добротный компресс из зеленоватой кашицы лечебных трав. Отодвинув его в сторону, Локвуд обнаружил небольшую воспалённую рану от стрелы. Плоть вокруг неё вздулась и потемнела, а из отверстия сочился желтоватый гной.

Первый беглый осмотр не принёс ответа. На теле великана были и другие свежие ранения, которые, несмотря на его плачевное состояние, уже умудрились затянуться, образовав выпуклые рубцы.

— Он чем-то болел?

— Ургаш никогда не болеет, — заверил Ушан, покачав головой. — Никогда.

— Наконечник остался внутри?

— Я протолкнул стрелу, как и остальные, — ответил Ушан, и в его голосе послышалось раздражение. — Она вышла с другой стороны. Внутри ничего не должно быть.

Локвуд понял, что задел старика. Пускай он и был слепым орком, но во врачевании, похоже, кое-что понимал.

В чём же было дело? Заражение крови? Яд? Всем было известно, сколь живучи орки. Локвуд судорожно вспоминал труды королевского вивария о сравнительной анатомии, которые ему доводилось читать много лет назад. Не похоже, чтобы инфекция могла просто свалить орка, а особенно такое чудовище, как Ургаш. На его массивном теле виднелись куда более страшные шрамы.

Неожиданная догадка посетила Локвуда при более детальном осмотре раны.

— Покажите мне стрелу.

Ушан отошёл к противоположной стене и скрылся в тенях, рождаемых дрожащим огнём костра. Вскоре слепой орк вернулся, сжимая в руках два наконечника с обломанными древками.

— Не помню, какая из них, — пожал плечами Ушан, подавая остатки стрел Локвуду.

Первый наконечник был совершенно обычным и не заинтересовал ключника, но второй... Он взял его в руки, как ядовитую змею. Чуть вогнутая кромка и мелкие символы, украшавшие наконечник, не оставляли никаких сомнений. Всего один раз в жизни Локвуд видел нечто подобное.

— Сантарская блуждающая стрела, — сказал он с содроганием.

Вид этого небольшого кусочка металла рождал в нём неожиданно тревожные мысли.

— Вскипятите воды, — сказал Локвуд твёрдым, не терпящим возражений голосом. — Мне нужен острый нож, полотно, свечи и травы. Все, что есть.

Отчаянно роясь в памяти, он надеялся, что ему хватит знаний и опыта, чтобы осуществить задуманное. Локвуд посмотрел на свои старые трясущиеся руки и попытался унять дрожь. Слишком многое сейчас зависело от них.

Пока Ушан занимался приготовлениями, ключник подозвал Оша, который за всё время осмотра не проронил ни слова, но внимательно наблюдал за происходящим.

— Мы вдвоём справимся здесь, — сказал старик, — проследи, чтобы нас не тревожили.

Орк коротко кивнул и собрался уходить, но Локвуд жестом задержал его.

— Я тебя попрошу, Ош. — Его лицо выглядело озабоченным и бледным. — Ступай к Адаму, побудь с ним, пока я не закончу.

Локвуду нелегко было сказать это. Кто бы мог подумать, что он будет просить какого-то орка присмотреть за своим драгоценным воспитанником! Глаза старика вновь упали на злосчастный наконечник.

— Братство... — прошептал он так, что даже Ушан не услышал этого. — Среди них был кто-то из братства. Так далеко на Севере...

[1] Виварий — главный лекарь при знатном доме. В малых домах обязанности вивария часто исполняет ключник. Также должность вивария существует при крепости, в армии либо при крупном событии.

Глава восьмая. У костра

Бумага сия есть предостережение для всякого, от вельможи до крайнего крестьянина. Уличённые в сношениях с племенами нелюдей, будь то сговор, торговля или иная помощь, познают вес перчатки закона как вредители государства и короны.

Листовка карательного отряда

Ош шёл через скальный лагерь, стараясь не смотреть по сторонам. Большинство его сородичей всё ещё не спали, и он становился невольным свидетелем их нехитрого быта.

Не так чтобы он избегал их или они испытывали к нему сильную неприязнь, но в последнее время Оша одолевало странное и неприятное чувство, которое он всё ещё пытался осознать. Смесь стыда, гнева, жалости, боли и разочарования. Оно точило его изнутри.

Нет, он не считал себя особенным или исключительным. Просто раньше Ош почему-то не замечал окружающего орков убожества. Не видел, как сородичи копошатся в грязи и невежестве, как они выживают. Да, многие из них были подлыми, глупыми, злобными и жестокими созданиями, но они были его племенем, его народом. Народом, для которого он хотел что-то сделать.

А ещё Ош думал о людях. Он уже многое успел узнать от своих пленников, но это были лишь поверхностные знания. Люди были сильны. В сознании Оша орки тоже были такими, однако сила людей была иной. Люди обрабатывали железо, возделывали землю и создавали механизмы. Как правило, терпеливые и упорные, они постепенно одерживали верх над орками — вспыльчивыми, неуживчивыми и дикими. Лёд и огонь. Им никогда не ужиться вместе.

«Если ничего не изменится, рано или поздно они перебьют нас, — подумал Ош с какой-то мрачной уверенностью. — Просто перебьют нас всех». Откуда пришли эти мысли? Он не мог понять. Что-то изменилось, словно постепенно прорастало внутри, пуская корни. Он знал, что уже никогда не сможет стать прежним. Казалось, прошла целая вечность, целая жизнь...

Когда орк вошёл, Адам быстро поднял на него глаза, но столь же стремительно опустил их, вновь уставившись в пожирающий древесину огонь. Орк догадался, что юноша ожидал увидеть своего старого наставника.

— Он занят Ургашем, — словно оправдываясь, сказал Ош и устало присел к костру напротив маленького человека. — Просил, чтобы я побыл здесь.

Ему нравился Адам. Во всяком случае, настолько, насколько орку может нравиться человек. В нём чувствовалась сила. Не та неистовая сила, что клекотала в Ургаше или Зоре, но всё же... Молодая и упрямая стойкость ростка дуба, который пускай и уступает другим травам в скорости роста и размерах, но всё же рано или поздно превращается в огромное и могучее дерево, короля леса.

Они сидели молча. Под действием жаркого дыхания пламени мохнатое одеяние Оша выпускало тяжёлый пар. В голове орка бурлили самые разные мысли, которые он бессилён был облечь в слова. Никогда ещё в своей жизни орк не думал так много!

— Почему вы не можете отпустить нас обоих?

Звонкие слова Адама полоснули безмолвие, как остро заточенный нож.

— Жизнь за жизнь, — ответил Ош, но не посмотрел на него.

Орк видел, что пленники останутся, даже если он подарит свободу одному из них. Мальчик и старик слишком сильно привязаны друг к другу. Они были ему нужны. Правда, он и сам пока толком не понимал, для чего именно.

— Ты же знаешь, что у нас нет выбора? Если Ургаш не выживет, мы будем первыми, чья кровь прольётся здесь.

Ош ничего не ответил. Для него это было столь же очевидно.

— Чего ты хочешь?

Едва заметно Ош вздрогнул, будто Адаму каким-то неведомым способом удалось проникнуть в его самые сокровенные мысли. Хотел бы он и сам знать ответ на этот вопрос!

Однажды Ош уже видел гибель своего племени, и он поклялся самому себе, что не увидит её снова. Однако что он мог сделать? Один орк против этого огромного жестокого мира, который он даже не мог толком представить.

Ургаш лежал на краю Вечной ночи и с каждым хриплым вздохом был всё ближе к её тёмным объятиям. Зора сходила с ума, сторожа его ложе. Половина лучших охотников убита. Зима только началась, а запасы еды уже стремительно подходили к концу. Соседнее племя того и гляди нападёт на них, а теперь этот мальчик, этот маленький человек спрашивал у него, чего он хочет.

— Жить, — ответил Ош с такой усталостью в голосе, будто он вот-вот рухнет.

— Жить?

— Человек охотится на нас, как на зверя. Гонит с нашей земли. Отбирает добычу. Ненавидит нас. — Ош сделал паузу и поднял глаза на Адама. — Зачем?

Юноша удивлённо смотрел на орка, не зная, что ответить. Он никогда и представить себе не мог, что вообще будет принимать участие в подобном разговоре. С малых лет детей учили, что орки — самые страшные твари, хуже зверей. Что при встрече их следует убивать, не задумываясь, а если это невозможно, то бежать без оглядки. Страх и ненависть к их злобной породе люди впитывали с материнским молоком, со сказаниями и песнями о бесчеловечных ужасах порождений тьмы.

— Но ведь это вы убиваете людей. Вы сжигаете дома и деревни. Уводите скот, нападаете на путников, — парировал Адам. — Как ещё люди могут отвечать?

— Но они топчут наши земли!

Сам Ош был простым охотником, и ему никогда не доводилось участвовать в подобных нападениях. Во всяком случае, до недавнего времени. Однако ему было прекрасно известно, что другие орки часто так поступали. С людьми гораздо проще было справиться до того, как они возводили свои дома, башни и стены.

— Все земли от Железных гор до Самоцветных островов, от края Сыпучего моря до башен Предела принадлежат королю, — ответил Адам, процитировав «Географику», одну из самых внушительных книг, которые были в их скромной домашней библиотеке. Толстый фолиант с красивыми замысловатыми картинками и аккуратными буквами, который он часто рассматривал, будучи ещё совсем ребёнком.

— Король — вождь людей?

— Можно и так сказать, — кивнул Адам — Правда, есть и другие короли, но они далеко, в других странах.

— У орков нет короля. У орков есть вожди племён. Как одному вождю уследить за всеми?

— Король не один за всеми следит. У него есть помощники. Советники, вассалы. Провинциями управляют графы, уделами — виконты.

— И земля принадлежит им?

— Да, им и их подданным.

— А если кто-то нападёт и отберёт эту землю?

— Тогда армия короля встанет на защиту такого вассала. В свою очередь, он приносит королю присягу и обязуется платить налоги.

— Налоги?

— Деньги за защиту и помощь.

Дикая, непрошенная мысль возникла в голове Оша. Он превратил её в слова прежде, чем как следует обдумал.

— А если мы присягнём королю и будем платить ему деньги, он даст нам землю?

Вопрос, похоже, поставил Адама в тупик. Впрочем, и для самого Оша он выглядел слегка безумным.

— У нас есть деньги, — добавил Ош, вспоминая трофейное хранилище, — есть тёплые шкуры и добрая сталь. Мы можем заплатить.

— Не в этом дело... — нахмурился Адам, опустив глаза ещё ниже. — Понимаешь, вы — орки...

Похоже, юноше было сложно выразить свою мысль, или он просто опасался обидеть Оша. Задевать того, в чьих руках находится твоя жизнь, было не самым мудрым поступком.

— Значит, присягнуть могут только люди? — не сдавался Ош.

— Я... не знаю, — честно признался мальчик. — Нужно спросить у наставника.

Адам задумался, будто что-то вспоминая.

— Но даже если это не так, — продолжил он, — как ты собираешься присягнуть королю? Орков и к городской стене не подпустят!

Да, Ошу приходилось признать, что на этот раз Адам прав. Воплотить столь безумную идею было просто-напросто невозможно. Да и потом, если Ургаш выкарабкается, он наверняка прийдёт Оша только за то, что у него вообще возникла подобная мысль. Так, на всякий случай. Вспыльчивый и своевольный, вожак никогда не склонился бы перед королём людей, особенно если учесть ту ненависть, которую он испытывал ко всему человеческому роду. Впрочем, всё это будет неважно, если вождь умрет.

— А если мы облачимся так, чтобы нас не узнали? — Ош уже и сам не понимал, зачем продолжает этот разговор. Он был подобен камню, что сорвался с горного склона. Камню, который уже не может остановиться.

— Даже если вас не узнают сразу, встретиться с королём всё равно не так-то просто. Он живёт в большом замке, и у него хорошая охрана. Даже моему отцу не удалось добиться аудиенции. Он поэтому и хотел принять участие в этом проклятом турнире...

Голос Адама поник. Было видно, как тягостны ему мысли о погибшем отце.

— Турнир — это такое соревнование воинов? — Ошу уже приходилось слышать об этой странной традиции людей.

— Да, — подтвердил Адам, — он проводится каждую весну. Победитель получает крупный денежный приз и право подать личное прошение его величеству. Честно говоря, отец хотел принять участие в основном из-за денег. Дела в последнее время у нас шли неважно.

Адам говорил и говорил, пока не рассказал обо всех последних событиях своей жизни.

Часто люди делятся сокровенными мыслями с кем-то незнакомым, кто вряд ли примет заметное участие в их судьбе.

Он поведал о том, как они с отцом ездили в Адамант, чтобы записаться на грядущий весенний турнир и уплатить взнос участника. Рассказал о великолепии столицы, которую посетил впервые, причём сделал это в столь красочных выражениях, что Ошу оставалось только проклинать своё собственное косноязычие. Закончил свою историю Адам встречей неожиданных попутчиков, которые, заверив отца в дружелюбии и верности, вероломно предали их, заманив в ловушку на старой дороге.

Ош внимательно слушал рассказ молодого виконта. Тем временем в его голове рождался дерзкий и, возможно, самоубийственный план.

— А теперь, — подытожил Адам, — теперь я даже не знаю, что будет дальше. В смысле, если вы вообще нас отпустите.

Риск был велик, но если Ош преуспеет, то оркам банды Ургаша удастся то, что не делал ещё никто. Однако для этого придётся убедить сначала Ургаша, потом Зору и, наконец, остальных. А ещё ему понадобится удача. Много удачи.

— Возможно, — неожиданно вкрадчиво сказал Ош, — мы сможем помочь друг другу.

— Помочь друг другу? — В карих глазах юноши блеснула искорка понимания. — Стой, ты же не хочешь...

Ош прервал его на полуслове:

— Давай обсудим это, когда вернется твой наставник. Быть может...

На улице послышался хруст снега. Это были чьи-то шаги, и они приближались.

Глава девятая. Вольному — воля

Королевская каторга, именуемая также Гнездом Олофа, расположена за Туманными озерами. Эти старые камни — самый северный оплот Королевства, за которым тянутся лишь бесконечные Железные горы, обиталище горцев, орков, диких зверей и чудовищ. Будучи однажды твердыней мятежного вождя Олофа Одноглазого, место сие стало невольным пристанищем душегубов и лиходеев, кои трудятся там во искупление своей вины пред Серым Престолом и всяким добрым человеком.

«Географика». Раздел «Земли и народы Севера»

Идти было неудобно. Плотно стискивая запястье, отполированная поколениями узников сталь снова и снова дёргала правую руку, как длинная марионеточная нить. Всякий раз, когда наступал банный день, охранники выводили заключённых из тоннелей, сковывая вместе по двое, трое или даже четверо, в зависимости от того, сколько человек работало в шпгреке.

Раньше Эдуард совершал эту прогулку с Хэнком, но теперь его напарником был Ярви. Тщетно пытаюсь изобразить спокойствие, вор то и дело бросал на окружающих опасливые взгляды. Эдуард и сам порядком нервничал, но маска невозмутимости удавалась ему куда лучше. Сказывалось аристократическое воспитание.

За последние несколько недель, проведённых вместе, им удалось если не подружиться, то, во всяком случае, найти общий язык. Если не считать преступных замашек, Ярви оказался вполне терпимым малым.

Как обычно, они трудились, зарабатывая свой жалкий паёк. Как обычно, вгрызались в толщу горы, всякую минуту ожидая обвала, готового превратить их шпгрек в братскую могилу. Однако было и кое-что ещё. То, чего Эдуард раньше никогда не делал. Они готовились к побегу.

И вот заветный день настал.

Снова и снова Эдуард прокручивал в памяти то, что говорил ему Ярви. Снова и снова сомневался в тех обрывочных сведениях, которые тот получил когда-то от старого полубезумного сокамерника. Сведения, от правдивости которых теперь зависела их жизнь и, возможно, свобода.

Чем ближе к поверхности, тем свежее и прохладнее становился воздух в тоннеле. Эдуард глубоко вдохнул, задумавшись о том, будут ли действительно полезны те тренировки, которыми они занимались в своём шпгреке.

— Там, наверное, уже зима... — уныло предположил один из каторжников, седовласый старик с длинной свалывшейся бородой.

— Там всегда зима, — сказал ему другой заключённый с физиономией серой и угрюмой, как кусок горной породы.

В живой цепочке узников раздавались приглушённые переговоры, то и дело прерываемые руганью охранников, призывавших соблюдать безмолвие. Наконец, после очередного поворота, когда их колонна поравнялась с другой, такой же, впереди показалось пятнышко света.

Глаз безошибочно отличил его от мертвенного сияния светочей. Это был свет солнца.

Арбалетчики, сторожившие выход из шахт, уже подняли огромные деревянные заслоны, отгораживавшие подземные лабиринты от мира поверхности. Эдуард не знал, был ли это единственный выход из тоннелей. Всякий раз их вели наверх разными маршрутами, так что запоминать их было бесполезно.

По мере того как невольники приближались к сияющему просвету, их привычные к тьме глаза начинали слезиться и болеть. Многие вовсе закрывали их, шагая вслепую. Многие, но не Эдуард. Он радовался свету, преодолевая боль, купался в нём, чувствуя, как с каждым лучом к нему возвращается частичка его прежней жизни.

Заметив мечтательное выражение на лице напарника, Ярви сильно дёрнул сковывающую их цепь.

— Не зевай, парень.

Они вышли во внутренний двор старой крепости, которая давным-давно была превращена в тюрьму. Врата в тёмный мир отчаяния и страданий. Сколько людей, миновавших этот двор, так и не увидело солнечный свет? Сколько сгинуло здесь?

Тут и там на стенах и дозорных башнях виднелись силуэты стражей. Как и сама крепость, они чётко выделялись на фоне заснеженных гор и затянутого облаками неба. Их было не так много, но, случись что, эти люди без труда перебили бы всех заключённых, находившихся во дворе.

Стражи Гнезда Олофа не отличались приятным нравом и широтой взглядов. В этом далёком, забытом всеми месте люди, как правило, оказывались не от хорошей жизни, однако Эдуард никогда не винил их за жестокость. Он понимал, что заключённые, которых они охраняют, большей частью были настоящими чудовищами. Насильники, воры, разбойники и убийцы понимали лишь язык силы и подчинения.

Снаружи, как всегда, было холодно, но небеса будто сжалились над несчастными, решив не осыпать их снегом в этот долгожданный день. Под ногами скрипел низкий деревянный помост, сколоченный для того, чтобы босые заключённые не отморозили себе пальцы, ступая по ледяному камню.

Впереди слышался грохот поднимающейся герсы, массивной деревянной решётки, скреплённой стальными скобами, которая перекрывала проход через крепостные ворота. С тех пор как крепость стала каторгой, тяжёлые и неудобные створки, лишённые запирающего механизма, сняли, оставив лишь эту конструкцию, призванную не столько сдерживать внешних захватчиков, сколько не выпускать тех, кто находился внутри.

Шум шестерней, валов, цепей и противовесов мучил бы любое человеческое ухо, но для заключённых этот звук был приятнее самой изысканной музыки. Этот скрежет был их симфонией свободы, упрямой надежды на то, что когда-нибудь они выйдут за эти ворота и больше никогда не вернутся назад.

За крепостной стеной мощённая грубыми каменными плитами дорога уходила на восток, теряясь в тумане, который всегда окутывал эти места. В противоположном направлении тянулась длинная пологая лестница, заканчивающаяся на берегу одного из озёр. Именно туда и повели каторжан.

Несмотря на окружающий холод, вода в туманных озёрах всегда была тёплой из-за подземных источников, питавших их недра. Однако прибрежное мелководье всё же остывало и замерзало.

Эдуард прекрасно знал, что произойдёт дальше. Сначала они какое-то время будут идти по льду, пока не найдут парящей прямоугольной проруби, которую служители каторги

неизменно устраивали на одном и том же месте. Тогда полуголых людей загонят в воду и дадут немного времени, чтобы те, как могли, смыли с себя грязь и паразитов. Когда отведённые им мгновения истекут, каторжников вновь загонят в тоннели, как стадо животных. Обратный путь будет проделан гораздо быстрее, чтобы мокрые и взмыленные узники не успели замёрзнуть и заболеть.

Недалеко от того места, где обычно устраивали купальню для заключённых, находился крохотный скалистый островок, лишённый какой бы то ни было растительности. Он был настолько мал, что не имел даже названия. Эдуард уже мог распознать его впереди, в тумане: острый шпиль, торчащий вверх, словно одинокий каменный часовой. Ходил слух, что всякий купальный день на этой скале дежурит арбалетчик, которому дан приказ убить любого, кто попытается сбежать по льду, миновав охрану.

Иногда бывали случаи, когда скованные цепями заключённые, оказавшись в воде, тонули, не в силах удержаться на плаву. Впрочем, такое происходило редко, так как надзиратели следили за ними, вооружившись длинными деревянными шестами.

Некоторые каторжане пытались бежать, ныряя под лёд, но до открытой воды было полторы сотни шагов. Проплыть столько, задержав дыхание, было невозможно. Кроме того, мешали цепи, сковывающие каторжан, работающих в одном штреке. И хотя цепь сама по себе была не особенно тяжёлой, стоило одному из беглецов утонуть, как он тянул на дно остальных поистине мёртвым грузом. Обычно таких смельчаков вылавливали баграми по весне, когда их бледные раздутые тела прибывало к окрестным берегам.

Деревянные помосты кончались там, где начинался лёд. Его морозная гладь яростно кусала кожу на голых ногах. Снега на ней почти не было, а потому заключённые изо всех сил старались не падать, зная, что тогда по их спине наверняка прогуляется дубинка надзирателя.

Очень скоро впереди показалась тёмная прямоугольная яма проруби, у которой уже стояли четверо охранников с длинными шестами. Один конец этих шестов венчал изогнутый крючковатый наконечник. Позади надзирателей, шагах в семидесяти, изо льда торчал исполинский каменный шпиль безымянного скалистого островка. Первый раз Эдуард заметил на нём крохотный огонёк жаровни. Стало быть, там действительно дежурил стражник, как и поговаривали в тоннелях.

«Семьдесят шагов, — мучительно подумал Эдуард, — как же далеко!»

Не сбавляя скорости, колонну каторжан начали загонять в воду. Плескаясь, гудя и пофыркивая, грязные измученные люди радовались этому редкому удовольствию почти как дети. Одни невольники стягивали свои жалкие лохмотья, бросая их тут же, у проруби, другие не утруждали себя этим и купались прямо в одежде. Вскоре настала очередь и Ярви с Эдуардом. Раздеваться они не стали, да и снимать им было особо нечего. Самодельные безрукавки из мешков, подпоясанные кусками верёвки и изношенные до дыр набедренные повязки вряд ли смогут утянуть их на дно, когда намокнут.

Вода оказалась, как всегда, прохладной, но не настолько, чтобы человек мог быстро замёрзнуть в ней. Если учесть, что вокруг лёд и покрытые снегами горные вершины, её можно было бы даже назвать тёплой.

Ярви кивнул Эдуарду плыть в середину проруби, туда, где охранникам сложнее будет дотянуться до них баграми. Юноша последовал за вором, невольно подумав, что это последняя возможность повернуть назад, отменить всё. В конце концов, не потянет же Ярви его насильно...

— Готов? — негромко спросил Трёхпалый, когда они оказались в центре проруби.

«Как, Солис тебя побери, к этому можно быть готовым?» — панически подумал Эдуард, и ему захотелось закричать. Впереди их ждала неизвестность и, скорее всего, не слишком приятная смерть.

Собрав в кулак остатки воли, Эдуард укрепил её при помощи клокотавшего в нём уже долгое время гнева. Нет, он больше не вернётся в эту темноту, где шёпот множества голосов медленно сводит его с ума, больше не позволит хоронить себя заживо.

Он кивнул, и рука Ярви легла ему на плечо. Их глаза встретились. Эдуард успел подумать, что в это мгновение взгляд обычно развязного каторжанина стал необычайно серьёзен и твёрд. Синхронно они сделали несколько предельно глубоких вдохов и, задержав дыхание, одновременно нырнули.

Звуки исчезли. Первые несколько мгновений перед глазами в облаках пузырей барахталось множество ног, но они быстро остались позади. Эдуард ждал, что сейчас он почувствует, как его безжалостно цепляет острое жало багра, как увлекает его обратно, на поверхность, словно раненую рыбу. Но... этого не произошло.

Эдуард думал, что подо льдом они попадут в царство тьмы и вынуждены будут пробираться навстречу своей гибели вслепую, однако он ошибался. Недра озера раскинулись перед ныряльщиками волшебным миром, освещённым прекрасным мертвенно-синим сиянием, пробивающимся через твёрдый панцирь льдистой поверхности.

Показав куда-то рукой, Ярви, который чувствовал себя в воде гораздо увереннее, увлёк Эдуарда за собой. Они старались двигаться абсолютно синхронно, но направлялись не к большой воде, а немного в сторону, туда, где по прикидкам обоих находилось основание того самого скального островка.

После того как Ярви поведал своему сокамернику план побега, не было дня, чтобы Эдуард не усомнился в этих сведениях. Прежний напарник Трёхпалого, больной старик, стоявший одной ногой в могиле, открыл ему секрет: будто бы под скалой, торчащей из озера подле купального места, был подводный грот, внутри которого можно найти пещеру, своего рода воздушный мешок. Самому старику о том якобы рассказал один военный преступник, что делил с ним штрек до Ярви. Впрочем, о преступнике этом давно ходила молва по всей каторге, ведь это был единственный «ныряльщик», тело которого охранники так и не нашли.

История о единственном удачном побеге вселяла в Эдуарда уверенность, но, в то же время, ничто не могло подтвердить правдивость слов старого заключённого. Быть может, ум старика отказался ему служить? Пресловутый беглец мог просто-напросто утонуть, как и остальные. Однако Ярви уверял, что грот существует, причём делал это так настойчиво, будто видел его своими глазами. В конце концов Эдуард не устоял перед его энтузиазмом, и начались их тренировки.

Сам Ярви утверждал, что прекрасно плавает, в чём его напарник ни капли не сомневался, ведь вор был южанином, уроженцем побережья Поперечного моря, а там люди учились плавать раньше, чем ходить. Выросший среди бескрайних полей и степей Простора, Эдуард тоже умел плавать, но ему стоило поработать над дыханием. Кроме того, цепь, которой их непременно скуют, выводя наружу, требовала от беглецов абсолютной слаженности движений, когда те окажутся под водой.

У них была одна попытка... и наказанием за ошибку стала бы гибель.

Над головой простирался лёд. Эдуард слышал, как он глухо потрескивает под ногами людей, как их крики доносятся сверху, превращаясь в далёкие неразборчивые отголоски,

словно долетавшие из другого мира.

Как только прорубь осталась позади, вода стала гораздо прозрачнее. Впереди показалась тёмная громадина скалы, уходящей в каменистое дно. Первые предательские спазмы в груди Эдуарда начались, когда беглецы достигли этой угрюмой каменной стены.

Ничего. Ни пещеры, ни трещины, ни какого бы то ни было намёка на отверстие.

Лёгкие Эдуарда начинали гореть огнём, в то время как сам юноша отчаянно пытался сдержать нарастающую панику. Ярви указал рукой в сторону, и беглецы попытались обогнуть огромную колонну, словно подпиравшую ледяной свод. Всё, что они видели перед собой, — неровная поверхность неумолимого камня, тронутого кое-где водорослями.

«Я умру здесь, — подумал Эдуард, чувствуя, что воздух вот-вот извергнется из его груди, — и эта скала станет моим надгробным камнем».

Цепь больно дёрнула руку, прервав мрачные мысли. Ярви тянул его куда-то ко дну.

Сначала Эдуарду показалось, что напарник просто утонул, но потом юноша и сам увидел тёмную линию еле заметной трещины, в которую едва мог протиснуться человек. Как мурена, покрытый татуировками южанин скользнул внутрь, однако более крупному и широкому Эдуарду не удалось проделать это с той же лёгкостью. Он сильно ударился грудью о камни, и в этот момент взбунтовавшееся тело исторгло из себя последние запасы драгоценного воздуха. При попытке нового судорожного вдоха в его грудь устремилась только вода.

Перед тем как потерять сознание, Эдуард с ужасом понял, что тонет.

Глава десятая. Сделка

Сантарская блуждающая стрела, именуемая также жалящей, имеет таковую форму наконечника, что, уколов жертву, неизбежно оставляет в её плоти отравленные осколки, вызывающие скорую и мучительную гибель. Появилась на Самоцветных островах. Запрет к использованию объявлен пятым военным эдиктом Конрада I Завоевателя, от 735 года эры человека.

«Орудия и приёмы военного дела восьмой сотни»

Пальцы Оша вцепились в древко копья так, словно это была палка, протянутая утопающему в трясине. Тем временем свободная рука развязывала ремень, прикреплявший ножны короткого меча к поясу.

— Много их? — спросил он.

У входа в пещеру стоял тревожно озирающийся Ярга. Он чуть вздрогнул от вопроса.

— Не знаю, — замялся коротышка. — Столько!

Орк показал свои руки с растопыренными грязными пальцами.

С тех пор как Локвуд принялся врачевать рану Ургаша, прошло две ночи. Всё это время Зора сторожила жилище вождя, а Ош находился подле Адама, выполняя просьбу старика. И вот произошло то, чего они опасались более всего.

Рука наконец справилась с креплением ножен. Сняв меч с пояса, Ош бросил его Адаму. Клинок его отца.

— Умеешь с ним управляться?

Тот растерянно кивнул. Он был встревожен происходящим не меньше Оша. Тот факт, что ему, пленному человеку, давали в руки оружие, совсем не добавлял спокойствия.

— Пойдешь со мной, — бросил Ош.

Бесцеремонно вытолкнув орка-коротышку, Ош покинул пещеру. Стояло раннее утро, но солнце ещё не показалось из-за горизонта. В лагере орков царил тревога. Тут и там слышались возгласы, вспыхивали короткие ссоры и потасовки.

Одна из таких потасовок была прямо перед жилищем Ургаша. Приблизившись, Ош понял, что это не просто драка, а самый настоящий бой. Оттеснённые к скальной стене, Зора с близнецами отбивались от шести-семи орков, под ногами которых уже лежали два мёртвых сородича.

Всё это время троицу спасало лишь то, что их нельзя было обойти сзади, а нападавшие, превосходившие их числом, по неопытности мешали друг другу.

У входа в жилище вождя, держась за окровавленный живот, сидел на земле Ушан. Был ли он ещё жив или уже перешагнул порог Вечной ночи? Ош не знал этого.

Внутри хижины угадывалось какое-то движение.

Перед Ошем встал выбор: то ли ринуться внутрь на спасение раненого великана, то ли помочь в неравном бою Зоре. Думать было некогда. Решение пришло само собой.

Выхватив нож, Ош бросил его в одного из нападавших, удовлетворённо отметив вязкий звук, с которым лезвие погрузилось в спину противника. Воспользовавшись внезапностью, орк атаковал отступников сзади.

В этот момент воздух сотряс страшный крик Ургаша. Это был полный боли и злобы рёв

умирающего дикого зверя.

* * *

Дрова в очаге почти догорели, как и силы Локвуда. Заручившись поддержкой усталости, в полумраке к старику бесшумно подкрадывался сон.

Сколько он уже не спал? Сутки? Двое? Вивексия[1] закончилась много часов назад, но руки старика всё ещё дрожали. В подобные моменты многие врачеватели словно вступают в бой с самой смертью, пытаясь вырвать из её костлявой хватки жизнь своего пациента. Ключнику дома Олдри оставалось лишь смотреть ей в лицо, надеясь, что она отвернется первой.

Под ворохом звериных шкур покоился Ургаш. Орк дышал хрипло, но спокойно. Лихорадка прошла, но Локвуд не мог сказать, было ли это хорошим знаком или же свидетельством скорой смерти вождя. Знания внутреннего строения орков у него были весьма поверхностные.

Старик сделал всё, что мог. Зазубренные осколки стрелы, закалённой в смертоносном яде императорской жабы, что водилась лишь на Самоцветных островах, теперь покоились в деревянной плочке. Жала из ядовитого металла. Каждый раз, когда старик смотрел на них, ему не верилось, что Ургаш вообще прожил так долго. Любой человек на его месте уже давно предстал бы перед судом Древних.

У входа в жилище сидел Ушан, растирая в каменной плочке какие-то лекарственные травы. Периодически он отрывался от этого занятия, чтобы ответить Зоре, осторожно справляющейся о состоянии вождя.

Чтобы согнать дремоту, Локвуд решил сменить компресс. В этот момент он услышал снаружи грубые голоса орков. Несмотря на то что разобрать их исковерканный диалект было очень сложно, ключник понял, что там назревает что-то дурное. Орки хотели видеть вождя. В их словах легко угадывались настырность и вызов.

Значит, произошло то, чего опасался Ош. Кто-то из орков пожелал занять место Ургаша, воспользовавшись слабостью вожака. Этот жестокий обычай орков был хорошо известен.

Не успело утомлённое сознание ключника толком осознать, что происходит, как снаружи завязалась драка.

— С ним будь, — коротко велел Ушан, указав своей палкой на Ургаша, и поднялся.

Кто-то сорвал полог, закрывающий вход. В тусклом свете зачатков далёкого восхода появилась лохматая фигура. Путь ей тут же преградил Ушан. Старый слепой орк успел пару раз угостить непрошеного гостя своей палкой, перед тем как его самого ударили в живот коротким кривым ножом.

Отпихнув ослабшего калеку со своего пути, пришелец двинулся к постели Ургаша. Его рука сжимала окровавленный клинок, а единственный желтый глаз горел в полумраке недобрым огнём.

Локвуд не мог пошевелиться. Нет, его парализовал не страх, а какие-то сбивчивые, навязчивые мысли. В чём причина столь неудержимой злобы? Ему показалось, что всё происходящее просто страшный сон. Кошмар, от которого он вот-вот очнётся...

Однако ключник не проснулся. Казалось, сам злой рок навис над ним тёмным силуэтом орка, заносащим оружие для смертельного удара. Издав боевой клич, дикарь обрушил на старика нож.

Испугаться ключник не успел. Впрочем, и его долгая, достойная жизнь ещё не закончилась...

Кривое лезвие остановилось на полпути. Оно не достигло своей цели. Огромная волосатая лапища, вынырнувшая из-под шкур, перехватила запястье орка на лету. Раздался утробный, почти звериный рык. В отличие от визгливого клича орка с ножом он был глухим и страшным, как рёв горного обвала, грозящего смести всё на своём пути.

Ошеломлённый дикарь попытался освободиться, но его рука была в железной хватке самого Крушителя. Гигант поднялся с лежанки, как медведь, очнувшийся от долгой спячки. Страшный, сердитый и голодный. Запястье орка жалобно хрустнуло. Нож брякнул о камни пола.

Ургаш закричал.

* * *

Когда раздался крик вождя, орки разом прекратили сражаться, уставившись на тёмное жерло его берлоги.

Сначала снаружи показался окровавленный орк. На его злобном, худом лице застыла неподвижная маска смерти. Он уже не мог стоять сам. Бездыханное тело поддерживала лапища вождя, сжимавшая горло бедняги, как куриную шею.

Мертвец повалился к ногам бунтовщиков. За ним из тьмы хижины показался Ургаш. Вожак орков был страшен. И без того пугающее лицо осунулось и побледнело. В нём было куда меньше жизни, чем раньше, но глаза пылали поистине испепеляющим гневом. Они завораживали орков, как взгляд змеи, смотрящей на свою добычу. Двумя крохотными жёлтыми угольками на них взирала сама смерть.

Над лагерем повисло тяжёлое безмолвие. Глаза большей части его обитателей были прикованы к восставшему из мёртвых вождю.

— Завязывайте с этим дерьмом, — глухо сказал он и удалился обратно в хижину.

Спорить больше было не о чем. Инцидент оказался исчерпан. Статус Ургаша — восстановлен.

— Не думайте, что я забуду об этом, псы! — злобно напутствовала Зора убирающихся восвояси мятежников.

На земле остались лежать пять мёртвых тел.

Шестым мог бы стать Ушан, но Ош обнаружил, что старик был жив. Неумелый удар ножа распорол его кожаную хламиду, нанеся лишь поверхностную рану.

Запахавшийся Адам стоял рядом с Ошем. Его меч покрывала чёрная густая кровь. Один из убитых орков был на его счету. Ошалелый взгляд юноши не отрывался от тела жертвы, но не видел его. Казалось, Адам смотрел сквозь него, куда-то вдаль.

— Как я его... — произнёс юноша каким-то чужим голосом и выронил меч.

Через мгновение его перекутило, как подкову, и вырвало.

Заметив с какой-то мрачной радостью, что орк, задушенный вожаком, оказался Пластуном, Ош помог Ушану подняться. Действо это сопровождалось непередаваемым ворчаньем слепого старика. Когда они с Зорой вернули его в жилище вождя, внутри их ожидала неожиданная картина. На полу лицом вниз лежал Ургаш. Над ним могильным вороном склонилась тёмная фигура Локвуда.

— Что ты с ним сделал? — закричала Зора, схватив ключника за ворот балахона.

Ошарашенный старик только вскинул руки, демонстрируя пустые ладони.

— Ничего... Он просто спит. Я не знаю. Он вошёл сюда, грохнулся на пол и уснул.

Словно в оправдание старика, комнату сотряс громоподобный храп Ургаша.

Следом за орками внутрь вошёл Адам. Бледный и растерянный, он был похож на

привидение. Отцовский меч покоился в ножнах на поясе.

— Молодой господин! — воскликнул Локвуд, оттолкнув Зору с неожиданной для его лет силой. — Что случилось?

Ключник схватил юношу за плечи, вглядываясь в его опустевшие глаза.

— Он кинулся на меня... — бормотал Адам. — Он бы убил меня, я знаю. Я просто защищался...

— Я отведу их обратно, — бросил Ош Зоре. — Присмотришь здесь за всем?

— Убирайся, — ответила она, сидя рядом с Ургашем.

По дороге обратно Ош понял, что случилось с юношей.

До этого дня Адам Олдри никогда не убивал.

* * *

Вскоре суматоха улеглась. Мертвецов утащили в лес на съедение диким зверям. Конечно, была и другая возможность их использования, но пока что орки не настолько отчаялись, чтобы прибегать к подобным мерам. В скальный лагерь вернулась прежняя относительно спокойная жизнь. С каждым днём зима крепчала и, словно ей наперекор, крепчал Ургаш.

Только теперь Ош понял, почему вожак, обуздав свою ярость, не расправился с бунтовщиками. Недостаток пяти убитых охотников уже начинал сказываться на способности банды прокормить себя в это жестокое холодное время.

Когда другие уже поговаривали о набеге на соседнее поселение людей, Ош старался всё своё свободное время проводить с пленниками. В знак доброй воли он оставил Адаму его меч. Локвуд же теперь пользовался покровительством Ургаша. Никто в лагере не смел тронуть его, как и старика Ушана.

Тяжёлые происшествия и совместные невзгоды неизбежно сближают своих невольных участников. Так, даже старый сварливый ключник стал относиться к оркам с большей терпимостью. От него Ош узнал о королевской присяге. Древний обычай, по которому любой мог поклясться в верности Серому престолу, вступив в королевскую гвардию. Если монарх одобрял претендента, все его прегрешения прощались в пользу будущей славной службы на благо государства.

— Любой? — спросил Ош.

— Да, любой, — подтвердил старик. — У тебя что, воск в ушах?

Именно этого и искал орк. Последний осколок обожжённой глины, из которой складывался стройный сосуд его безумного плана.

Ош ждал удачного момента, чтобы обсудить замысел с вожаком, и скоро этот момент представился. В пещеру людей вошла Зора и с обычной своей грубоватостью сказала, что Ургаш хочет его видеть.

В жилище вождя лениво потрескивал костёр, озаряя гротескную обстановку тусклым красноватым сиянием. Возле сложенного из камней очага сидел закутанный в шкуры Ургаш. Рядом с ним устроился Ушан. Старый орк уже почти оправился от своего ранения. Смотря вперёд невидящими глазами, он грел руки над огнем.

— Чего встали? — раздражённо спросил вождь. — Садитесь.

Зора с Ошем послушно заняли место у костра.

Ургаш выдержал небольшую паузу, потом заговорил:

— Вы, трое, похоже, единственные, у кого есть мозги из всего этого сброда. А так как думать они не умеют, нам придётся сделать это за них.

Ош был поражён. Его удивила не столько внезапная похвала из уст Ургаша, сколько сама природа этой встречи. В его родном племени все решения всегда принимал вождь. Он ни с кем и никогда не советовался. Это было его право. Право сильного.

— Еды мало, — посетовал Ушан. — Если ничего не изменится, к концу зимы мы будем жрать друг друга.

— Вчера я видела у ручья следы варгов, — продолжила Зора. — Дурные следы. Глубокие.

— Наездники, — фыркнул Ургаш, сплюнув в огонь. — Племя Клыка подбирается к нам.

— В лагере молвят, надо напасть на людей. — В голосе Ушана мелькнула кровожадность.

— А что говоришь ты? — спросил его Ургаш.

— У них много еды, — ответил старик. — Еда — хорошо.

— А ещё у них стены и много стрел, — вмешался Ош. — Нас и так мало.

Никто не стал с ним спорить.

— Надо уходить на север, пока блохастые не отрезали нам путь, — рассудил Ургаш.

— Мало еды, — возразил Ушан. — Сначала бить людей. Потом уходить.

— Нельзя, — сказал Ош.

— Ты их защищаешь? — Зора наградила его злобным взглядом.

— Бить людей — звать железных всадников. — В памяти Оша воскрес образ кургана из мёртвых сородичей. — Нас всех перебьют.

— Глубокий снег, — возразил Ушан. — Они не догонят нас.

— Есть другой путь, — настаивал Ош.

Две пары жёлтых глаз уставились на него. Их было бы три, если бы не слепота Ушана.

— У нас есть деньги людей, — пояснил Ош. — Зачем нападать? Мы просто купим еды.

— Ты, что ли, пойдёшь? — усмехнулась Зора.

— Нам менять на металл, как люди? — поддержал её Ургаш с ощутимым отвращением.

— Не нам. — На лице Оша появилась хитрая ухмылка.

— Старик и мальчишка, — догадался вождь.

— Пошлём в селение Локвуда, — подтвердил Ош. — Он купит нам всё, что нужно, и всадники не придут.

— Он приведет сюда людей! — запротестовала Зора.

— Нет, — возразил Ушан, — мальчишка-то будет у нас.

Ош понял, что настал момент, когда ему нужно быть особенно осторожным. Неприязнь к людям была слишком велика. Время для его основного плана ещё не настало, но, возможно, эта мелкая победа подготовит для него благоприятную почву.

— Пускай у них стены и стрелы, — Ош смотрел на Ургаша, понимая, что его слово будет решающим, — а мы обманем их. Мы будем хитрее.

На физиономии вождя расцвела страшная улыбка.

— Дурной Глаз дело придумал, — согласился он.

Внутри Оша всё ликовало.

Тем же вечером Локвуда снарядили в дорогу, вручив ему два мешка позеленевших от времени и сырости медяков, среди которых то и дело мелькали и серебряные монеты. Конечно, старик пытался возражать, но Ош быстро уговорил его.

— Если ты не сделаешь этого, — сказал орк, — Ургаш, скорее всего, нападёт на это селение.

Адам поддержал доводы Оша, и старику ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Через несколько часов, когда солнце уже скрылось за горизонтом, Локвуда встретили на старой дороге. Ключник ехал на выдавшей виды сельской телеге, запряжённой двумя лошадьми. Повозка была доверху нагружена мешками и бочками со всевозможной снедью, а следом за ней неохотно плелась пара худых коров.

Животные встревожились, когда из леса показались орки, и ключник, как мог, попытался успокоить их.

Опасаясь за жизнь своего воспитанника, старик сдержал слово, сохранив всё в тайне. Селяне так и не узнали, откуда пришёл этот необычный купец и куда сгинул, прихватив с собой добрую часть их славного урожая.

Оказавшись прирождённым торговцем, Локвуд выменял в селе не только изрядный запас провизии, но и всевозможные предметы быта, с которыми небогатый деревенский люд готов был расстаться за пару медяков. Одежда, старая одежда, свечной воск, соль и даже несколько кусков грубого сероватого мыла, сваренного из свиного жира и золы.

Ключник надеялся воспользоваться этой возможностью, чтобы сделать их пребывание в плену более комфортным. Конечно, он мог бы попытаться передать какую-то вест, чтобы их спасли, но Локвуд всё ещё не знал, где именно находился лагерь орков. Он лишь отправил короткое письмо от Адама, адресованное матери молодого виконта. В нем юноша успокаивал её и сообщал о вынужденной задержке, уверяя, что вернётся в начале весны.

Когда всё привезённое оказалось в скалистом лагере, орки забили одну из коров и устроили общую трапезу. Локвуд вернулся к Адаму в сопровождении Оша. Проявив неожиданную любезность, орк помог старику перенести в их пещеру кое-какой скарб из телеги. Он был доволен, что авантюра удалась, тем более что, по обыкновению, именно он отвечал за её успех головой. Орк был благодарен старику, но это было ещё не всё.

Устроившись у костра, Ош воспользовался приподнятым настроением людей для того, чтобы поведать им о своём дерзком плане. Как он и ожидал, Локвуд кричал на него. Как он и ожидал, ключник называл его безумцем.

Его замысел был безумным, это верно, но Ош отчаянно нуждался в помощи этих людей для его осуществления.

— Вы говорили, что вам нужны деньги, — убеждал их Ош. — Если всё получится, они у вас будут. Вернётесь домой. Будете жить как раньше. Даже лучше, чем раньше.

— Мертвецам деньги ни к чему, — сердито настаивал Локвуд. — Нам всем отрубят головы.

— Вы сможете свалить всё на меня. Скажете, что я заставил вас, что угрожал вам.

— И нам, конечно же, все сразу поверят?! — Локвуд рассмеялся невесёлым, нервным смехом. — С тем же успехом вы можете убить нас прямо сейчас.

— Мне бы не хотелось, чтобы это произошло, — серьёзно ответил ему Ош. При этих словах его синий глаз вспыхнул, словно сапфир, в который попал луч солнечного света.

— Мы согласны, — робко, но уверенно произнёс Адам.

— Молодой господин, — запричитал Локвуд, обернувшись к своему воспитаннику, — подумайте, что вы говорите. Подумайте, как это будет выглядеть! Это же измена!

— Учитель, я уже подумал над этим. Да, это орки, но, если бы не они, мы были бы уже мертвы. Я думаю, что долг обязывает меня согласиться. Так учил меня отец. Так учил меня ты.

Локвуд смутился. Ошу показалось, что глаза старика стали влажными и блестящими.

Адам продолжал. Спокойно, но твёрдо.

— Ты уже успел узнать этого орка, учитель. Я думаю, что им движут благие побуждения. Да, его сердце — это сердце орка, но ему не чуждо благородство. Ты сам видел это.

— Но он — орк, молодой господин! — не унимался Локвуд.

Адам улыбнулся. В его глазах плясал иронический смех.

— Учитель, ты скажешь мне, что среди людей нет подлецов и негодяев?

Он поставил особое ударение на слове «люди», наверняка вспомнив старую дорогу. И старик сразу понял это.

Ош чувствовал, что Локвуд ещё много хочет сказать своему воспитаннику, но сдерживается. Возможно, старик подождёт, пока орк уйдёт, чтобы разубедить Адама, но, глядя в глаза юноши, Ош понимал, что это вряд ли удастся.

— Мы согласны, — вновь сказал Адам, обратившись к Ошу, — но у меня есть три условия.

— Говори.

— Во-первых, ты будешь слушать меня и учителя во всём. Ты будешь учиться.

— Пусть будет так.

— Во-вторых, часть денег, которые ты сулишь нам, я отправлю домой, моей матери. И сделаю я это перед нашим отъездом.

Ош кивнул.

— И наконец, в-третьих, мы вернемся туда, где вы схватили нас. Мы похороним останки моего отца. И мы сделаем это немедленно.

— Я согласен, — сказал Ош, — но закапывать твоего отца мы пойдём утром. Сейчас слишком темно для ваших человеческих глаз.

— Хорошо, — согласился Адам. — А сейчас оставь нас, пожалуйста. Мне бы хотелось посоветоваться наедине с моим наставником.

Сохраняя молчание, словно опасаясь спугнуть свою удачу, Ош поднялся и вышел из пещеры, плотно завесив полог. Он направился напрямик к Ургашу. Убедить людей — это одно. В их положении выбирать не приходилось. Убедить вожака — совсем другое дело.

Ургаш тоже кричал на него. Тоже называл безумцем. Несколько раз хватался за оружие, но так и не решился разmozжить лысую голову Оша. Иначе и быть не могло. Ош был готов к этому. Переступая порог хижины вождя, он понимал, что Ургаш может просто убить его, как это некогда предсказывала Зора.

Любой, решивший воплотить план, о котором говорил Ош, должен был смириться со своей смертью. Ош смирился. В конце концов, он умер уже давно, там, вместе со своим племенем. Им владела мрачная решимость.

— Служить? — бушевал Ургаш. — Ты предлагаешь нам служить им?

То и дело вождь в припадке ярости хватал голову Оша обеими руками и, сдавливая её, жадно вглядывался в разноцветные глаза орка, пытаясь понять, что за мысли таятся в них. В такие моменты Ош не сопротивлялся. Он просто смотрел на вожака, снова и снова озвучивая детали своего плана.

Слова лились сами собой. Ош говорил о необходимости перемен. Говорил о будущем. Говорил об орках, о людях, о выживании. Он не знал, насколько успешно эти речи достигали берегов бушующего сознания Ургаша. Позднее он и сам не мог понять, как ему удалось убедить этого великана. Почему безжалостный вождь, питавший столь жгучую ненависть к

людям, согласился с ним? Он понимал, что в Ургаше шла чудовищная внутренняя битва, но ему оставалось лишь догадываться о её истинных причинах и масштабах.

Когда разговор подошёл к концу, вождь велел Ошу позвать Зору. Уединившись для обсуждения, они быстро перешли на повышенный тон, но снаружи разобрать содержание беседы было невозможно. Ош ждал, гадая, о чём говорят люди и орки, когда его нет рядом. Становился ли он изгоем для всех? Быть может, он вообще напрасно всё это затеял? Быть может, мир сам всё устроит без его помощи? Кто он такой, чтобы вмешиваться?

Шкура, закрывающая вход в хижину, распахнулась, и вышла Зора. Резкие, порывистые движения выдавали её волнение. Не говоря ни слова, она подошла к Ошу и что было силы ударила его в лицо маленьким, но крепким кулаком.

От неожиданного, сокрушительного удара Ош повалился на землю. Во рту сразу возник солоноватый вкус крови.

— Надеюсь, ты доволен, тупица?! — крикнула Зора. — Потому что я еду с тобой!

[1] Вивексия — радикальный метод лечения, включающий в себя рассечение тканей больного, то есть хирургическая операция.

Глава одиннадцатая. Беглецы

Что есть благодарность потомков перед безжалостной поступью времени? Какое деяние устоит перед пыльным дыханием истории? Какая жертва не будет забыта? Кто станет в глазах грядущих поколений мессией, а кому уготована роль тирана? Память коротка и недолговечна. Она часто предаёт и обманывает нас.

«Записки скитальца»

Темнота. Что-то коснулось плеча. Невыносимо холодное, как сталь, что веками томилась в недрах древнего ледника, впитав в себя частичку его морозной души. Эдуарду захотелось вскрикнуть от боли, но он не смог. Голос покинул его.

Разлепив веки, он увидел лишь туман. Сначала юноше показалось, что вокруг всё ещё Сокрытая долина. Клубящаяся, закрывающая небо белизна была здесь обычным делом. Однако он быстро понял, что ошибся. Туман был чужим. Незнакомым. Пугающим.

Его снова что-то толкнуло. Холодное и злое. Эдуард попытался оглянуться, но всё, что он успел увидеть, — это массивный тёмный силуэт, тонущий в молочных облаках. Он не один. В тумане что-то было, что-то двигалось.

Шаги. Они сливались в монотонное шуршание. Только теперь он слышал их.

Ощущения были странные. Тело стало невесомым. Разум словно простирался за пределы своей смертной оболочки.

Огни в тумане. Он сразу узнал их холодный свет. Именно так полыхали глаза Хэнка, мёртвого товарища, устами которого с ним говорил столь же мёртвый отец. Сотни, даже тысячи глаз, устремлённые куда-то вдаль. Тяжёлые тёмные латы, каких Эдуард никогда ещё не видел. Измождённые, бледные лица иссохших мертвецов, нет, даже призраков. Раскачиваясь из стороны в сторону, они брели через туман в одном направлении, словно что-то впереди их манило, подчиняя своей воле.

А потом в уши потекли голоса. Страшные. Безумные. Мёртвые.

— Сражаться... Не отступать... Не сдаваться... Истребить... Должны... Всех до единого... Истребить... Истребить... Истребить...

Он ощутил их чудовищную ненависть, их страх, их боль, их отчаяние.

Забыты. Забыты всеми. Прокляты. Одиноки.

Они манили его за собой. Их незрячие глаза видели далёкую цель, крохотную точку на горизонте, горящую зловещим красным огнём. Звезду, казавшуюся живой.

* * *

— Эд!

Звук собственного имени рассеял страшное видение. Реальный мир безжалостно обрушился на Эдуарда лавиной мучительных ощущений.

Не совсем понимая, что происходит, он инстинктивно перевернулся на бок и истошно закашлялся, исторгая из себя тошнотворно тёплую воду. Прежде чем Эдуард смог остановиться, его вырвало.

Чья-то рука небрежно постукивала его по спине. Обернувшись, он разобрал в полумраке довольное лицо Ярви.

— Хорошо, что ты очухался, — вор говорил тихо, почти шёпотом, — не хотелось мне

отгрызая твою руку.

Сначала Эдуард не понял, что имел в виду напарник, но, когда попытался подняться, быстро вспомнил про сковывавшую их цепь. Как оказалось, заточку Ярви потерял ещё в начале заплыва.

— Ну и тяжёлый ты, парень. Еле вытащил тебя из воды.

Эдуард рассеянно огляделся, словно опасаясь увидеть продолжение ужасного видения. Однако шагающие сквозь неведомый туман мертвецы, видимо, не пожелали преследовать гостя в реальном мире. Его не покидало чувство, что он уже где-то видел их страшные чёрные доспехи, но воспоминания ускользали от него.

Во мраке тонула пещера, размеры которой сложно оценить. Темнота в ней была бы абсолютной, если бы не похожая на кривую молнию трещина, через которую пробивался тусклый солнечный свет. Шириной с палец, она явно выходила на поверхность, но выбраться через неё казалось невозможно.

Пол в пещере был влажным и тёплым. От узкого затопленного хода, откуда выбрались беглецы, поднимался пар, согревающий воздух. С причудливых каменных сосул, нависавших над головой призрачными тёмными копьями, то и дело срывались капли воды.

— Спасибо, Ярви, — голос Эдуарда чуть дрожал, — ты уже второй раз выручаешь меня. Татуированная рука грубо зажала ему рот.

— Говори потише, идиот, — прошипел вор, указывая на светлую трещину в стене. — Мы не знаем, куда она выходит. Они могут услышать нас.

Трёхпалый был прав. Эдуард в сердцах выругал себя за глупость.

— И не обольщайся на свой счёт, лордёнш. Я просто спасал свою шкуру. Твоя благородная туша чуть не утащила меня на дно.

— Что теперь? Плывём дальше?

— Нет, — казалось, Ярви весь превратился в слух, — подождём. Едва ли они станут нас искать дольше суток.

Так они и сделали. Сковавшая их руки цепь доставляла массу неудобств, но избавиться от неё пока не было никакой возможности. Попытка разбить колодки камнем создала бы слишком много шума. К тому же возможные травмы могли усложнить дальнейшее бегство. Будь у них отмычка, Ярви мог бы попробовать отпереть грубые замки, но у них не было ничего, что хотя бы отдалённо напоминало этот скромный инструмент воровского промысла.

Дабы убить время, они перешёптывались о каторге. Слова превращали тёмные, затхлые тоннели в безвозвратное прошлое. Так беглецы закрывали ту страшную главу жизни, чтобы никогда больше не возвращаться к ней.

— Если пещера существует, значит, ему тоже удалось бежать, — предположил Эдуард, когда речь зашла о том таинственном заключённом, путём которого они сами теперь шли.

— Солис его знает, — скептически ответил Ярви. — Может, и так, а может, он утонул или накормил волков в местных лесах. Кто ж его теперь разберёт?

— Так он был один?

— Ну да, счастливчик. Дед, с которым он делил штрек, захворал незадолго до дня купания, и стражники оставили этого хрыча в шахте.

Счастливый случай позволил Ярви вывести секрет подводной пещеры. Сам Трёхпалый не знал о беглеце ничего, кроме того, что он вроде бы «отличился» на войне, за что его и упекли в шахты на всю оставшуюся жизнь.

За отрывистыми разговорами время тянулось, как густеющий мёд. Есть в пещере было решительно нечего, зато пресная вода присутствовала в избытке. На второй день, после беспокойного сна, Эдуард почувствовал внутри такую пустоту, что жалкий тюремный паёк представал в памяти манящим деликатесом.

Засыпая, Эдуард опасался вернуться в тот леденящий душу кошмар, который привиделся ему накануне, но в этот раз мир сновидений был к нему более благосклонен. Из лихорадочного забытья его вырвала искалеченная рука Ярви, вцепившаяся в плечо, словно стальные клещи.

— Пора, — произнёс вор, — если будем торчать здесь и дальше, слишком ослабеем, чтобы выбраться.

Эдуард поднялся и стал старательно разминать мышцы. Он знал, что до открытой воды им предстоял долгий путь.

— И постарайтесь на этот раз не наглотаться воды, ваше лордство, — мрачно напутствовал его Трёхпалый. — Не хочу кормить рыб из-за вашей высокородной задницы.

Эдуард пропустил это едкое замечание мимо ушей. Он и впрямь чувствовал вину за свою слабость.

Опустившись в воду, они сделали несколько глубоких вдохов и вновь попали в подводный мир горного озера.

На этот раз протиснуться через узкий каменный лаз оказалось гораздо проще. Ярви вёл, указывая направление. Эдуарду ничего не оставалось, кроме как следовать за ним. Когда юноша вновь почувствовал в лёгких знакомый огонь, сигнализирующий, что его силы на пределе, они наконец достигли кромки льда.

Вынырнув на поверхность, Трёхпалый никак не демонстрировал усталости, в то время как его напарник жадно глотал воздух, словно выброшенная на берег рыба. Хлопнув Эдуарда по плечу, Ярви указал направление. Они поплыли на восток, вдоль подтаявшей ледяной корки.

Расчёт был прост: если поиски всё ещё продолжались, на льду их легко могли заметить стражники, однако и от центра озера следовало держаться подальше. Там можно было просто выбиться из сил и утонуть. Потеряться в таком тумане — дело пустяковое.

Кроме того, оба беглеца с ужасом думали о том мгновении, когда им придётся вылезти из воды. Сейчас их согревало озеро, но это не могло продолжаться вечно. Насквозь промокшие каторжные лохмотья — не самое лучшее облачение для путешествия по заснеженным горам.

Плыть пришлось довольно далеко. Из уроков географии Эдуард знал, что это было самое маленькое озеро Сокрытой долины. Однако он не подозревал, что на деле оно окажется таким большим.

Лёд впереди уступал каменистому берегу. Сквозь пар и туман проступали очертания крохотного каменного моста. Горбатой аркой он нависал над мелким безымянным протоком, впадающим в озеро. Устье оцетинилось пожухшими на морозе зарослями болотных трав.

— Туда, — отрывисто скомандовал Ярви.

Когда ноги Эдуарда коснулись дна, вор снова обратился к нему:

— Делай как я.

Оказавшись в зарослях, Трёхпалый стал срывать пушистые наконечники мёртвого рогоза, старательно запихивая их под свою мокрую безрукавку.

«Почему я сам не додумался?» — с досадой подумал Эдуард, следуя его примеру.

Конечно, это не спасало их от холода, но хотя бы позволяло им не замёрзнуть насмерть. Отделённые от тела слоем сухой растительности, промокшие тряпки начали покрываться корочкой льда, превращаясь в ломкий панцирь.

Еще в пещере Ярви говорил, что, когда они выберутся на берег, нужно будет двигаться и как можно скорее развести огонь, чтобы обсохнуть.

Тёплый проток, должно быть, брал начало в горячем источнике поблизости. Хотя от воды и шёл густой пахучий пар, затруднявший дыхание, она в то же время грела босые ноги, не позволяя их обморозить.

Какое-то время Ярви изучал гальку под ногами, пока не подобрал два-три светлых камня, сунув себе за пазуху.

— Нужно убираться от дороги, — сказал Эдуард, опасливо косясь в сторону моста. — Нас могут заметить.

— Нарвём травы и пойдём вверх по течению. Думаю, там мы найдём место для костра.

По тёплому ручью они дошли до истока — небольшого мутного пруда, окутанного паром. К этому времени у каждого из беглецов под мышкой был пухлый пучок мёртвых болотных растений. Эдуард не совсем понимал, зачем они их рвали, но уверенность, что у напарника был какой-то план, не покидала его.

Выбрав на берегу пруда подходящее место между двумя крупными валунами, защищавшими от северных ветров, беглецы принесли туда старое сухое дерево, найденное неподалёку. Здесь они уже не опасались, что дым могут заметить стражники каторги. Едва ли это было возможно в таком тумане, да ещё и среди клубов пара, поднимавшегося от тёплого пруда.

Эдуард попытался вспомнить способы добывания огня, что когда-то показывал ему отец. Он принялся мастерить деревянную конструкцию, которая помогла бы им поджечь сухую траву, но Ярви остановил его.

— Какого лешего ты творишь? — усмехнулся вор.

— Ну... — смутился Эдуард, — огонь...

— Смотри и смекай.

Скомкав небольшой пучок жёлтой травы в шар, Ярви взялся за те самые найденные камни. Недолго думая он принялся колотить их то друг об друга, то о браслет каторжных оков. Наконец из-под камней в траву посыпались оранжевые искры. Очень скоро они превратились в небольшой костёр.

Эдуард протянул к огню заочевенные пальцы, жадно наслаждаясь его теплом.

Замёрзшие лохмотья стремительно оттаивали, испуская клубы пара, однако это было не всё. Вместе с древесиной пламя испепеляло уныние, страх, сомнения. Древний спутник человека словно вдыхал в Эдуарда новую жизнь.

Рядом с ним, устроившись на охапке сухой травы, Ярви принялся что-то мастерить. Оторвав несколько лоскутов от набедренной повязки, он старательно переплетал жёлтые стебли. В его жилистых руках, как по волшебству, начали появляться грубые соломенные сандалии.

— Ноги себе отморозим к Солисовой матери, — бурчал он, вплетая в подошвы всё новые и новые ростки.

Эдуард не без удивления наблюдал за стремительным рождением этой нищенской обуви. Ловкость рук Трёхпалого поражала.

— Где ты этому научился? — спросил Эдуард.

— Это только у вас, лордов, всегда есть любое платье или башмаки на выбор, — злобно огрызнулся вор. — Бедному человеку выбирать не приходится. Когда в кармане пусто так же, как в брюхе, начинаешь смотреть на вещи по-новому.

Эдуард опустил глаза. Конечно, лорды были разными, но в целом Трёхпалый был прав. В его памяти всплыли картины из жизни крестьян Простора, работающих в поле. Сколько их ходило в подобной обуви, сделанной из плетёной соломы или коры? В то время как на его собственных ногах всегда были удобные кожаные сапоги, отороченные мехом.

— Да не страдай ты так, лордёнш, — усмехнулся татуированный разбойник. — В конце концов, теперь ты один из нас.

Закончив первую пару, Ярви протянул её Эдуарду.

— Добро пожаловать.

Конечно, обувью рукодельные сандалии можно было назвать лишь с большой натяжкой, но это всё равно было лучше, чем ничего. Во всяком случае, теперь им не придётся топтать по смёрзшимся камням босиком.

— Как же, мать твою, здесь холодно, — посетовал Ярви, принимаясь за вторую пару нищенской обуви. — Надо спускаться в предгорья, если мы не хотим здесь околеть.

Эдуард понял, что Трёхпалому, смуглому уроженцу солнечных островов Побережья, гораздо труднее терпеть холод. Климат на Юге был жарким, а снег вообще никогда не выпадал.

— Откуда ты, Ярви?

Трёхпалый ругнулся, порезав палец об острый сухой лист.

— А тебе какое дело?

— Да так, интересно просто, — смешался Эдуард, подбрасывая в костерок новую порцию древесины.

Какое-то время Ярви молчал, посасывая порезанный палец.

— С Опала, — наконец ответил он.

— Самоцветные острова?

— Они самые.

Это объясняло, откуда Трёхпалый знал о лунных братьях.

— А я из... — начал Эдуард, но вор перебил его:

— Варгана. Вырос в Дубовом чертоге. Второй сын графа Натаниэля Колдриджа прозванного Безумным. Я прекрасно знаю, кто ты, лордёнш. Вернее, кем ты был.

— Что значит «кем я был»?! — возмутился Эдуард.

— Послушай, твоему отцу отрубили башку. Нравится тебе это или нет, но с тобой сделают то же самое, если поймают. Ты теперь беглый каторжник. Такой же, как и я.

— Я совсем не такой, как ты, вор! — выпалил Эдуард, но тут же смутился под колючим взглядом южанина. В этот момент языком юноши владели остатки аристократической гордости.

— Ох, извините меня, ваше лордство, что не всем выпало счастье родиться в замке, — с издёвкой парировал Ярви. — Я забыл, что в ваших жилах течёт голубая кровь.

Молниеносным движением Трёхпалый ударил Эдуарда по лицу. Во рту юноши тут же появился солоноватый вкус крови.

— Ах, нет, надо же, красная, как и у всех остальных, — констатировал Ярви, возвращаясь к плетению как ни в чём не бывало.

Сначала в Эдуарде поднялась злость, но он усилием воли поборол её. В конце концов, слишком многим он был обязан этому грубому, но по-своему честному человеку.

— Извини, я не хотел обидеть тебя. — Сплюнув кровавый сгусток на камни, он утёр подбородок рукой.

— Забыли, — ответил Ярви, наградив его удивительно пронизательным взглядом.

— Без твоей помощи мне никогда не удалось бы сбежать оттуда.

— Дурак. — Трёхпалый горько ухмыльнулся. — Оглянись вокруг.

Их окружали глухие, поросшие лесами Железные горы. Немыслимо жестокие места.

— Наш побег только начался, — пояснил вор, затянув последний узел на сандалиях.

Глава двенадцатая. Сломанная кукла и её рыцарь

Делимые на четыре удела, земли Побережья находятся во владении графского дома Тибальдов, кровных родственников короля и верных подданных Серого престола. Герб — две серебристые рыбы на синем фоне, кусающие друг друга за хвост. Девиз — «Вода камень точит».

«Географика». Раздел «О знатных родах правителей земель»

Твёрдой солдатской походкой по гулким коридорам Пламенеющего замка шагал сир Крейг Ван Дейк. Как всегда, он был облачён в лёгкую воронёную кольчугу на грубой кожаной подкладке и округлые латные наплечники, лишённые какого бы то ни было украшения. Видавшие виды цепные поножи красовались поверх добротных чёрных штанов, заправленных в кожаные сапоги с высоким голенищем. Позади лениво развевался голубой плащ с изображением чёрного волка, пронзённого копьём. Словом, облачение этого рыцаря было более чем скромным.

Пламенеющий замок, главная цитадель правителей Побережья, высился на Сторожевом мысе, что близ Торной гавани. Это было одно из тех редких мест, где сир Ван Дейк позволял себе появляться на людях без шлема. Странная манера рыцаря постоянно ходить при полной броне рождала в народе толки, будто внешность его страшно обезображена. На деле эти слухи не имели ничего общего с действительностью.

Обветренное суровое лицо Ван Дейка пересекала не по возрасту густая сеть мелких морщинок, а борода с усами были аккуратно подстрижены. Длинные светло-каштановые волосы, заплетённые в толстую косу, доставали до лопаток. Внимательные болотно-зелёные глаза сосредоточенно вглядывались в смиренные лица смуглых слуг, встречающихся по дороге. Тот, кто был хоть немного знаком с народами Сероземелья, сразу узнал бы в нём уроженца Севера.

Рыцарь отёр лоб платком, спрятав его обратно в широкую манжету фехтовальной перчатки. Несмотря на то что в королевстве властвовала зима, здесь, на юге, было, как всегда, невыносимо жарко.

Свернув в центральный коридор замка, он вскоре достиг изящной мраморной лестницы, по которой поднялся на верхние этажи. Вообще, лестниц в замке было много. Не слишком широкий в основании, он торчал в небо, как копьё стражника. На донжоне, самой высокой башне замка, с давних пор находился маяк, который и дал название твердыне. Массивное медное зеркало отражало пламя исполинской жаровни в море. Многие сотни лет оно обозначало устье Сестры и вход в Торную гавань.

Наконец впереди показались тяжёлые створки двойной стрельчатой двери. День и ночь её охраняли двое мечников из личной гвардии графини Тибальд. На голубых эмалированных нагрудниках этих гордых стражей красовались рыбы-близнецы.

Ван Дейк не слишком любил бывать по ту сторону этих дверей. Он ни за что не пришёл бы сюда, если бы за ним не послали.

Молодой, смуглый как все южане, воин отворил одну из створок, жестом предлагая рыцарю войти.

Миновав привратников, Ван Дейк оказался в просторных покоях графини. Своды богато

декорированного зала поддерживали изящные витые колонны, между которыми трепетали тонкие шёлковые драпировки. Гладкий как зеркало мраморный пол украшала искусная мозаика с изображением обитателей глубин. Высокие двери и окна, при необходимости закрывавшиеся тяжёлыми ставнями, выходили на величественный балкон, нависавший над бушующим далеко внизу морем.

Покои графини были невероятно красивы, но вместе с тем они как бы угнетали своим вопиющим великолепием.

— А, сир Ван Дейк...

Он чуть было не вздрогнул, услышав этот вкрадчивый лукавый голос.

Из глубины покоев вышла молодая и поразительно красивая женщина в одежде, которую едва ли сочли приличной при любом дворе королевства. Изящные линии её тела бесстыдно извивались при каждом движении. Смуглая, влажная от благовоний кожа лоснилась в солнечном свете, а узкие глаза островитянки были подведены тёмной тушью. Голову венчал искусно сработанный чёрный парик, украшенный элегантным золотым обручем с сапфирами.

— Миледи. — Придерживая рукоятку меча, Ван Дейк опустился на одно колено, склонив голову.

Да, графиня Фелиция Тибальд была прекрасна. Однако красота эта не могла обмануть Ван Дейка. Каждый раз, когда ему приходилось говорить с ней, он чувствовал, будто гладит ядовитую змею. Очаровательное и изящное создание, но вместе с тем коварное и смертельно опасное.

— Ах, поднимитесь, мой дорогой сир Ван Дейк, — её смех был похож на мелодичный звон серебряных колокольчиков, — или мне называть вас «лесным рыцарем»?

Унизительное прозвище, которым наградила Ван Дейка знать, не желая принимать в свои ряды человека низкого происхождения. Упомянув его, графиня наверняка хотела задеть рыцаря, но Ван Дейк не доставил ей этого удовольствия.

— Ваша милость может называть меня так, как ей вздумается, — покорно ответил он, поднимаясь с колена. — Вы посылали за мной?

Быстрее покончить со всем этим и уйти. Ван Дейк задыхался в незримых объятиях этих чужеземных благовоний. Он не хотел смотреть на неё, не хотел поддаваться её порочным чарам.

— Вы правы, — согласилась юная графиня, — я хотела, чтобы вы передали Каролине мои слова. Она едет с нами в Адамант на весенний королевский турнир, и это не обсуждается. У неё есть две недели на сборы.

— Но, миледи, мне кажется, что вы бы и сами могли...

— Простите, сир Ван Дейк, но я не помню, чтобы спрашивала вашего мнения, — перебила она его.

Текучая вкрадчивость её мелодичного голоса сменилась жёсткостью и холодом.

— Я более не смею вас задерживать, — продолжила она с интонацией, которой обычно отчитывают провинившихся слуг. — Вы свободны.

Поклонившись, Ван Дейк покинул покои графини, направившись в другой конец замка.

Ненавидел ли он её? Нет, но это не значило, что он готов был терпеть её постылое присутствие. Всякий раз ему казалось, что вместе с благовониями он вдыхает яд. Будто частичка мрака её развращённой души могла проникнуть в него вместе с этим тошнотворно приятным запахом, заполняющим всё вокруг.

С тех пор как два года назад умер граф Юлиус, двоюродный брат короля, Югом фактически правила графиня, пользуясь полномочиями регента при своём четырнадцатилетнем сыне Люциусе. Король пытался найти ей нового достойного супруга, но это оказалось не так просто. Тщеславная и гордая графиня не спешила делиться своей властью и свободой.

Ван Дейку не нравился Юг. Ему не нравилась эта жара. Ему не нравилась местная пища. Ему не нравились смуглые, суетливые и безответственные люди, что жили здесь. Но, что самое главное, ему не нравилась графиня, как и её наглый, избалованный сынок, унаследовавший все пороки матери.

С каким удовольствием он поселился бы в лесах Простора или отдал жизнь, защищая Предел, но судьба распорядилась иначе.

Почему же он всё ещё был здесь? Тому была лишь одна причина, и звали её Каролина. Тринадцатилетняя девочка была вторым ребёнком графини и младшей сестрой Люциуса. Однажды Ван Дейк спас её, за что и был произведён хранителем Юга в рыцари, а заодно и в пожизненные телохранители его драгоценной дочери. Поначалу новоиспечённый аристократ не сильно-то обрадовался такой «чести», но чем больше он узнавал это трогательное хрупкое существо, тем больше привязывался к ней. У него самого никогда не было детей, но близость Каролины, тонкий трепет её чистоты и добра затронули в нём какие-то потаённые душевные струны, о существовании которых суровый северянин даже не догадывался. Сам того не замечая, он уже не мог обходиться без неё, прекрасно понимая, что и она тоже нашла в нём верного друга и защитника, так необходимого ей после смерти отца.

Оказавшись у знакомой двери из морёного дуба, Ван Дейк постучал.

— Войдите, — раздался за дверью тонкий детский голосок.

Когда рыцарь перешагнул порог, он застал свою подопечную за чтением. Она сидела у окна, через которое было прекрасно видно причудливую двойную вершину Вороньей горы, возвышавшейся на полуострове Ворона, обнимавшего залив с востока.

Комната Каролины находилась в восточной башне Пламенеющего замка. Большую её часть занимали книги, казавшиеся такими большими рядом с этой маленькой хрупкой девочкой. Вдоль одной из стен шла изогнутая лестница, ведущая на второй ярус, где располагалась спальня. В отличие от покоев графини здесь пахло старой бумагой, морем и цветами. Этот запах Каролина называла запахом приключений.

Светлые соломенные волосы девочки светились в лучах утреннего солнца. В такие моменты Ван Дейк особенно сильно ощущал тёплые волны нежности, разливавшиеся внутри его воинского сердца.

— Я говорил с вашей матерью.

Он сделал паузу, не зная, как продолжить.

— Она хочет, чтобы вы отправились с ней в столицу, моя леди.

Тонкая рука девочки, перелистывавшая страницу, замерла в воздухе.

Ван Дейк опустился на колени, склонив голову.

— Простите меня, моя леди. Я пытался поговорить с ней, но она и слушать не пожелала.

Отбросив в сторону книгу, девочка встrepенулась, как испуганная птица, и бросилась к рыцарю.

— Поднимитесь! Поднимитесь, дорогой дядюшка! Сколько раз я просила вас не делать этого!

Её изящные, маленькие ручки впились в его плащ, отчаянно стараясь поднять воина с

колен.

Дядюшка. Она всегда звала его так, с того самого рокового дня, когда копьё Ван Дейка пронзило варга, жадно вцепившегося в хрупкое девичье тельце. Он помнил всё случившееся так, словно это было вчера.

Бегущий на крик помощник провинциального ловчего видит в чаще двоих перепуганных господских детей. Они в ужасе. Перед ними высится огромный чёрный варг. Свирепый, безжалостный зверь. Ван Дейку не успеть, и он это знает. Гудя от напряжения, рука скидывает копьё, готовясь к одному отчаянному броску. Зверь кидается на детей...

Из пучин памяти в реальный мир рыцаря вернуло нежное прикосновение тёплой руки, лежащей на обветренную щеку.

— Поднимитесь, добрый сир, прошу вас.

Ван Дейк встал. Каролина отчаянно обняла своего защитника, уткнувшись головой в его грудь. Её сотрясали сдавленные рыдания.

— Они будут смеяться, — всхлипывала она, — будут показывать на меня пальцем.

— Будут, — мрачно подтвердил рыцарь, не в силах обманывать её.

Ван Дейк снял перчатку и опустил руку на голову девочки. Он гладил её светлые, выющиеся волосы с осторожностью человека, берущего в руки живую бабочку. В такие моменты в голове сами собой возникали сомнения. Достоин ли он этого? Достоин ли он её тепла? Он чувствовал себя презренным лжецом.

— Пообещайте, пообещайте мне, дядюшка, что вы отправитесь со мной.

К горлу Ван Дейка подступил предательский комок.

— Неужели вы думали, моя леди, что я отпущу вас в это путешествие одну? — улыбнулся лесной рыцарь.

Глава тринадцатая. Паутина

Удивительно, как много в мире разных людей. Есть, например, мудрецы, такие как я. Есть факелы. Сгорая, они освещают путь другим. Есть крепости. Они служат и защищают. Есть люди-пустыни и люди-леса. Перечислить всех я бессилён. Однако скажу ещё, что меж прочих есть самое опасное воплощение. Люди-пауки. Ведомые голодом, они плетут свои сети под покровом мрака и тайны. Горе тем, кто попадает в них.

«Записки скитальца»

Женщина, облачённая в красный траур, вошла в храм Наследия, когда солнце было уже в зените. Любо́й, кто увидел бы лицо этой плакальщицы, не смог бы сдержать удивления оттого, что встретил её здесь. Однако непроницаемая вуаль цвета крови надёжно хранила тайну её личности.

Прихожан было мало. Опустившись на колени перед величественным барельефом главного нефа, она смиренно сложила ладони в молитвенном жесте. Скульптурная композиция изображала священную сцену, в которой бесконечно могущественные Древние передавали мир в руки людей. Два ряда массивных полированных колонн, поддерживавших свод, делали храм похожим на фантастический каменный лес.

Через несколько мгновений рядом с красной женщиной присел некто с невыразительным лицом, облачённый в свободный полосатый халат. Человек, способный становиться невидимым в толпе.

— Ах, мой бедный супруг, — произнесла женщина звучным и приятным голосом, в котором не было и капли горя. — Он умер, не так ли?

— Истинно так, почтенная вдова, — скромно отозвался некто. — Однако... Возникли кое-какие сложности.

— Что это значит? — холодно спросила красная женщина, с которой сразу сошёл актёрский настрой.

— Непредвиденные обстоятельства. Когда работа была уже почти закончена, на моих людей напали орки.

— Орки?

Заметив удивление в её голосе, мужчина чуть заметно улыбнулся. Он надеялся, что это лёгкое замешательство поможет ему переломить ход беседы в свою пользу.

— Это дикие и опасные земли. — Он театрально пожал плечами. — К северо-востоку от Локриджа их нападения — не такая уж и редкость.

— Что же мне с того, если вы говорите, будто работа выполнена?

— Мои люди убиты. Это слегка поднимает цену.

Вдова презрительно фыркнула.

— Деньги меня не волнуют.

Она на мгновение задумалась, прикидывая про себя возможности, которые открывали эти новые обстоятельства.

— Возможно, это будет даже на руку. Когда обо всём станет известно, можно будет повесить всех собак на орков.

Она знала, что это сработает, потому что уже делала так раньше. Орки, эти грязные и

тупые создания, были прекрасным пугалом для всего королевства. Угроза их нападения оправдывала почти любые меры.

— Есть ещё кое-что, о чём вам следует знать.

— Что же это?

Ледяной тон вдовы словно подчёркивал некоторый стыд, мелькнувший в его последних словах.

— Мы не нашли тела мальчишки.

— Что?! — Её голос исказился от гнева, почти превратившись в крик.

— Прошу вас, почтенная вдова, держите себя в руках, — ровно произнёс её собеседник. — В этом месте не принято повышать голос.

Несколько прихожан оглянулись в их сторону, но тут же вернулись к своим ритуалам.

Мужчина в полосатом халате знал, что это будет самым неприятным местом их разговора, и он не ошибся. Он вообще редко ошибался.

— Надеюсь, у вас есть оправдания столь сокрушительной неудачи, — зло прошептала женщина в красном.

— Истинно так. — Он учтиво кивнул в подтверждение своих слов. — Я уверен, что мальчишка попал в лапы орков, а это значит, что он давно мёртв.

Для любого жителя королевства слова эти действительно звучали правдоподобно. Всем был известен свирепый и злобный нрав диких созданий, терзавших землю людей.

— Принимая во внимание сей факт, я не намерена платить вам сверх оговорённой ранее суммы, — сказала вдова, вполне удовлетворившись его объяснением. — Гибель ваших людей будет их наказанием за ошибку.

— Это... справедливо, — нехотя согласился мужчина, хотя внутри он улыбался.

Разумеется, он и не думал говорить ей, что собирался избавиться от исполнителей. Сами того не зная, орки всего лишь выполнили за него грязную работу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В таком случае я полагаю, что этот разговор закончен, — подытожила вдова, поднимаясь с колен.

— Да пребудет с вами милость Древних, — напутствовал её мужчина.

Он собирался посидеть здесь ещё немного. Не нужно, чтобы их видели вместе.

Когда женщина в красном показалась на лестнице, ведущей в храм, к ней подошёл грязный калека, собираясь попросить милостыню. Поддавшись мимолетному порыву, она ловким движением ноги выбила его кривой деревянный костыль, удовлетворённо наблюдая, как нищий кубарем покатился вниз. Он был так жалок и неуклюж, что ей пришлось приложить изрядную силу воли, чтобы не разразиться хохотом на всю площадь.

Конечно, ходить в одиночку по городу часто было небезопасно, но Фелиция Тибальд всегда умела за себя постоять. Вся эта игра с переодеванием неизменно забавляла её.

Спустившись вслед за своей жертвой, графиня кинула калеке пару медяков за доставленную забаву и углубилась в извилистый лабиринт улочек Торной гавани. Её путь лежал к возвышавшемуся над восточной частью города Пламенеющему замку.

Под кроваво-красной вуалью расцвела красивая, но хищная улыбка. Виконт Олдри был мёртв. Проклятый глупец. Роясь в прошлом, он лишь вырыл могилу для себя и своего сына. Открылась ли восточному виконту тайна, что когда-то погубила старого Вико и снежную графиню? Но не стоит искушать судьбу. Нет, только не сейчас, когда цель так близка...

Сколько ещё любопытных глаз ей придётся закрыть навсегда? Казалось, призрак

почившего супруга преследовал её, пытаясь отомстить.

* * *

Несмотря на раннее утро и свой солидный возраст, Винсент Дюваль уже давно был за работой. Устроившись за массивным деревянным столом, искусно обитым добротным зелёным сукном, он разбирался с бесконечной бумажной волокитой, обрушивавшейся ежедневно на людей его положения. Ему было прекрасно известно, что другие владыки, как правило, отдавали её на откуп целой армии секретарей и писцов, но Дюваль не позволял себе такой беспечности. Он славился именно тем, что никогда не пускал дела на самотёк.

Его просторный кабинет находился на четвёртом этаже неуклюжей и гротескной громадины, которую люди обычно называли Дубовым чертогом. Новому хранителю Востока никогда не нравилось то подобострастное восхищение, которое люди часто вкладывали в эти слова. Однако он не мог не признать, что у этого места были свои прелести. В то время как северные лорды тряслись от холода в своих каменных замках, выстроенный из дерева дом властителя Варгана мог предложить куда более комфортную жизнь своим постояльцам.

Лишь первые два этажа Чертога были сложены из серого аксарайского гранита. Всё остальное строение местные мастера сработали из вековых королевских дубов, что росли некогда по правому берегу Ока, озера, рядом с которым располагался город. Из них же была выполнена и защитная ограда, окружающая усадьбу.

Конечно, в случае вооружённого конфликта Дубовый чертог существенно уступал великим крепостям других лордов, но пока что граф Дюваль не собирался ни с кем воевать. Он считал, что врагов никогда не следует допускать на свой порог.

Западная стена кабинета выходила на просторный крытый балкон, с которого лорд Дюваль любил наблюдать за суетливой жизнью города. Во всяком случае, когда у него выдавалась для этого редкая свободная минутка. Особенно нравилось ему это весной, когда ветер доносил аромат цветущих в графском саду деревьев.

Скрипнула резная дверь кабинета, заставив графа оторваться от бумаг. На пороге показался Патрик, старший из двоих его младших братьев. Худой мужчина средних лет с загорелым лицом и усталыми водянистыми глазами, говорящими о мягком характере. Покрытая дорожной пылью одежда свидетельствовала о том, что Патрик проделал немалый путь.

Лорд Дюваль не поднялся из-за стола, чтобы приветствовать родственника. Кое-кто мог бы сказать, что подобное поведение свидетельствовало о чёрствости его нрава, но правда была гораздо проще.

Граф Винсент Дюваль, хранитель Востока и один из пяти самых влиятельных людей королевства, просто-напросто не мог встать. Его ноги были навсегда прикованы к передвигающемуся на колёсах креслу. Уже много лет нижняя часть его тела была полностью парализована после травмы, полученной на войне.

Однако увечье ничуть не умаляло его могущества, а наоборот, подчёркивало его. Как подчёркивало его и само передвижное кресло, которое, вероятно, было самым дорогим сиденьем во всём королевстве, превосходя даже знаменитый серый престол монарха.

Это чудо инженерной мысли было создано по личным чертежам графа. Позолоченный каркас со вставками из черепашьего дерева и драгоценных камней являл собой настоящий шедевр. Изогнутые под форму тела подушки обтягивал двухслойный чёрный бархат с серебристым шитьём. На спинке красовался герб рода Дюваль — золотые весы на зелёном фоне, выполненном из тончайших пластин малахита.

Кресло прекрасно выражало характер владельца. Богатое, но элегантное. Привлекающее внимание, но не кричащее. Сдержанное, но никого не оставляющее равнодушным.

Передвигаясь на литых ажурных колёсах, обтянутых кожаными ободками, этот невольный трон всюду следовал за своим уже немолодым хозяином.

— Надеюсь, у тебя есть веская причина, чтобы отрывать меня от работы, — бесстрастно произнёс Винсент.

Его резкие, неприятные черты, из-за которых лицо больше напоминало маску, чем плоть живого человека, ничуть не изменились. Они не выразили ни радости, ни досады, ни заинтересованности.

— Я встречался с нашим человеком из Локриджа. — Патрик сделал паузу, чтобы собраться с мыслями. — Наследник Колдриджа бежал с каторги.

Лицо старшего брата оставалось невозмутимым.

— Вот оно как, — произнёс он бесцветным голосом, возвращаясь к своим бумагам.

— «Вот оно как»? — удивился Патрик. — Неужели это всё, что ты можешь сказать?

Графу было прекрасно известно, что во вверенных ему владениях всё ещё оставались сторонники прежней династии. Некоторые из них даже обладали высоким званием виконтов, однако Винсента они всё равно не пугали. Все эти люди были под его пристальным наблюдением. Если юный Колдридж попытается обратиться к любому из них за поддержкой, граф непременно узнает об этом.

Винсент Дюваль всегда считал, что врагов следует держать ближе, чем друзей. Так, чтобы до них всегда можно было дотянуться.

— Ты делаешь из мухи корову, — не поднимая взгляда, ответил граф. — Он молод. Он наивен. Его ищет половина стражников королевства. Его ищет лунное братство. Но, что самое главное, он совершенно один. Если он ещё не свернул шею в Железных горах, скоро его неизбежно поймут. Поймут и вернут в ту тёмную сырую яму, где ему, без сомнений, самое место.

— Нам не стоило связываться с братством. Наверняка они подтолкнули его к побегу.

— Тебе прекрасно известно, что это была не моя инициатива. — Профессиональным движением писаря он обмакнул перо в чернильницу. — Виновные уже наказаны. Что касается мальчишки, давай будем решать проблемы по мере их поступления.

— Мне бы твою уверенность, Винсент. — Он вздохнул и развернулся, чтобы выйти.

Это был один из тех редких людей, которые смели называть графа по имени.

— Постой.

Патрик обернулся к письменному столу, но брат так и не поднял на него глаз.

— У меня будет к тебе ещё одно поручение.

— Так скоро? Позволь мне хотя бы увидеться с Сандрой.

— Это подождёт. Сначала тебе нужно разыскать Мэтью.

— Мэтью? — скривился Патрик. Он ужасно не любил иметь дело с их легкомысленным и безответственным младшим братом.

— Мне нужно, чтобы он был на королевском турнире в следующем месяце и представлял там нашу фамилию. Его присутствие необходимо.

— Разумно ли это, брат? После того, что случилось в прошлом году...

Гусиное перо с позолоченным наконечником упрямо чертило заметки и поручения на желтоватых страницах провинциальной канцелярии.

— Позволь мне решать, что разумно, а что нет, — невозмутимо отозвался Винсент. —

Твоя же задача — вытащить Мэтью из борделя, трактира и любой другой выгребной ямы, где ты его найдёшь. Постарайся привести его в человеческий вид к моменту вашего отъезда в столицу. Не хочу, чтобы у горожан был дополнительный повод для кривотолков.

— Нашего отъезда? — удивился Патрик.

— Разумеется. — Тут лорд Дюваль наконец удостоил своего брата суровым взглядом. — Как я могу отпустить этого пьяницу без присмотра? Ты отправишься в Адамант вместе с ним.

* * *

Примерно в то же время, когда Патрик Дюваль, отряхивая дорожную пыль, вошёл в кабинет своего старшего брата, на стол главного королевского секретаря легло письмо, сообщавшее о бегстве Эдуарда Колдриджа с каторги. Мистер Тул, стройный аккуратный мужчина, разменявший третий десяток, своей невозмутимой манерой держаться напоминал лорда-хранителя Востока. Однако если личность графа сразу привлекала внимание, то секретарь всегда оставался невидимкой.

Отложив перо, секретарь взял письмо. Он всегда вскрывал конверты острым канцелярским ножом, потому как не терпел грязи, неизбежно возникавшей при надломе сургучных печатей. Секретарь вообще был предельно организованным человеком, которому претил всякий хаос.

Рядом, как мраморное изваяние, всё ещё стоял его молодой подчинённый, доставивший письмо. На юноше был точно такой же серый мышиный мундир с вышитым серебряными нитями пером на груди, символом их ремесла. Никаких других отличительных знаков работники королевского секретариата не носили, но каждый из них точно знал, кто и кому подчиняется.

Секретарь Тул внимательно ознакомился с содержанием бумаги и, вернув письмо в конверт, передал его обратно помощнику.

— Сожгите, — коротко распорядился он.

Юноша слегка поклонился и покинул кабинет. Тул всецело доверял каждому человеку в секретариате. Все они были подобраны и проверены им лично. Если уж речь заходила о доверии, то он верил своим секретарям больше, чем, скажем, дворцовым гвардейцам, хранившим жизнь и покой самого короля.

Даже название их должности происходило из слова «секрет», и Тулу как никому другому было известно, что это не простое совпадение.

Итак, Эдуард Колдридж, юный сын безумного графа, бежал. Более того, стражникам Гнезда Олофа всё ещё не удалось обнаружить его тело. Пока что всё складывалось благоприятно.

Оставшись наедине с бумагами, секретарь позволил себе лёгкую удовлетворённую улыбку, которую на его бледном лице почти никто из людей никогда не видел.

Так уж устроен мир, что новость, тревожная для одних, часто становится отрадой других.

Вновь взявшись за перо, секретарь прикрыл на мгновение глаза, слегка помассировав пальцами переносицу. Наступали тревожные, но интересные времена. Он вновь вернулся к работе. Подготовка к ежегодному королевскому турниру всегда ложилась хлопотным бумажным грузом на его управление.

Глава четырнадцатая. Мертвец возвращается к жизни

Считается, что оборонительная линия, именуемая сегодня Пределом, была заложена Зигмундом Строителем в 312 году эры человека. Тогда началось возведение Крепости Наблюдателя, которая и ныне является головной твердыней, хранящей короля и всякого доброго человека от ужасов Запределья.

«Географика». Раздел «Земли и народы Запада»

С Юга в столицу вели два основных пути.

Один устремлялся на запад и, пролегая через Солончак, Клин и окрестности Хайрока, огибал Королевскую пику со стороны Чёрных гор. Добрая половина этого маршрута шла через земли Предела, владения герцога Редклифа. Хотя самого Предела, находившегося далеко на западе, и не было видно, любой оказавшийся в этих местах путник словно чувствовал его незримую близость. За этими заставами кончалась королевская власть, а вместе с ней и власть человека. Дальше простирались лишь гибельные Мёртвые земли, обитель тьмы и ужаса.

Второй путь, менее удобный, но зато короткий, шёл почти напрямик, оставляя остроконечную вершину Королевской пики по левую руку путника. Им в основном пользовались торговцы, а потому здесь полно было всякого сброда. На полпути к Адаманту встречался лишь один заметный городок — Скотсдейл, вотчина мелкого барона Фуко, владельца Речного удела. Это крохотное баронство устроилось меж двух рек и было населено в основном фермерами.

Каролина всегда мечтала увидеть башни Предела, но её мать, разумеется, выбрала для путешествия в столицу более короткий путь.

Громоздкий дормез, тяжёлая карета для длительных путешествий, то и дело вздрагивал, когда его обитое железом колесо попадало в выбоину на дороге. Для Каролины и её верного телохранителя был выделен отдельный транспорт, в то время как сама графиня делила изящную и лёгкую карету с Люциусом. Их окружал конный эскорт из облачённых в блестящие доспехи стражей. Сзади тянулась вереница из фургонов, в которых за своей хозяйкой следовала челядь, а с ними и всевозможные грузы, необходимые в пути.

Девочка с интересом смотрела в окно. Она редко покидала замок, и путешествие волновало её. Уже наступила весна, но в лесах, мимо которых они иногда проезжали, всё ещё можно было увидеть снег. Рыхлый, белый и холодный, он вызывал у Каролины особое любопытство, ведь за всю её жизнь на Юге его никогда не было. В воздухе пахло сыростью, сеном, лошадьми и еле угадывался аромат первых цветов.

— А правда, что на Севере есть игра, когда из снега лепят шарики и кидаются ими друг в друга?

Вопрос Каролины заставил сира Ван Дейка очнуться от блаженной дремоты, владевшей им с тех пор, как они покинули утомительную жару Побережья.

— Правда, — улыбнулся он. — Это называется «снежки». А ещё дети строят из снега крепости и разных животных.

— И катаются на санях? — Глаза Каролины блестели от восторга.

— И катаются на санях, — подтвердил рыцарь.

— Здорово... — мечтательно протянула девочка. — Вот бы и нам поиграть в снежки!

— Не думаю, что ваша матушка одобрит это.

— Хотела бы я родиться не в замке. — Она грустно вздохнула.

— Не говорите так, моя леди. Вы и понятия не имеете, как тяжело порой живётся простому люду.

— Расскажи мне!

— Как-нибудь в другой раз.

Каролина надула щеки в притворной обиде, но это, как всегда, не возымело никакого эффекта. Девочка очень любила своего друга-стража. Оставаясь наедине, они могли общаться абсолютно свободно. Без всякого притворства, надменности и подобострастия.

По мнению Ван Дейка, дорога была скучна и утомительна, но Каролину она поглотила с головой. Рыцарю нравилось, что новые впечатления и азарт путешественницы отвлекли девочку от дурных мыслей. Он знал, что, оказавшись в столице, Каролина вскоре станет мечтать о возвращении назад.

Самым захватывающим впечатлением был мост через Быстринку. Берущая своё начало в Лунном озере на востоке, река жадно впитала в себя растопленную весенним солнцем зиму. Бурный и неистовый водяной поток проносился среди мокрых камней безумным пенным вихрем. Юному взору Каролины впервые предстало подобное зрелище, ведь южные реки были спокойными и ленивыми.

Навстречу процессии всё чаще попадались дорожные трактиры, мельницы, усадьбы. Убогие провинциальные деревеньки сменялись крохотными, но аккуратными городками. Всё это говорило о том, что они подъезжали к Адаманту, благословлённой Древними столице Сероземелья.

Наконец вдали показались белые шпили башен городской стены, над которыми реяли тонкие серые полосы флагов. Но пока путников окружал тусклый пригород с приземистыми домами и невзрачными постройками. Знаменитые столичные кварталы были дальше, за массивными восточными воротами.

Городские укрепления Адаманта считались неприступными, но сир Ван Дейк относился к подобным заявлениям скептически. В конце концов, Орда двенадцати ханов никогда не штурмовала их. Не делали этого и армии Севера.

Движение стало замедляться, пока колонна вовсе не остановилась. Довольно неожиданно, если учесть, что бумаги должны были проверяться лишь на въезде в город.

— Что случилось? — Каролина выглянула в окошко. — Там впереди какие-то люди.

Ван Дейк высунул голову в окно и увидел небольшой, покрытый пылью дорожный фургон, рядом с которым остановилась карета графини, возглавлявшая процессию.

— Я схожу узнаю, — сказал рыцарь и, надев свой закрытый шлем, выбрался из дормеза.

Под ногами он с удовольствием почувствовал твёрдую мощёную дорогу — приятное разнообразие после раскисшей весенней колеи, по которой они пробирались большую часть пути.

Подойдя ближе, Ван Дейк увидел, что графиня, приоткрыв бархатную штору, закрывавшую окно кареты, говорит с юношей, сопровождавшим фургон верхом. Вторым всадником был закованный в латы воин.

— Я смиренно прошу прощения у вас, достопочтенная миледи Тибальд, — говорил юноша, — но мой отец дал обет Гилберта Верного. Он не разоблачится от своей брони и не

проронит ни слова, пока не исполнит своё намерение победить в турнире.

Доспехи отца юноши были похожи на одяние самого Ван Дейка. Скромные, лишённые модных украшений и известной доли изящности, они могли похвастать царапинами и вмятинами, свидетельствовавшими о богатом боевом прошлом. На узком зелёном сюрко, прикрывавшем лишь нагрудник, угадывалось выцветшее изображение дубовой ветви.

— Сир Гилберт Гловер погиб, если мне не изменяет память, — ответила юноше графиня, и Ван Дейку почему-то показалось, что в её словах был хорошо знакомый ему яд.

— Пути Древних неисповедимы. — Юноша почтённо склонил голову.

— Что ж... — Она как-то странно смотрела на закованного в латы всадника. — Пускай победит сильнейший.

Графиня задёрнула штору кареты, демонстрируя тем самым, что разговор окончен. Её сын не принимал участия в беседе. То ли он спал, то ли считал ниже своего достоинства общаться с какими-то мелкими аристократами.

Ван Дейк вернулся в карету, чтобы никого не задерживать.

Незнакомцы остались стоять в стороне, пропуская графскую процессию вперёд.

На козлах фургона сидели лысый старик в просторном балахоне и закутанная в плащ фигура. Оценив их беглым, но внимательным взглядом, Ван Дейк понял, что один из них был ключником, а второй, судя по жёлтым глазам, блесевшими в тени капюшона, — коренным уроженцем Предела, кольценосцем.

— Сир, — подала голос Каролина, которая тоже изучала незнакомцев через окно, — как зовут этого славного юношу?

— Я не знаю, — ответил он. — Человек в латах — скорее всего, провинциальный восточный виконт. Кажется, это герб Олдри. Что касается мальчика, он, вероятно, его сквайр или сын.

— И что моей маме было от него нужно?

— Понятия не имею, — признался рыцарь и только тогда понял, что в голосе девочки звучат какие-то новые интонации. Интонации, которых сир Ван Дейк никогда не замечал у своей юной госпожи.

Посмотрев на подопечную, он не знал, улыбаться ему или тревожиться. Сидя у окна, Каролина провожала юношу на коне трепетным и любопытным взглядом. Её тонкие пальчики отчаянно мяти белый кружевной платок с изображением рыб-близнецов, а на лице играл лёгкий румянец.

Возможно, Ван Дейк и был старым чёрствым воякой, но он прекрасно знал, как выглядит девочка, которая только что в кого-то влюбилась.

* * *

Они наблюдали, как пышная процессия удалялась в сторону городских ворот. Мимо, одна за другой, тащились добротные повозки с изображениями серебристых рыб на крашеных деревянных бортах. Горделивые всадники, облачённые в блестящую броню со вставками голубой эмали, смотрели вперёд безразличными взглядами хорошо вышколенных слуг.

— Она знает.

Голос Зоры был похож на шипение змеи. Золотистые глаза, выглядывавшие из-под капюшона, провожали карету графини недобрым жёлтым огнем.

После того как Локвуд поработал над ней, девушка действительно стала необычайно похожа на человека. Кроме того, солнце никогда не доставляло ей страданий, а потому свет

дня не мог выдать её истиной природы.

— Не говори ерунды, — возразил Локвуд с наигранным спокойствием. — Никто не знает о том, что с нами случилось.

— Ты забыл про могилы? — парировала Зора.

Старик умолк. Действительно, вернувшись на место схватки после заключённой сделки, они обнаружили, что останки людей покоятся в наспех присыпанных камнями могилах, выстроившихся в ряд вдоль старой дороги. В какой из них теперь находилось тело отца Адама? И кто мог соорудить нехитрое захоронение? Должно быть, какие-то охотники или проезжие купцы, которых не страшила глушь тех мест.

К фургону подъехал Адам. Его гнедая кобыла, купленная под Локриджем, недовольно фыркнула, когда мальчик натянул поводья. У лошади был скверный нрав, а потому хозяин не запросил за неё высокой цены.

— Я не думаю, что графине что-то известно, — попытался успокоить наставника Адам. — В конце концов, она бы без колебаний разоблачила нас.

Они проделали слишком долгий и трудный путь, чтобы отступать сейчас. Слишком много времени и сил было вложено в эту авантюру. Впрочем, обучение Ошу далось неожиданно легко. Рукоять меча легла в его руку едва ли не лучше древка привычного копья.

Верховая езда далась оркам проще, чем лошадям. Животные с трудом привыкали к тревожному запаху.

Адаму казалось, что Ош давно владел всеми ратными навыками, просто забыл их по какой-то причине. Эта черта орка в равной степени восхищала юношу и пугала его старого наставника. Много раз ключник сомневался в правильности того, что они делали. Орк же демонстрировал удивительную выдержку, но что творилось в его душе, никто не знал...

— Дождёмся темноты, — предложил ключник. — Ночные стражи не так внимательны, и нам проще будет попасть в город.

Откуда-то потянуло запахом навоза и свежей выпечки. Немногочисленные горожане шли по своим делам. Рядом тревожным лаем зашёлся бездомный пес.

— Их нам не обмануть, — посетовала Зора, кивнув на собаку.

Локвуд достал из кармана небольшой предмет и протянул его девушке. На старческой ладони покоился кусок мыла. Скривившись лицом, Зора всё же взяла его, убрав за пазуху. Правила личной гигиены среди орков приживались с трудом.

Глава пятнадцатая. Белая мгла

Наибольшее число хищного зверя, будь то варги, волки, горные львы или медведи, обитает в северных землях, там, где власть королевская превращается в суровое могущество Железных гор. Издревле эти создания пользовались почитанием местного люда, которое живо и по сей день.

Пальтус Хилл. «Звери и травы Сероземелья»

— Да никого там больше нет, — раздражённо прошептал Ярви, теряя терпение.

С тех пор как беглецы вышли на берег озера, прошло уже много дней. Им удалось добраться до предгорий, следуя вниз по течению местных рек. Любой житель королевства знал, что большая их часть впадает в Мать-озеро, огромное водяное зеркало, лежавшее на стыке трёх провинций.

Беглецы питались по дороге тем, что удавалось найти: водяникой, корнями рогоза, мелкой рыбой, которую можно было поймать в естественных запрудах. Иногда удача улыбалась им и подбрасывала остатки трапезы какого-нибудь хищника, но чаще бывшим каторжанам приходилось ложиться спать бок о бок с голодом и холодом. Впрочем, им было не привыкать.

Сейчас скованные цепью мужчины, прижавшись к земле, прятались в зарослях голого кустарника, припорошенного снегом. В ноздри проникал тяжёлый запах прелой листвы. Впереди, на обочине старой дороги, стоял волк.

Зверь ещё не знал, что за ним наблюдают. Ветер дул в сторону людей, относя их запах прочь. Кроме того, хищник был слишком занят поглощением плоти мертвеца, лежавшего перед ним.

Несколько окоченевших тел украшали старый тракт. Зима, неспешно спускавшаяся с гор, накрыла их своим белым и холодным саваном, превратив в пологие холмики.

— А волки вкусные? — спросил Эдуард шёпотом.

— Не особенно.

Слова Трёхпалого, по-видимому, долетели до ушей зверя. Он вскинул мохнатую голову, вглядываясь в заросли, где прятались люди.

— Солис тебя заberi, образина!

Выругавшись, Ярви вскочил и швырнул в сторону волка копьё. Он изготовил его из сухой палки и кривого рога горного козла, на скелет которого они наткнулись недавно.

Когда острая кость глухо ударилась в холодные камни, зверь уже нёсся прочь. Через мгновение его серая шкура исчезла в кустарнике на противоположной стороне дороги.

— Шлюхина дочь! — вновь вставил Ярви, когда понял, что охота провалилась.

Ломая кустарник, он направился к дороге, но цепь остановила его.

— Эй, ваше величество, уснули?

— Что?

Эдуард будто очнулся от краткого наваждения. Ему показалось, что он слышит далёкие человеческие голоса. Печаль, звучащая в них, невольно приковывала к себе внимание.

— Хватит ворон считать, вот что! — Ярви грубо дёрнул цепь, призывая напарника следовать за ним. — Пойдём лучше поглядим, что эти мертвяки нам предложат.

Сама мысль о мародёрстве была для Эдуарда оскорбительной. Сначала он хотел возразить, но быстро вспомнил о том бедственном положении, в котором они сами сейчас находились. Нужда оправдала эту низость, но, как только стыд был приглушён, в голове юноши тут же поднялся страх. Страх увидеть глаза, сияющие мёртвым светом. Страх услышать голоса людей, которых уже давно нет среди живых.

— Начнём оттуда.

Ярви указал пальцем в ту сторону, где ещё недавно сидел волк, предаваясь своей отвратительной трапезе. Эдуарду ничего не оставалось, кроме как молча последовать за своим спутником. На юношу вновь накатило знакомое чувство безысходности.

Найти удалось немного. Кто-то старательно обыскал убитых, забрав всё, что представляло ценность. Ни оружия, ни денег, ни обуви у мертвецов не оказалось. Зато с неподатливых, холодных тел удалось снять кое-какую одежду. Конечно, местами она была порвана и заляпана тёмными пятнами сухой крови, но это всё же было лучше, чем жалкие одеяния, доставшиеся беглецам на каторге. Облачившись в платье мертвецов, они как могли утеплили ноги, изрядно мёрзнувшие в соломенных сандалиях, вышедших из-под лёгкой руки Ярви.

Рядом с телегой Эдуард обнаружил в снегу наконечник копья, отломившийся от древка, однако дальше их ждало по-настоящему страшное открытие.

— Нужно отсюда сваливать, — тревожно произнёс Ярви, отступив на пару шагов от очередного мертвеца.

Эдуард проследил за его взглядом и тут же понял, что так встревожило его напарника. Из неглубокого сугроба на них безучастно смотрели широко распахнутые глаза мёртвого орка.

— Нет, — возразил он.

— Нет? — Ярви посмотрел на него, как на безумца.

— Эти люди. — Эдуард окинул рукой занесённых снегом мертвецов. — Мы должны похоронить их.

— Ты, верно, издеваешься, приятель? Да какое нам до них дело?

— А такое. — Голос Эдуарда стал неожиданно твёрдым. — Если ты помнишь, мы уже перешли Красную реку, а это значит, что наши ноги стоят на земле Простора.

— И что с того?

— А то, что эти люди — мои подданные. Я не могу оставлять их на съедение зверям.

— Подданные? — Ярви издал издевательский смешок. — Они перестали ими быть в тот момент, когда твоему папаше отрубили башку. Или ты забыл об этом?

— Я помню. — Скулы Эдуарда напряглись, но он проглотил оскорбление.

— Они мертвы, понимаешь? — уже более серьёзно произнёс Трёхпалый. — И мы присоединимся к ним, если задержимся здесь ещё дольше.

— Мы можем обсуждать это, или мы можем сделать это.

Ярви закатил глаза и издал стон бессилия. Он уже достаточно времени провёл с Эдуардом, чтобы знать, как упрям порой бывает этот парень.

— Ладно, Солис тебя подери, но орков мы трогать не будем. Пускай их воронье жрёт.

Присыпанная ранним снегом, холодная почва у обочины ещё не успела смерзнуться до состояния камня, однако уже поддавалась с трудом. Ярви то и дело останавливался, внимательно прислушиваясь. За каждым деревом ему мерещилась мохнатая фигура орка, целящегося в них из кривого лука.

Когда неглубокие ямы были готовы, беглецы перетащили в них окоченевшие тела. Сверху положили камни, которые едва ли можно было назвать надёжной защитой от дикого зверья, но сейчас Эдуард не хотел об этом думать.

Смеркалось. Погребение было закончено. Начали валить крупные хлопья снега, похожие на белые перья. Ветер изменился, став холодным и кусачим. Небо на севере заволочло тёмными тучами, не сулившими ничего хорошего.

— Надеюсь, теперь ты доволен. — Ярви иронически усмехнулся. — Сюда идёт буран.

Трёхпалый оказался прав. Не успело солнце скрыться за верхушками деревьев на востоке, как на беглецов обрушилась подхваченная ураганным ветром стужа. Снежный шторм нещадно впивался в плоть своими холодными ледяными клыками, словно обладая собственной, злой и неведомой человеку волей.

Пробираясь почти на ощупь через ревущую белизну, беглецы двигались в направлении скального возвышения, которое они приметили до того, как миром вокруг овладел снежный хаос. Они отчаянно надеялись найти там временное убежище, чтобы переждать непогоду.

Буран беспощадно высасывал из людей жизнь. Руки и ноги быстро окоченели. Одежда покрылась коркой снега. На ледяном ветру она стремительно твердела, образуя смерзшийся панцирь, сковывавший движения. Лица беглецов превратились в немые, сморщенные маски. Кожа покраснела и потеряла всякую чувствительность.

Ещё никогда Эдуарду не было так холодно. Он понимал, что, если не удастся найти убежище как можно скорее, буран убьёт их. Когда юноше уже показалось, что они утратили направление и окончательно потерялись, впереди наконец-то показалась тёмная громада скалы. Она вынырнула из ревущей белизны бурана, как нос корабля, рассекающего туман.

Двинувшись вдоль неровной каменной стены, тронутой кое-где пятнами северного мха, беглецы принялись искать нишу или какой-нибудь разлом, где можно было бы скрыться от слепой ярости стихии. На этот раз им повезло даже больше, чем они смели надеяться. Перед ними распахнулся тёмный зев просторной пещеры.

Свисавшие сверху сосновые корни напоминали острые деревянные зубы. Часть широкого хода, тонувшего во тьме, загромождали обломки деревьев, кучи сухих листьев, хвои и другого лесного мусора. Должно быть, по весне наводнения прибили сюда весь этот хлам.

Два скованных цепью человека укрылись за баррикадой из коряг и мёртвых стволов. Воспользовавшись сухой древесиной, которая здесь была в избытке, Ярви сразу стал разводить костёр. Замёрзшие пальцы плохо слушались, но он, изрыгая бесконечные потоки проклятий, вновь и вновь высекал искры над горсткой трута. Наконец показался дым, и пламя занялось.

Устроившись у стены пещеры, они скармливали огню кусочки мёртвых деревьев, жадно греясь в его желтоватом тепле. Каким это было блаженством после ледяного шквала, который всё ещё свирепствовал снаружи!

Эдуард подумал о том, как сильно начинаешь ценить самые простые вещи, когда лишаешься их. Будь то тепло, пища или кров. Первый раз он понял это, оказавшись на каторге. Юный сын королевского наместника, который никогда ни в чём не нуждался. С тех пор эта простая мысль снова и снова возникала в его истерзанном сознании. Теперь-то он знал, что такое лишения. Знал, что такое боль.

Неожиданно они услышали вой. Протяжный и тоскливый, он прозвучал гораздо ближе, чем им того хотелось бы. Ярви тут же вцепился в свой импровизированный дротик. Эдуард

выхватил из-за пояса наконечник сломанного копья, держа его перед собой, как нож. Даже сквозь яростное завывание ветра со стороны входа в пещеру до них долетели звуки тяжёлого дыхания.

— Волки, — с досадой сказал Ярви, бросив в огонь ещё несколько коряг. — А я-то думаю, местечко больно удобное.

В трепещущем свете костра в пещеру прошмыгнули две серые тени. Третий волк не последовал примеру сородичей. Он остановился, повернул голову и с любопытством посмотрел на людей. Эдуарду почему-то показалось, что это был тот самый волк, которого они уже видели на дороге ранее. Словно зверь тогда затаил на них обиду и теперь вернулся, дабы отомстить.

Ярви занёс копьё, целясь в тёмную фигуру. Он был уверен, что не промахнётся, но медлил, старательно прислушиваясь к обманчивым звукам. Сейчас нельзя было лишаться своего единственного оружия.

Пронзительные глаза хищника, отражавшие огонь костра, напоминали взгляд какого-то мифического зверя мира полузабытых сказаний и древних легенд. Они будто гипнотизировали людей.

Вслед за любопытным волком в пещеру вошла ещё по меньшей мере дюжина его сородичей. Огромные лохматые твари, способные перекусить человеческую руку. С тёмных кусков свисал заледеневший снег. Эдуард был уверен, что их густая шерсть имеет обычный серый цвет. Однако в полумраке пещеры, освещённой лишь дрожащим на сквозняке пламенем костра, животные казались чёрными, как сама ночь.

Они оказались в ловушке. Волчья стая отрезала единственный путь наружу, но почему-то не спешила нападать. Эдуард надеялся, что звери, как и люди, лишь пережидают здесь ненастье. Во всяком случае, он хотел в это верить, вспоминая, как животные спасаются при пожаре, забыв на время о том, кто хищник, кто жертва.

— Огонь. — Озарение пришло к нему внезапно. — Они боятся нашего огня!

Ярви ничего не ответил. Вместо этого он подбросил несколько коряг в костёр и стал сооружать возле него ещё два, растаскивая головнёй красные угли.

Суетившиеся в полумраке хищники огрызались и поскуливали, однако никто из них не смел приближаться к пламени. Их глаза мерцали в темноте парными зеленоватыми точками. Слишком много точек, чтобы их могли погасить два человека.

Закончив сооружать огненную преграду, Ярви устало присел к стене, переводя дух. Эдуард опустился рядом и смерил партнёра вопросительным взглядом.

— Что же теперь делать? — спросил юноша.

— Ничего. — Ярви был мрачнее тучи. — Ждать и надеяться.

— Надеяться? На что?

— На то, что эти твари уберутся раньше, чем у нас закончатся дрова.

Глава шестнадцатая. Дом человека

Перед ликом Древних я клянусь, что мы не учили его тактикам королевских воинств. Мы не раскрывали тайн оборонительного дела, хранящего короля и его верных вассалов. Из наших уст не вылетало ни одного слова, которым он мог бы повредить государству и народу. И, уж конечно, мы не учили его тому, свидетелями чего стали столь многие и в чём ныне обвиняет его священный капитул Наследия, да озарят Древние его своей мудростью.

Из протокола заседания королевского суда

15 дня месяца рыбы 833 года эры человека

Локвуд оказался прав. Ночная стража не уделила им особого внимания, и они без труда проникли в город.

Упитанный привратник с широким красным лицом опирался на массивную алебарду, символ своей профессии. Адам спешился и передал ему бумаги. Бегло просмотрев их, здоровяк жестом показал, что пришельцы могут проходить. Обычно ворота закрывались на ночь, но сейчас их держали открытыми круглые сутки, чтобы гости столицы не ждали под городской стеной восхода солнца.

В дни, предшествующие турниру, город наводняли приезжие из всех провинций. Местное население и так напоминало лоскутное одеяло, но во время королевских праздников здесь можно было увидеть самых удивительных персонажей. От смуглых, покрытых татуировками южан до угрюмых жителей Предела, никогда не снимающих боевого облачения. Торговцы из далёкой и независимой Петры предлагали свои экзотические товары, которые могли купить как простодушные уроженцы Простора, так и суровые воители Севера. У городской стражи не было ни сил, ни времени, чтобы проверять каждого.

Однако вся эта жизнь кипела здесь лишь при свете солнца. Ночью улицы столицы словно вымирали. Добрые люди спали в постелях, пока злые вершили свои дела под покровом мрака и тайны.

Вообще же, королевский турнир начинался только через два дня. Он должен был проходить на специально обустроенном ристалище, сооружённом вне города. Ошу было совсем не обязательно посещать столицу, но орк просто не мог упускать подобную возможность. К тому же, прежде чем приступить к основной части своего плана, он хотел устроить Локвуду и его юному воспитаннику последнюю проверку. Впрочем, это испытание было гораздо опаснее для самого Оша и его рыжеволосой напарницы, чем для людей, которые ещё недавно были их пленниками.

Ош слышал о крупных городах, но он не был готов встретиться с тем, что ждало его за городской стеной. До этого он видел лишь крохотные деревни, окружённые частоколом или защитным земляным валом. По пути в Адамант они избегали крупных поселений, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Теперь же столица обрушилась на орка и поглотила его.

Тьма ночи скрадывала от людей величие этого места, но она не была помехой для глаз орков. При тусклом, призрачном свете лун и далёких звёзд Адамант предстал перед Ошем и Зорой во всей красе.

В отличие от деревенских жилищ столичные дома были возведены почти целиком из камня. Кроме того, они были значительно больше провинциальных строений. Некоторые насчитывали столько этажей, сколько пальцев было на руке Оша. Часто фасады украшали росписи, колонны или даже каменные фигуры людей и животных.

Пересечения широких и узких улиц, вымощенных тёсаным камнем, обнаруживали чёткую, упорядоченную систему. Часто по их краям встречались деревья и кустарники, заботливо окружённые каменными или коваными оградами. Сквозь стук копыт и грохот повозки до слуха Оша долетало размеренное журчание воды и отдалённые человеческие голоса.

Люди были везде. Пускай их и не было на улице в этот поздний час, но рука их оставила свой отпечаток на каждом камне, каждой дощечке, каждой железке, окружавших теперь Оша.

Существование орков основывалось на гибкости, они привыкали, подстраивались под внешние условия. Люди поступали по-другому. Они не приспосабливались к природе. Они изменяли её в угоду себе. В этом заключалась одна из граней коренной разницы между двумя этими народами.

Окинув взглядом своих спутников, он в какой уже раз усомнился в правильности своего плана. Перед тем как они покинули лагерь, Ургаш и Ушан настаивали на том, чтобы Локвуд остался в качестве заложника. Страх за жизнь старика должен был предотвратить возможное предательство со стороны мальчишки. Тогда Ошу удалось убедить сородичей отпустить обоих пленников. Дело, которое он задумал, требовало поддержки этих людей, и он хотел, чтобы основой её было доверие, а не страх и угрозы.

Теперь, когда они были в самом сердце королевства людей, и Адаму, и его наставнику достаточно было сказать лишь слово, чтобы погубить замысел Оша, как, впрочем, и его самого. Однако до сих пор этого не произошло.

Зора разглядывала город во все глаза, однако не забывала она и следить за людьми. Ош был уверен, что, если кто-то из них всё же решится на предательство, дикарка успеет убить виновника до того, как всё будет кончено. Руки Зоры, скрывавшиеся под плащом, постоянно стерегли рукоятки двух длинных, остро отточенных ножей, заткнутых за пояс.

— Полночь, и всё спокойно! — громко объявил человек с фонарём, шагавший по улице размеренным шагом стражника. Его стальную кирасу украшало изображение филина.

Ош вспомнил уроки Локвуда. Филин, сжимающий в лапах кнут — герб Серокрылых, королевского рода. Иногда на груди птицы изображали четырёхцветный щит, символ провинций. Каждый из этих цветов был геральдическим и соответствовал одному из правящих домов. Чёрный был цветом Запада, где находился Предел. Белый, цвет снега, представлял Север. Синий цвет соответствовал Побережью, простиравшемуся на юге. И наконец, зелёный, который теперь носил и сам Ош, был цветом Простора, восточных земель, находившихся теперь под властью дома Дюваль.

Адам Олдри, как и его погибший отец, которого теперь изображал Ош, был мелким восточным виконтом. Геральдические признаки этих землевладельцев соответствовали гербу графа-управителя, которому они подчинялись.

Земля вокруг столицы делилась на уделы, так же как и земля провинций, но правила этими владениями не виконты, а бароны, подчинявшиеся непосредственно королю. При этом на аристократической лестнице бароны стояли ниже графов и герцога, но выше виконтов, что делало их четвёртыми по значимости людьми государства.

Звания, титулы, гербы, лозунги, этикет... Обычно от всех этих хитростей устройства человеческого общества голова Оша шла кругом. То ли дело занятия с мечом или копьём, которые ему так нравились.

Двигаясь по главному проезду, они выехали на широкую площадь, в центре которой на высоком постаменте застыл тёмный силуэт человека. Его неподвижный взор был обращён на восток, а голову венчал странный головной убор, напоминавший обруч из перьев. Каменное тело защищали от непогоды столь же каменные доспехи.

— Отец говорил, что это Конрад Завоеватель, дед нынешнего короля, — пояснил Адам, поравнявшись с Ошем. — Много лет назад он покорил Восток, положив конец мозаичным векам.

За гордым монументом центральный проезд продолжался до самого Кингстоуна, величественного королевского замка, стоящего в изгибе Сестры, крупнейшей реки Сероземелья, разделявшей столицу на две части. Однако вниманием Оша завладел не памятник и даже не маячившая вдали королевская твердыня.

Площадью, на которой они оказались, правила внушительная каменная громада, окружённая толстыми витыми колоннами. Череда длинных ступеней вела к массивным медным дверям, украшенным какими-то надписями. Стены покрывали изумительные рельефные изображения, рассказывавшие историю, понятную даже неграмотному орку.

— Это высший санкторий, — с оттенком гордости произнёс Адам, — главный храм королевства. Ему больше пяти столетий. Он возведён ещё при жизни Зигмунда Строителя.

В замысловатых картинах угадывались фигуры людей, а также тех, кто, очевидно, ими не являлся. Образы кружились вокруг друг друга и переплетались, почти оживая в глазах Оша. Символические сюжеты почему-то рождали бессознательное чувство участия, тревоги и даже беспричинной злости. Ош показал облачённой в латную перчатку рукой на изящную фигуру, тянущую тонкие пальцы к изображениям людей.

— Кто это? — спросил орк.

— Древние, — с благоговением в голосе ответил Адам. — Они жили очень давно. Могущественные, мудрые и благородные создания, оставившие свой мир в наследство нам, людям.

Ош понял, что речь идёт о вере людей. Локвуд не уделял ей много внимания во время их занятий. Сами орки особенно ни во что не верили. Одни племена поклонялись горам, другие — зиме, третьи — какому-нибудь зверю. В племени, к которому когда-то причислял себя Ош, почитали предков, покрывших себя воинской славой или прославивших умелыми охотниками. В банде Ургаша были самые разные орки, принёсшие с собой багаж своих племенных суеверий. Теперь их объединяла лишь вера в свирепого и непобедимого вождя.

Ош продолжал смотреть на скульптурные изображения, не в силах оторвать от них взгляд. Дуновение морозного ветра, пронизывающего до костей, заставило орка поёжиться. Ему стало не по себе от этого ощущения. Как будто слова, которые он слышал, взволновали Безымянного, давно не напоминавшего о своём незримом присутствии.

— Наследие учит, что восемь веков назад люди предали Древних, — вмешался в разговор Локвуд. — Ведомые жадностью и гордыней, они отвергли их дары, ввергнув свои сердца во тьму.

По спине Оша пробежали мурашки. Голос старика упал, сделавшись глухим, мрачным и торжественным. Почему-то его слова трогали орка, задевая что-то глубоко внутри. Они были

почти осязаемы. Страшные речи о минувших днях.

— И тогда поднялся Чёрный легион. И прошёл он по земле страшным мором. И была великая война и великая скорбь. И настала эра человека.

Взгляд старика затуманился. Проследив за его направлением, Ош нашёл на барельефе изображение безликого воинства с горящими глазами. Облачённые в тяжёлые угловатые доспехи, они, словно лавина, надвигались на зрителя, шагая плечом к плечу.

Орк почувствовал, как под ним разверзается бездна. Страшное видение, явившееся ему на краю гибели, воскресло с новой силой. Мертвецы, закованные в угольно-чёрные доспехи, марширующие по иссохшей земле. Чувство отчаяния и бессильного гнева.

Возможно, спутники Оша заметили бы перемену, произошедшую в нём, но голову орка надёжно скрывала сталь шлема. Они не могли видеть, как кровь отхлынула от его лица, а кожа побледнела, утратив здоровый серо-зелёный цвет. Не могли видеть, как пальцы стиснули поводья с такой силой, что ногти оставили отметины на внутренней части ладони, даже несмотря на кожу перчаток.

Шрам от стрелы, пронзившей грудь, мучительно заныл. До слуха будто бы донёсся далёкий и страшный бой боевых барабанов, похожий на свирепый рокот надвигающейся бури. Далёкой бури, произошедшей сотни зим назад. Во всяком случае, как надеялся сам Ош. Мысль о том, что страшное видение могло быть вещим, чересчур сильно пугала, чтобы орк мог принять её.

— И тогда Древние ушли, — закончил старик, — но они обещали вернуться, когда люди искупят грехи и изгонят тьму из своих сердец.

— А... что стало с Чёрным легионом? — спросил Ош севшим голосом.

— Этого никто не знает, — ответил Локвуд. — Одни говорят, что Древние победили его. Другие утверждают, что в самый тёмный час легион вернётся, чтобы выполнить своё предназначение.

Ош больше не мог этого выносить. Он натянул поводья и направил лошадь прочь от этого страшного здания. Ему казалось, что глаза каменных изображений смотрят ему в спину. Город давил на него. Ош хотел вновь оказаться в лесу, вдыхать хвойный аромат и слушать пение птиц. Тем временем настойчивый голос Безымянного снова и снова повторял в голове орка одни и те же слова.

— Не верь... их лжи, — яростно нащёптывал дух.

Глава семнадцатая. Игра

Несмотря на то что разница между полученными взносами и призом победителя велика в пользу казны, спешу уведомить Ваше Величество о необходимости дополнительных ассигнований на нужды поддержания порядка и законности, а также увеселения простого люда. Суммарные расчёты приведены в настоящей бумаге ниже.

Королевский секретариат, служебная записка

Из года в год для обустройства ристалища выбирали местечко к северо-востоку от города. Покрытое сухой травой, подножие пологого холма, на котором догнивала свой век старая мельница, отлично подходило для этой цели.

На бугристом склоне собирались простые зрители всех возрастов. Среди них бродили торговцы, предлагая угощения. Более знатные гости занимали свои места на ступенчатой деревянной трибуне с навесом, которую старательные королевские плотники выстроили напротив. Между трибуной и холмом располагались присыпанные песком площадки для состязаний.

Вокруг, как первые весенние цветы, выросли разноцветные шатры лавочников, ремесленников, гостей и участников турнира. Одни походили на скромные, штопанные лачуги, в то время как другие блистали великолепием вышивки и заморских тканей.

День выдался ясный, но облака на горизонте и льнувшие к земле птицы обещали вечерний дождь. Восточный ветер приносил с собой едва уловимый аромат хвои, доносившийся из соседнего бора.

Ежегодно большинство земель присылали сюда своих бойцов, но в этот раз участвовали лишь пятнадцать из двадцати четырёх уделов. Правда, из Заболотных земель, где шла борьба между братьями Бейлор, каждый из которых претендовал на графское кресло умирающего отца, прибыло сразу четыре рыцаря. Однако для проведения турнира двух десятков участников было недостаточно. Положение спасли вольные рыцари, привлечённые в столицу большим денежным призом и славой, которая непременно достанется победителю. Кто-то из них платил турнирный взнос самостоятельно, другие пользовались поддержкой состоятельных покровителей, желавших таким образом поднять свой общественный статус.

Воздух над ристалищем пронзили трубные звуки, возвещавшие о начале турнира, им радостно вторила толпа зрителей.

Перед королевской трибуной, занимаемой знатью, началось неспешное шествие участников, облачённых в турнирную броню. Они гордо следовали друг за другом.

Возглавлял шествие крепкий и рослый юноша с благородным бледным лицом и короткими светлыми волосами. В его бесстрастных глазах светились яркие жёлтые кольца, выдававшие в нём коренного жителя Запада. Тёмные доспехи воронёной стали слабо поблёскивали в дневном свете, а красный плащ украшало изображение одинокой чёрной башни. Это был Малькольм Редклиф, наследник герцогского титула.

Формально вторым человеком после короля Конрада II считался его сын, принц Мориан, на деле же им был герцог, военный лидер, которому подчинялась большая часть армии. Уже много поколений этот высокий титул принадлежал Редклифам, хранителям Предела и всего королевства. За всё время службы они ни разу не дали повода усомниться в

своей лояльности престолу.

За Малькольмом следовал рыцарь в роскошных доспехах. На сверкающем полированном нагруднике красовалось изображение золотых весов. Он был в закрытом кавалерийском шлеме, и никто не мог узнать его лица, но, как только глашатай объявил, что это сир Мэтью Дюваль, в толпе зрителей проснулся оглушительный рокот, разбавленный восторженным женским визгом. Под ноги его пегой кобылы тут же полетели цветы. Вне всяких сомнений, он был любимцем публики. Стража с трудом сдерживала желающих прикоснуться к победителю прошлогоднего турнира.

Следом показался широкоплечий здоровяк верхом на боевом толстоногом жеребце знаменитой варганской породы. Единственный баронет, принимавший участие в турнире этого года, Филипп Дрогнар. Он был сыном почтенного генерала Дрогнара, хозяина обширных владений к северу от Адаманта. Несмотря на свой юный возраст, рыцарь мог похвастать крепким телосложением и поистине бычьей шеей, делавшей его похожим на живой осадный таран. На его широком красном лице расплылась грубая щербатая улыбка. Он простодушно махал рукой собравшимся, но, вспомнив об этикете, повернулся к королевской трибуне, отвесив неуклюжий поклон. По толпе тут же прокатилась волна смешков.

Имен было много. Больше, чем можно было запомнить за один раз. Наконец глашатай произнёс имя Юстаса Олдри, виконта восточных земель.

Вязкий дух лошадиного навоза причудливым образом смешивался с ароматом цветов и манящим запахом всевозможных угощений, долетавшим со стороны толпы. Через узкую щель забрала Ош смотрел на неё с нараставшей тревогой. Он не мог избавиться от мысли, что сейчас человеческое море выйдет из-под контроля и, сметая все преграды, разорвёт его на части. Орк чувствовал себя чужим. Не лисицей, пробравшейся в курятник, но ягнёнком, угодившим в волчье логово. Если люди узнают, что скрывает шлем, то он пропал.

На ступенчатых трибунах, завешенных яркими тканями с изображениями гербов, восседал цвет королевства. От ристалища их отделяло двойное кольцо хорошо вооружённых стражников. Как и орки, в удержании власти люди полагались на силу стали и страх. Над богато одетой знатью возвышалась ложа короля.

Ош испытал лёгкое разочарование при виде монарха. Он ожидал увидеть грозного воителя, но Конрад II Серокрыл оказался совсем не таким. Небрежно опираясь локтём на обитый подлокотник роскошного кресла, бородатый и уже немолодой мужчина провожал всадников блестящими серебристыми глазами. На нём была шитая золотом туника с накидкой, капюшон которой украшали серые перья королевского филина. Венчавшая сидящую голову корона также повторяла покров этого крылатого хищника.

Локвуд говорил, что в Серокрылах течет кровь Древних. Ошу в это верилось с трудом.

Сиденье рядом с королём пустовало. Очевидно, оно было приготовлено для принца. Чуть поодаль устроились две придворные дамы. В одной из них Ош узнал графиню, с которой они повстречались на въезде в город. Другая, облачённая в роскошное кроваво-красное платье, была ему незнакома.

За Ошем проследовали ещё несколько представителей виконтов, затем — вольные рыцари. Они выглядели не так нарядно, как посланники земель, но Ош понимал, что их тоже стоит опасаться. За плечами у них был гораздо больший боевой опыт, чем у многих знатных всадников. Орк видел это в их холодных, жёстких глазах.

Когда Ош сыграл свою роль в торжественном шествии претендентов, Зора помогла ему

спешиться. Он всё ещё не привык к седлу и не хотел проводить в нём много времени. К тому же это была их единственная боевая лошадь. Под весом закованного в сталь наездника она могла устать раньше времени.

— Сир Олдри, я удивлён, что вижу вас здесь!

Ош не сразу понял, что приветствие обращено в его адрес, но Зора слегка подтолкнула его локтем, отступив в сторону. Её пальцы непроизвольно легли на рукоятку ножа.

Рядом с ними стоял тучный человек с пышными усами и большими мозолистыми ладонями. На нём красовался богато украшенный кафтан зелёного сукна с элегантной опушкой. Незнакомец чем-то напомнил Ошу огромного бобра.

Придерживая эфес меча, орк приветственно поклонился, стараясь сделать это точно так, как показывал ему Локвуд.

Толстяк беззлобно рассмеялся, сложив пальцы на животе.

— Все эти придворные штучки никогда не были вам к лицу, не так ли?

— Боюсь, что его светлость не сможет вам ответить, любезный лорд Пуль, — вмешался в разговор подоспевший Локвуд. — Отправляясь сюда, лорд Олдри принёс обет Гловера.

Толстяк смерил Оша слегка обескураженным взглядом.

— Неужели кто-то ещё делает это? — озадаченно спросил он, уже не ожидая, к счастью, ответа от Оша.

— Моему господину нужно передохнуть и подготовиться к турниру, — с этими словами Локвуд доверительно наклонился к собеседнику, — скоро его величество объявит соперников на сегодня.

— Конечно, конечно, — весело воскликнул лорд Пуль своим глубоким, как будто булькающим голосом, — не смею вас задерживать, друг мой. Но вы-то, мастер Локвуд, порадуете меня учёной беседой? Или нынче на ристалище и ключники сражаются?

— Охотно, ваша светлость.

Учтиво поклонившись, Локвуд увлек за собой нарядного толстяка. Ош успел услышать обрывок их разговора, пока они не смешались с толпой. Эти слова заставили его нервно вздрогнуть.

— Как вам нравится этот маскарад? — доверительно поинтересовался Пуль.

— Маскарад, ваша светлость? — переспросил ключник моментально севшим голосом.

— Дювали, — полушёпотом произнёс толстяк. — Бьюсь об заклад, под этим шлемом — голова другого брата. Представляете? Мэтью Дюваль гораздо ниже ростом...

— Да что вы говорите...

— Мои глаза не так-то просто обмануть, — хвастливо добавил лорд Пуль.

«Знал бы ты, кто скрывается под этим шлемом», — подумал Ош.

Орк понимал, что честному и благородному Локвуду труднее всего давался их дерзкий обман. Однако ключник подчинился, потому что того хотел его молодой господин.

— Это виконт Альбус Пуль, хозяин Мельничного удела, — напряжённо пояснил подошедший Адам, и по интонации Ош понял, что юному виконту не нравится этот человек. — Давний знакомый отца, так что старайся избегать его.

Ош кивнул и только тогда заметил в руках юноши большой вытянутый свёрток, обернутый грубой холщёвой тканью и прихваченный верёвкой.

— Турнирные пики, — пояснил Адам, — Я купил их у местного ремесленника. Три штучки на сегодняшний день.

Мысленно Ош выругал себя за то, что сам не подумал о них заранее.

— Отец хотел сам сделать их для себя, но...

«Но я — не он», — хмуро подумал орк, однако вслух ничего не произнёс.

— Как ты думаешь, у тебя получится?

Адам озвучил мысль, преследовавшую Оша последние два дня. В конце концов, кем он был? Просто безликий орк из леса. Да, сейчас его покрывали латы, а на поясе висел меч, но в груди его всё равно билось сердце дикаря. Рыцари, которых он видел, были настоящими воинами. Велики ли его шансы в бою против них? Мог ли он рассчитывать на победу?

— Мы же здесь не просто так, — тихо сказал Ош, так чтобы только Адам мог его услышать.

Весь день Ош наблюдал за турниром. Он старался подмечать то, как всадники ведут себя, как направляют копье, как правят лошадь. Слушал краткие, но точные пояснения Адама. Ош запоминал. Ош учился.

Герцогский наследник открыл соревнования победой над представителем одного из северных виконтов. После одной сломанной пики он сбросил его на землю во втором заезде. Следом выступал Мэтью Дюваль, играючи сбив с лошади опытного южного наездника.

Громила Дрогнар, в отличие от других рыцарей, брал не мастерством, а натиском и грубой силой. Его противник сломал об него две пики, прежде чем этот великан обрушил его в грязь одним сокрушительным ударом. Толпа ревела в экстазе.

К вечеру, когда небо затянуло облаками и начал накрапывать скупой весенний дождь, настала очередь Юстаса Олдри, Оша.

Его противником был сир Гедеон, вольный рыцарь на службе у одного из братьев Бейлор из восточной части Заболотного удела. Поверх простых доспехов на нём красовался синий сюрко с просторными ажурными рукавами, закрывавшими руки до локтей. Его серый конь нетерпеливо рыл размокшую землю копытом.

Не без помощи Адама Ош оседлал коня. Вперёд уходил разделительный бортик ристалища, вдоль которого сходились соперники.

— Эй! — Рука Зоры небрежно похлопала его по затянутому кольчугой бедру, и странным образом это успокоило его. — Даже не думай падать, Ош!

В янтарных глазах девушки горел воинственный огонь. Он воспламенил дух Оша, заставив сердце биться чаще. Орк не сразу понял, что его удивило в этих словах. Первый раз Зора, отставив в сторону прозвища, назвала его по имени.

Адам поднёс тяжёлую турнирную пику, раскрашенную в красно-белые полосы. Её рукоятка была закрыта широкой защитной манжетой, выполненной из листовой жести. Место боевого острия занимал тупой наконечник с четырьмя шишковатыми вершинами.

Выполняя роль послушного сквайра, Зора вложила в свободную руку Оша небольшой квадратный щиток с изображением ветви дуба, герба дома Олдри.

Трубы дали первый сигнал, призывавший слуг отойти от всадников. В этот момент время для Оша словно загустело. Оно стало медленным и ленивым, как холодный мёд.

Когда трубы подали голос второй раз, орк пришпорил лошадь и помчался вперёд.

Люди, орки, загадочные духи и даже Зора — всё перестало существовать. Его воля, его страхи, его желания уместились на крохотном наконечнике турнирной пики. Он так долго готовился, так долго шёл к этому! Он был ветром. Он был дождём. Кровь стучала в ушах. Впереди стремительно приближалась цель — закованный в сталь человек, стремительный, как синяя молния.

Удар. Треск. В глазах потемнело. Тело мотнуло в сторону, как соломенное пугало. Рука

не чувствовала пики. Он выронил её? Что произошло?

Ош натянул поводья, плавно сбавляя скорость. К нему подбежал запыхавшийся Адам. На лице виконта застыло озабоченное выражение.

— Что... — Ош тряхнул головой. — Что произошло?

— Он сломал пику, — ответил Адам севшим голосом, — правда, удар пришёлся в плечо, так что тебе удалось удержаться в седле.

Оглянувшись на своего соперника, Ош увидел, как сир Гедеон примеряет в руке новое копьё. Рыцарь готовился к следующему заезду.

— А я? — смутился Ош. — Я попал по нему?

— Нет. — Адам опустил глаза.

Орк не стал больше ничего говорить. Он просто вытянул руку, ожидая нового оружия.

Вновь прогремели медные глотки труб, и всадники начали своё стремительное сближение. Два раза они сходились и два раза промахивались, не нанеся друг другу никакого вреда. Когда же ристалище вновь огласил хруст ломающейся древесины, Ош ликовал. Хотя удар и не обрушил соперника на землю, это всё равно был его первый успех на турнире. Теперь он мог сражаться. Теперь он мог победить!

Не желая оставаться в долгу, сир Гедеон сломал о щит Оша ещё одну пику. В следующем же заезде Ош выбил его из седла удачным ударом в грудную пластину.

Пока орк пытался осознать свою первую победу, Зора и Адам помогли ему слезть с лошади. Руки дрожали от возбуждения, а ноги предательски подкашивались. Рыжеволосая бестия подставила ему своё плечо, когда к ним подошёл сир Гедеон.

Изящный синий сюрко рыцаря намок и испачкался в грязи. По его тяжёлым стальным наплечникам барабанил усилившийся дождь. Кольчужный капюшон обрамлял суровое гладковыбритое лицо с кустистыми чёрными бровями, тронутыми сединой.

Ошу стало тревожно. Он не знал, как этот человек отреагирует на своё поражение. Ликующая толпа умолкла, словно затаив дыхание. Сотни глаз следили за этой немой сценой.

Сир Гедеон протянул Ошу руку. Как во сне, орк пожал её.

Рыцарь не произнёс ни слова. Слова были здесь не нужны. В сопровождении своих сквайров он удалился в сторону гостевых шатров под ликование толпы.

Ош смотрел на затянутую в кольчужную перчатку руку. Пускай рыцарь не знал, кто скрывается под маской виконта. Пускай это был лишь самообман, но в этот момент орк почувствовал невероятное воодушевление. Он понял, что когда-нибудь два их народа смогут жить в мире.

— Пойдёмте, отец. — Слова Адама вернули Оша в реальность. — Мы мешаем.

В сопровождении челяди на ристалище выезжала следующая пара соперников.

Опираясь на Зору, Ош двинулся прочь, к тому месту, где находился их дорожный фургон. Адам последовал за ними. Он вёл под уздцы лошадь, нежно поглаживая её шею.

Вокруг начинали зажигать жаровни. На ристалище неудержимо наваливался вечер.

Глава восемнадцатая. Пики и грязь

Какова цена чести? Мне никогда не задавали этот вопрос, но я знаю людей, которые вынуждены были дать на него ответ. Спросите это у женщины, за спиной которой гибнут от голода её дети. Спросите это у генерала, ставшего грудью на защиту своего отечества. Спросите это у судьи, что выносит суровый приговор. Пускай это трусость, но я лишь надеюсь, что никто не спросит об этом меня.

Каролина Тибальд. «Дневник памяти»

После первого дня турнира ему так и не удалось уснуть. Когда на улице забрезжило тусклое сияние далёкого рассвета, Адам выбрался из фургона. Он решил прогуляться по шатровому городку, раскинувшемуся у подножия холма.

Юный виконт никому не говорил об этом, боялся признаться даже себе, но он хотел, чтобы Ош проиграл. Хотел, чтобы сир Гедеон сбил его с лошади. Хотел, чтобы орк неуклюже шлёпнулся в грязь, как мешок с картошкой.

Нет, он не питал неприязни к Ошу. Напротив, необычный орк вызывал невольное уважение. Однако каждый новый день, проведённый на турнире, грозил им разоблачением.

Когда Адам согласился на предложение Оша, он был уверен, что орку никогда не победить бывалых рыцарей. Теперь эта уверенность пошатнулась. В этом странном орке была какая-то необъяснимая, скрытая сила. Юноша чувствовал это всякий раз, когда на него падал взгляд небесно-голубого сапфирового глаза.

С тех пор как они покинули скалистое логово, наставник неоднократно предлагал ему выдать орков стражникам и бежать, но Адам считал это недостойным поступком. В конце концов, пускай они и не были людьми, но он дал им своё слово. Слово виконта.

Кроме того, Локвуд и сам говорил об этом так осторожно, что Адаму казалось, будто старик в очередной раз проверяет его характер. Благородный наставник разрывался между своей честной натурой и желанием спасти воспитанника от неприятностей. А неприятности им грозили немалые.

Подумать только: обманом провести орков в столицу. Это было не просто нарушением свода турнирных правил, которое влекло за собой всего-навсего дисквалификацию с изъятием имущества нарушителя в пользу королевской казны. Нет, здесь уже пахло государственной изменой, а это предусматривало лишь одно наказание — эшафот. Адам никогда не видел казни, но перспектива стать её непосредственным участником совсем не улыбалась юному виконту.

Если обман раскроется, а это непременно произойдёт, когда Ошу каким-то чудом удастся победить, дом Олдри ждёт позор и изгнание. И это в лучшем случае. Что сказала бы его мать, если бы узнала об этой аванюре? Что сказал бы его покойный отец?

Перед Адамом снова и снова возникал нелёгкий выбор. С одной стороны было бесчестье его семьи, с другой — сделка с совестью. Он мог бы подрезать ремни седла Оша, чтобы тот свалился с лошади и проиграл. Мог бы выдать орков страже. Мог бы склонить их к побегу.

Все эти мысли копошились в голове юноши, как клубок ядовитых змей. Да, он мог бы это сделать ради матери, ради наставника, ради своей крохотной сестры. И жить с этим до

конца своих дней. Однако отец воспитал его по-другому.

Некоторые вещи должны быть сделаны не потому, что они удобны. Не потому, что они делают жизнь легче. Не потому, что они принесут благо тебе и твоей семье. Они просто должны быть сделаны, потому что так будет правильно.

В конце концов, если бы Ош не вступился за них тогда, на старой дороге, они с учителем уже давно были бы мертвы!

Немного воодушевившись этой мыслью, Адам вернулся к фургону. Он отдал своё будущее в руки судьбы. Возможно, сегодня Ош проиграет и его опасения окажутся напрасны...

Однако первый же бой орка, состоявшийся утром, показал Адаму, что судьба бывает весьма коварным помощником.

Сир Мальтус Донахью, известный балагур и охотник до женских прелестей, так бурно отмечал свой вчерашний триумф, что проснулся в жесточайшем похмелье. Разумеется, перед тем, как лезть на лошадь, он решил утопить свою головную боль в паре кружек эля. Проблема благородного мужа заключалась в том, что, взявшись за ручку первой кружки, ему было невероятно трудно остановиться.

Сквайры с величайшим трудом погрузили своего господина на боевого скакуна, но это оказалось бесполезно. Когда Ош с копьём наперевес помчался в сторону соперника, захмелевший рыцарь просто вывалился из седла. Оказавшись на земле, сир Донахью победоносно захрапел. Под гомон и улюлюканье толпы его унесли, присудив победу Ошу в образе Юстаса Олдри.

Наблюдая за происходящим, Адам чувствовал, как внутри у него всё холодеет. Казалось, сама удача была на стороне орка. Ему оставалось выстоять ещё три боя. Три боя — до победы Оша и крушения всяких надежд юного виконта.

— Приведите их в фургон, молодой господин, — тихо шепнул Адаму наставник. — Нужно кое-что обсудить.

Юноша рассеянно кивнул и двинулся к оркам.

Попросив Зору проследить за тем, чтобы их никто не подслушал, Локвуд завесил вход плотной тканью, зажёл свечу и начал:

— Помните лорда Пуля?

Адам и Ош дружно кивнули.

— Следующий бой будет против его племянника, Арона Пуля, представителя Мельничного удела.

Адам начал подозревать, о чём пойдёт речь.

— Сегодня утром лорд Пуль говорил со мной. Он предлагает нам проиграть. Не бесплатно, разумеется.

Кулаки Адама сжались так, что костяшки пальцев побелели. Этот толстяк думал, что может купить его отца, словно какого-нибудь гуся на рынке!

— Сколько он даёт? — спросил Ош ровным, ничего не выражающим голосом.

Даже сейчас орк был в стёганом подшлемнике на тот случай, если кому-то удастся миновать Зору, застав их врасплох. Он изнемогал от жары, но риск был слишком велик.

— Это... внушительная сумма, — признался Локвуд. — Хотя она значительно уступает призовому фонту турнира.

Ош молчал. Адам решил, что орк ждёт его реакции.

Это предложение вновь оживило утренние размышления, да ещё соблазняя неожиданной

выгодой. Согласись они, и всё будет кончено. Обман останется нераскрытым. Адам получит деньги, необходимые для поддержания поместья, сохранит доброе имя семьи.

«И Ош упустит единственный шанс на аудиенцию короля», — хмуро подумал он.

Но что это будет за доброе имя, о котором он так печётся? Рано или поздно о подкупе станет известно. Секрет, о котором знают двое, уже не секрет. Он покроет позором почившего отца. Об Олдри будут отзываться как о продажных женщинах, готовых на всё за звонкую монету.

Нет, Адам не мог этого допустить. Пускай он упустит шанс разбогатеть, зато сохранит честь. И... в конце концов, если этот Арон добрался до третьего боя, он наверняка неплохо владеет пикой и сможет одолеть Оша в честном бою.

«Если его дядя не подкупил всех предыдущих соперников», — горько улыбнулся про себя юноша.

— Передай ему, наставник, что нам лестно его предложение, но мы вынуждены отказаться, — произнёс он вслух.

Лицо Оша закрывала стёганая маска, и Адам не мог его видеть, но по выражению разноцветных глаз юный виконт понял, что орк улыбается.

Локвуд не стал спорить. Он слегка поклонился своему господину и выбрался из фургона. Старик наверняка был согласен с этим решением.

* * *

К обеду лидеры, определившиеся в первый день турнира, сохранили свои позиции.

Когда вновь настал черед Оша братья за пику, соперник уже ждал его на ристалище. Из-под поднятого забрала на орка надменно смотрел стройный юноша. На его румянном лице только-только пробился первый пушок, намечавший будущую бороду. Шлем юного рыцаря украшал яркий плюмаж из красных петушиных перьев. Крепкого боевого коня покрывала попона из тонкого сукна цвета молодой травы.

Несмотря на правила турнира, запрещающие рыцарю иметь более трёх сквайров, вокруг Арона Пуля суежилась целая армия челяди.

Небо прояснилось. В его бесконечной синеве то и дело мелькали чёрные птицы.

Ош оседлал лошадь, которой так и не дал никакого имени. Ноздри орка жадно втянули ветер, в котором угадывался запах соснового леса.

Адам вложил в его руку турнирную пику. Зора позаботилась о щите.

Он хотел что-то им сказать, но тут прогремел первый трубный сигнал, призывающий слуг отойти от всадников.

Когда бронза пропела второй раз, Ош пустил лошадь в галоп.

Несущиеся друг на друга кони тяжело дышали, взрывая землю подкованными копытами. Как и вчера, Ош целился в грудь своего соперника. Стук крови в ушах смешивался с топотом, напоминая гулкий бой барабанов. На лбу выступила испарина. Реальность начала расплываться перед глазами.

«Нет, — панически подумал Ош, — только не сейчас...»

Удар чуть не выбил его из седла. Боль тупо ударила в переносицу. Перед глазами вспыхнули тёмные пятна. Щепки брызнули в разные стороны.

Когда орк остановился на другом конце ристалища, он опустил полубезумный взгляд на свою пику. Турнирное оружие было предательски целым.

Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, Ош потянул за уздцы, разворачивая лошадь. Он всё ещё был в седле. Всё ещё мог сражаться.

Выждав, пока его соперник выйдет на исходную позицию, Ош вновь ринулся в его сторону. Где-то рядом оглушительно ревела жадная до зрелищ толпа.

На этот раз удар пришёлся вскользь, и пика сира Пуля осталась целой. Впрочем, Ошу так и не удалось достать этого прыткого юнца. Зато он заметил, что парень целит в одно и то же место, чуть пониже правого плеча. Локвуд рассказывал ему об этом. Некоторые воины, особенно юные и неопытные, выучивают два-три нужных движения до автоматизма. Иногда это позволяет застать их врасплох.

Они вновь были на стартовых позициях. Взмывшие лошади возбуждённо фыркали.

Всадники сорвались с места одновременно. Толпа взорвалась криками, предвкушая развязку. Захмелев от азарта, люди наперебой выкрикивали имена соревнующихся рыцарей, желая им то славы и богатства, то бед и отчаянных невзгод.

В момент столкновения Ош прижался к лошади. Тупой наконечник лишь чиркнул по его правому наплечнику, оставив там несколько новых царапин. В это мгновение копьё орка поднырнуло под вытянутую руку соперника, тяжело ужалив рыцаря в правый бок.

Следовало отдать должное упорству Арона Пуля. Получив такой сокрушительный удар, юноша почти доехал до конца разделительного бортика, прежде чем его закованное в доспехи тело рухнуло на землю.

Отбросив в сторону треснувшую пику, Ош кое-как слез, почти сполз на землю, когда глашатай уже объявлял победу Юстаса Олдри. К нему подошёл Адам, на котором практически не было лица.

— Что с тобой? — спросил Ош.

Орк не особенно опасался, что их кто-то услышит в гомоне толпы.

— Я только что узнал имя твоего следующего соперника.

Ош никак не мог понять, что за переживания владеют этим замкнутым юношей. С того момента, как они прибыли на ристалище, он был сам не свой.

— Это сир Филипп Дрогнар, — закончил Адам.

Глава девятнадцатая. Право меча

Достопочтенный сир Рейли, с горечью сообщаем вам, что брат ваш Дирон скончался восьмого дня месяца рыбы сего года от ран, полученных на королевском турнире. И пускай это прозвучит для вас слабым утешением, он бился храбро и достойно, не посрамив благородного имени. Корона скорбит вместе с вами.

Письмо королевского секретариата, 831 год эры человека

Вскоре после падения Арона Пуля король объявил перерыв. Решающие поединки должны были состояться ближе к вечеру, когда солнце уже не будет слепить лошадей и их наездников.

Чтобы выяснить участников решающей схватки, Малькольму Редклифу предстояло скрестить пики с Мэтью Дювалем. Сира Юстаса Олдри ожидал человек-гора по имени Филипп Дрогнар.

Ош решил воспользоваться перерывом, чтобы перекусить. Наблюдая за лавочниками, орк заметил, что они стали гораздо любезнее. Каждый хотел приобщиться к славе возможного победителя.

«Да уж, в случае моей победы слава вам точно обеспечена», — злорадно подумал Ош.

После того как Локвуд купил всё необходимое, они вернулись к фургону и поели. Яйцо, свежий хлеб, овощи, копчёное мясо. Столичная пища была значительно вкуснее походных харчей.

Утолив голод, Ош с Адамом отошли на окраину шатрового городка, чтобы поупражняться в фехтовании. Несмотря на юный возраст, Адам Олдри неплохо владел мечом. Во всяком случае, так думал неискушенный в ратном деле Ош.

— Милорды...

Это неожиданное обращение заставило их прервать тренировочный бой.

Из тени шатра показался человек, облачённый, как и Ош, в полную броню с закрытым шлемом. Судя по всему, это был рыцарь, хотя орк и не помнил, чтобы тот принимал участие в турнире. Незнакомец примирительно поднял руки, демонстрируя пустые ладони.

— Я пришёл к вам как друг.

— Представьтесь, сир.

В голосе Адама звучало недоверие. Юноша всё ещё слишком хорошо помнил оскорбительное предложение лорда Пуля.

Стоящий рядом с юношей Ош сохранял смиренное молчание, как и полагалось человеку, скрепившему свои уста священным обетом.

— Моё имя несущественно. — Человек учтиво поклонился. — Однако если вам интересно, я имею честь быть рыцарем Пламенеющего замка. У меня есть для вас предостережение.

— Предостережение? — холодно переспросил Адам, решивший, должно быть, что на этот раз им будут угрожать. — Касательно сира Дрогнара?

— Нет. Касательно Мэтью Дюваля.

— Но наш следующий поединок не с ним, — опешил Адам.

— Это верно, и, быть может, моя речь опережает события, которые так и не произойдут.

Однако заклинаю вас: если судьбе будет угодно сделать вашим финальным противником Дюваля, ни в коем случае не прибегайте к праву меча.

— Почему? — спросил Адам, которым теперь двигало любопытство.

— На прошлогоднем турнире он скрестил пики с юным северянином. Кажется, его звали сир Рейли. Во втором заезде Рейли оказался на земле, но он отверг поражение, воспользовавшись правом меча.

— И что было потом?

— Потом отец сира Рейли получил тело сына в деревянном ящике.

Повисло молчание.

— Послушайте, я не желаю вас оскорбить, но я видел, как вы владеете мечом. — На этот раз рыцарь смотрел на Оша. — Если вы поднимете клинок против этого человека, сын похоронит вас на следующий день.

В этих словах не было ни спеси, ни нахальства, ни вызова. В них звучали искренняя забота и участие. Быть может, именно поэтому они достигли сердец слушателей.

— Мы признательны вам за это предупреждение. — Адам Олдри уважительно поклонился рыцарю. — Позвольте спросить, чем мы заслужили вашу благосклонность?

— Ничем, — прямо признался незнакомец. — Скажу только, что у вас есть сторонники, и, возможно, когда-нибудь я попрошу об ответной услуге. Тогда, надеюсь, ваша честь не позволит вам забыть этот разговор.

Ош заметил, что, произнося эти слова, рыцарь смотрел не на него, а на Адама.

— Вы сможете располагать мной, сир, если это будет в моих силах, — пообещал юноша. Благородные слова благородного сердца...

— Да озарят ваш путь Древние, милорды!

Рыцарь откланялся. За ним развевался на ветру плащ с изображением чёрного волка, пронзённого копьём. Вернее, кто-нибудь другой наверняка принял бы это животное за волка, но только не Ош. Кто-кто, а орк всегда и везде мог узнать варга.

После того как они остались наедине, Ош немного расспросил Адама о праве меча. Это был древний людской обычай, по которому проигравший мог оспорить право победителя, вызвав его на смертельный поединок. Чем-то он странно напоминал обычай орков, наделявший воина властью вождя племени по праву сильнейшего.

Вернувшись в компанию Локвуда и Зоры, они узнали, что поединки возобновлены. В ходе ожесточённого противостояния Мэтью Дюваль одержал верх над наследником герцога Редклифа. Правда, ему так и не удалось обрушить чёрного рыцаря на землю. Три сломанные пики Дюваля против одной герцогской были для первого меча Востока слабым утешением.

Молвили, что после своей победы Мэтью Дюваль подъехал к королевской трибуне, предложив дружеский поединок Джону Гарену, бессменному капитану королевской гвардии, за которым давно закрепилась репутация лучшего меча королевства. Однако сир Гарен отверг это предложение, заметив, что ничего и никому не собирается доказывать.

Поединок Дюваля и Редклифа натолкнул Локвуда на внезапную мысль. Он предложил Ошу сломать о широкую грудь Дрогнара три пики, чтобы победить по очкам. Адам же не разделял его энтузиазма.

Конечно, в словах старика был здравый смысл, но, если этому гиганту удастся хоть один удар, Ош окажется на земле быстрее, чем спелый жёлудь, падающий с дуба. Поэтому, когда на ристалище перед ним появился огромный, с ног до головы покрытый тяжёлой бронёй всадник, в голове орка начал складываться другой план.

Посмотрев на тёмно-фиолетовый сюрко Дрогнара, украшенный изображением головы кабана, Ош вспомнил, как его погибшие родичи охотились на этих неистовых созданий. Свирепые толстокожие твари, клыки которых напоминали кинжалы, обитали в диких предгорьях, убивая даже волков, если те забредали в их владения. У орков было два способа охоты. Первый — ловушка, в которую заманивали жертву. Если же грозило прямое столкновение, оставалось одно — бить по глазам, единственному уязвимому месту этих чудовищ.

Филипп Дрогнар был похож на одного из таких кабанов. Конечно, будь в руках лук с доброй стрелой или короткий дротик, Ош чувствовал бы себя куда увереннее. Но, даже сжимая неуклюжую турнирную пику, орк всё равно собирался рискнуть и поохотиться. Почему нет?

Вместе с боевым скакуном Дрогнар, должно быть, весил в полтора, а то и в два раза больше Оша и его лошади. По второму трубному сигналу вся эта гора плоти и металла ринулась на орка, как ожившая осадная машина. Толпа неистово ревела, предвкушая славное зрелище.

Ош вспомнил тренировки, которыми его изнурял Адам перед тем, как они отправились в путь. Тогда роль его будущего противника играло полено, подвешенное на пеньковой веревке к дереву. Его размер был лишь немногим больше головы Дрогнара, но Ош всё же как-то умудрялся вонзить в него копьё.

Правда, было ещё одно существенное различие. Полено не могло дать сдачи.

Ош сосредоточился на своих ощущениях. Рука сжимала шершавую, обмотанную кожаным шнуром рукоять пики. Впереди был кабан. Матёрый, безжалостный хищник. Он разорвёт его на куски, если Ош промахнётся.

Порождая длинные чёрные тени, закатное солнце начинало краснеть. В лицо ударил резкий порыв ветра, принеся с собой такой родной и знакомый орку запах леса...

Оказавшись на расстоянии удара, Ош резко вздёрнул копьё вверх, надеясь только на сноровку бывалого охотника и удачу.

Он недооценил Дрогнара. Когда руке уже показалось, что она чувствует отдачу от мощного удара, глаз успел заметить лишь плоский наконечник турнирной пики, стремительно приближавшийся к закованной в латы груди орка.

В следующее мгновение всё погрузилось во тьму.

* * *

Адам с трудом сдержался, чтобы не зажмуриться в последний момент — так велико было его внутреннее напряжение.

Юношу снова разрывали противоречивые желания. Он словно разделился на двоих разных людей. Один страстно хотел увидеть, как тело Оша грохнется в грязь. Другой — из всех сил желал орку победы. Ведь за минувшую зиму Ош стал для него тем, кого он вполне мог бы назвать другом. Точнее, Адам мог бы сделать так, если бы это не противоречило закону и многовековым традициям королевства людей.

Когда всадники сошлись в центре ристалища, какое-то безумное мгновение их массивные силуэты словно танцевали в облаке деревянных щепок. Обе пики достигли цели, и обе сломались, не выдержав удара.

Пика Оша угадила Дрогнару прямо в забрало шлема, вмяв его в лицо рыцаря. Конь честно пронёс ездока ещё несколько шагов, прежде чем гигант рухнул на землю, лишившись чувств.

Лошадь Оша так же продолжала скакать, однако её наездник совсем не походил на живого человека. Обмякшее тело болталось в седле, как тряпичная кукла, но по неведомой причине не падало вниз.

Адам поймал лошадь за сбрую, и ему тут же предстала ужасная картина. Латный нагрудник промялся так, словно по нему изо всех сил врезали двуручным молотом. Обломок копья размером с большой палец торчал в плече орка. Каким-то образом ему удалось пройти через звенья старого кольчужного воротника, безжалостно впившись в податливую плоть.

Ош потерял сознание. Адам понял это с первого взгляда. Вопреки здравому разумению какая-то упрямая сила всё ещё сжимала пальцы орка вокруг поводьев лошади. Что-то невидимое, но почти осязаемое держало его в седле, не давая упасть. Слово упрямство орка жило своей независимой жизнью. Слово оно обладало собственной волей.

Бессознательная хватка Оша была так сильна, что Зоре пришлось перерезать ремни сбруи, чтобы снять орка с лошади. Рядом тут же появились расторопные служители вивария турнира. Не успел Адам ничего сообразить, как они уложили Оша на носилки и направились в сторону лекарского шатра.

Катастрофа. Следуя за подручными вивария, Адам с трудом сдерживал панику, лихорадочно пытаясь придумать хоть какой-то выход.

Рано! Слишком рано! Сейчас они снимут с Оша шлем, и всё будет кончено. Обман раскрыт.

Юноша живо представил крики страха и удивления. Представил, как его хватает королевская стража, обвиняя в измене. Зачем он согласился на это безрассудство? На что они рассчитывали?

Когда процессия вошла в шатёр, Оша сразу переложили на койку для раненых.

— Сходите за виварием, — распорядился один из служителей, протянув руку к шлему Оша.

— Пойдите! — вырвалось у Адама, и все вопросительно посмотрели на него.

Юноша замялся. Что сказать? Как остановить их, не вызвав подозрения? На помощь пришёл его верный наставник.

— Я — виварий, — деловито произнёс Локвуд, стремительно входя под свод шатра. — Оставьте нас.

Служители медлили. Они видели кольцо ключника, но Локвуд не был ни виварием турнира, ни их господином.

— Вон! — не выдержал старик.

Смешавшись под его испепеляющим взглядом, служители ринулись к выходу наперегонки. Когда последний из них покинул шатёр, внутрь вошла Зора. Рука её лежала на боевом ноже, а пылающий взгляд замирал то на Локвуде, то на Адаме, то на раненом Оше. Не теряя времени, ключник строго наказал ей стоять на страже. Сейчас их особенно не волновало, кого признают победителем в минувшем поединке.

Запахнув полог шатра, Локвуд приблизился к Ошу и снял с него шлем, оставив только стёганный подшлемник. Привычным движением опытного вивария старик приподнял веки орка и осмотрел закатившиеся глаза. Сжав запястье Оша, он что-то нашептывал себе под нос.

Несведущие в искусстве исцеления люди поговаривали, что в такие моменты лекари читают свои таинственные заклинания и магические формулы, но Адам знал, что наставник просто считает удары сердца.

Ош был жив, но им владело какое-то злое оцепенение.

Вдруг в шатёр снова ворвалась взволнованная Зора.

— Сюда идут какие-то люди, — выпалила она.

— Я разберусь с ними, — сказал Локвуд, отложив руку Оша. — Побудьте здесь, господин. Зора, ты мне понадобишься.

Они вышли из шатра, и Адам остался наедине с бесчувственным телом Оша. Он хотел снять с него тряпичную маску, чтобы орку было легче дышать.

Что же двигало этим странным существом? Что заставляло его идти на такие безрассудные поступки? Откуда в нём было столько веры в свой народ? Зачем он пытался всё изменить? Что за сила поддерживала его?

Не вполне осознавая, что делает, юный виконт протянул руку к шнуровке, удерживающей подшлемник на голове Оша. Пальцы уже почти прикоснулись к ней, когда голубой и холодный, как недра северных ледников, глаз орка открылся и посмотрел на юношу.

Адам вздрогнул и отдёрнул руку, словно схватился ею за раскалённое железо. Его парализовал ужас. Что-то пугающее было в этом взгляде. Второй глаз орка оказался закрыт, да и сам он явно не приходил в сознание, но эти детали лишь дополняли жуткую картину. Юноша сразу понял, что через это ожившее голубое око на него смотрит совсем не Ош. Столько безумия, ярости, боли и тоски в его мертво-холодных недрах!

Полог шатра запахнулся, и Адам наконец сумел оторваться от страшного живого сапфира. На пороге стояли Локвуд и Зора. Их присутствие сразу успокоило юношу.

— Дювали хотели прислать своего вивария, — объяснил ключник. — Надеялись, что мы не сможем продолжать бой... А может, хотели этому поспособствовать...

— Они боятся нас, — с мрачным удовлетворением подтвердила Зора. — Это хорошо.

— Как он? — осведомился Локвуд, кивнув на Оша.

Адам с трудом опустил взгляд. Лицо орка выглядело неожиданно безмятежным. Оба глаза были закрыты.

— Без изменений, — сдавленным голосом ответил юноша.

Локвуд извлёк из кармана небольшой стеклянный флакончик и, вытащив пробку, поднёс его к лицу Оша. Глаза орка тут же запахнулись, а из его пересохшей глотки вырвался удушливый кашель.

— Ой, извини, — беззлобно рассмеялся старик, убирая флакончик обратно в рукав. — Я совсем забыл, что ваше обоняние гораздо сильнее.

Яростно чихнув несколько раз, Ош смерил собравшихся слегка ошалелым взглядом.

— Что произошло?

— Удача улыбается нам, — довольно ответила Зора. — Ты свалил большого человека. Я видела, как его уносили прочь.

— Значит, — Ош всё ещё пытался перевести дух, — остался только Дюваль?

Адам тут же вспомнил предостережение рыцаря из Пламенеющего замка. Мэтык Дюваль, победитель прошлогоднего турнира, был весьма грозным соперником. Быть может, ему удастся свалить Оша? Тем более что сейчас орк пребывал не в лучшем состоянии. Его покрасневшие глаза слезились от снадобья Локвуда. Правая часть тела выше пояса представляла сплошной синяк. Из плеча всё ещё торчал кусок деревянной пики.

Словно услышав мысли юноши, Ош посмотрел на деревяшку и одним движением вырвал её, бросив на земляной пол.

— Надо зашить рану, — предложил Локвуд.

— Царапина, — буркнул Ош, поднимаясь с постели. — Они не будут долго ждать, верно?

Старик кивнул.

— Тогда идём, — сказал орк и, слегка пошатнувшись, нахлобучил на голову шлем. — Мне ещё нужно кое-кого скинуть с лошади.

Адам подумал, что Ош нарочно храбрится, пытаясь воодушевить себя перед решающим поединком. Одного взгляда на орка хватало, чтобы понять: сейчас он не сможет и соломенное чучело с жерди сбросить. Не говоря уже об опытном бойце.

Покинув шатёр, они вновь оказались на ристалище. Толпа встретила их восторженными возгласами. Первый раз в жизни Адам видел, чтобы столько людей в один голос скандировали его родовое имя.

— Олдри, Олдри, Олдри!

Они не знали, кого они приветствовали на самом деле. Не знали, что скрывал закрытый шлем их кумира. Каждое их слово звучало для Адама упрёком. Он чувствовал себя обманщиком.

В то же время и поклонников Дюваля оказалось не меньше. Зрители разделились на два враждующих лагеря, каждый из которых отстаивал своего героя. Наблюдая за этим, Адам вспомнил, как отец называл турниры «войной в миниатюре».

Публика королевской трибуны была более сдержанна. По понятным причинам ей нельзя было опускаться до уровня простолюдинов.

На другом конце разделительного бортика Дюваль уже ждал своего последнего соперника. Он ещё не надел шлем, и его длинные волосы, развевающиеся на ветру, казались рыжими в свете закатного солнца.

Адам никогда не видел этого человека вблизи, но слышал, будто он невероятно хорош собой, в отличие от своего старшего брата, лорда-покровителя Простора.

Ош попытался влезть на лошадь, но это у него получилось не сразу. Наверняка у орка было сломано по меньшей мере два ребра. Впрочем, он не подавал виду.

Отступить было нельзя. Адам прекрасно понимал это.

Когда Ош наконец оказался в седле, Адам подал ему пику. Он не мог не заметить, как дрогнула рука орка. На мгновение юноше захотелось отговорить его от поединка и увести прочь, пока Ош ещё мог ходить. Но в этот раз турнирное копье было не единственным оружием, которое орк взял с собой.

Адам хотел сказать ему что-то, попытаться остановить, но тут в воздухе раздался трубный рёв, призывавший сквайров удалиться. Король поднялся со своего места, и толпа, заметив это, разом стихла, словно кто-то накрыл её непроницаемым колпаком.

— Добрые люди столицы и дорогие гости, жители Сероземелья, — его спокойный голос проносился над головами собравшихся, словно сам ветер нёс его слова, — мы стали свидетелями силы и доблести достойных мужей, хранящих ваш покой и мир. Сегодня, под светом Древних, я объявляю начало последнего боя этого турнира. Пусть победитель найдёт счастье во славе, а проигравший — в смирении.

Закончив свою речь, монарх дал отмашку глашатаям. Раздался протяжный глубокий звук труб, возвещавший о последнем состязании турнира этого года.

Всадники сорвались с места, будто подстёгнутые ураганом, ударившим в их спины.

Адам не знал, действительно ли зрители затаили дыхание, чтобы не пропустить ни

единого мгновения, или же это он перестал замечать их гомон, полностью погрузившись в ристалище. Юноша понимал, что Ош исчерпал благосклонность фортуны, приведшей его сюда. Даже будучи абсолютно здоровым, он никогда не смог бы одолеть такого рыцаря, как Мэтью Дюваль. Сейчас для победы ему было необходимо настоящее чудо.

И этого чуда не произошло. Как только всадники сошлись на расстояние удара, Ош слетел со своей лошади, как сухой лист, подхваченный ветром. Копьё Дюваля даже не сломалось при ударе.

Падая, Ош угадил на хлипкий разделительный бортик, превратив несколько его центральных секций в груды поломанных жердей.

Дюваль не торжествовал, не радовался победе. Он развернул коня и проехал мимо поверженного соперника, даже не взглянув на него. Похоже, рыцарь был разочарован.

Адам не думал, что на этот раз Ошу удастся подняться самому. Юноша уже был готов выйти на ристалище, когда орк, облачённый в доспехи его отца, восстал из деревянного крошева, как мертвец, поднимающийся из могилы. Неровной походкой он вышел на ту часть ристалища, по которой от него удалялся гордый победитель турнира.

— Рыцарь! — выкрикнул Ош грубым хриплым голосом.

Когда Мэтью Дюваль обернулся, орк обнажил длинный меч.

Глава двадцатая. Лицо под маской

Невзирая на то, что редкие свидетельства всё ещё встречаются в самых потаённых местах нашей страны, мы пришли к выводу, что Морок-Виларум, именуемый также «шагом мертвеца», сгинул во тьме веков. Сегодня невозможно представить, чтобы кому-то удалось возродить его.

Справка из Архива королевского секретариата

Резким движением Дюваль сорвал с головы украшенный позолоченным гребнем шлем и отшвырнул его в сторону. Обнажив длинный кавалерийский меч, он пришпорил коня, помчавшись прямо на Оша.

Адам готов был поклясться, что на лице рыцаря светилась довольная улыбка.

В силу вступило право меча. Древний обычай был выше любых турнирных правил. В поединке сходились двое. В живых оставался один.

Ош терпеливо ждал всадника. Веками орки противостояли карательным кавалерийским отрядам, поэтому он знал, что делать.

Когда рыцарь был уже слишком близко, чтобы остановиться, Ош уронил на землю меч и стремительным движением поднял обломок разделительного бортика. Это был длинный, тонкий ствол молодой сосны.

Когда Дюваль разгадал его план, было уже поздно. Лошадь рыцаря на всей скорости налетела на самодельное копьё, противоположный конец которого Ош надёжно упёр в землю, крепко придавив ногой. Брызнула кровь. Раненое животное истошно заржало и рухнуло на бок, увлекая за собой наездника.

Ош знал, что медлить нельзя. Подхватив из грязи меч, он ринулся на поверженного врага, ударив почти вслепую. Атака не удалась. Первый же выпад орка наткнулся на лезвие кавалерийского клинка.

Сейчас Ош уже не мог понять, почему он решился на это безрассудство. Человек в синем плаще предупреждал, к чему приведёт схватка на мечах, но орк поступил по-своему. Непоколебимый внутренний голос отметал всякую возможность капитуляции. Он запрещал Ошу сдаваться, пускай это даже будет стоить ему жизни. Этот голос принадлежал Безымянному. Дух толкал его вперёд, в пропасть.

Ош яростно набросился на своего соперника, но каждый его удар либо рассекал воздух, либо приходился на меч Дюваля. Человек будто насмехался над ним, позволяя атаковать себя. Наконец рыцарю наскучила эта забава. На Оша обрушился целый шквал сокрушительных, непредсказуемых ударов. Панически отступая, орк отбивался, как мог. Не успел он сообразить, как меч вылетел из его руки, а в плече вспыхнула острая боль.

Клинок Дюваля ударил в то самое место, где под повязкой скрывалась рана, нанесённая обломком копья Дрогнара. Тонкое, длинное лезвие прошло через плечо орка насквозь. Из раны брызнула тёмная кровь, вместе с которой Оша покинули последние силы.

Надавив на меч, рыцарь заставил поверженного соперника опуститься на колени. Зрители, наблюдавшие за схваткой, затихли, в надежде уловить слова, произнесённые её участниками. Стража, охранявшая королевскую трибуну, пришла в полную боевую готовность, но не вмешивалась, уважая древний обычай.

— Это было глупо, друг мой, — произнёс холодный и надменный голос Дюваля. — Скажешь что-нибудь перед смертью?

Ош уже не слышал этих слов. Он провалился в небытие, и в этот самый момент его безжизненно висящая левая рука со страшной скоростью метнулась вверх. Облачённая в кольчужную перчатку ладонь врезалась в подбородок Дюваля так, что рыцарь отлетел назад, невольно высвободив меч из плеча Оша.

Оправившись от неожиданности, Дюваль вновь попытался атаковать, но поверженный и израненный противник каким-то образом отразил его удар, сжимая свой меч в здоровой руке. Он поднялся с колен, как оживший памятник, как мертвец, в которого неведомая воля вновь вдохнула подобие жизни. Теперь он двигался совершенно иначе. Такой опытный фехтовальщик, как Мэтью Дюваль, не мог не заметить этой перемены.

Её заметил не только он. Наблюдавший за поединком Адам сразу вспомнил безумный голубой глаз, уставившийся на него в шатре вивария. Он провёл достаточно боёв с Ошем, чтобы понять: сейчас телом орка управлял кто-то другой. Что-то другое.

Вновь оказавшись на ногах, Ош встал в странную боевую стойку. Повернувшись к своему сопернику боком, он широко расставил полусогнутые в коленях ноги и поднял меч над головой. Раненая правая рука безвольно свисала, но, казалось, это ничуть не беспокоило внезапно ожившего бойца.

Фигура с мечом что-то смутно напомнила Адаму.

В толпе раздались отрывистые вздохи.

Дюваль хотел повторить атаку, но не смог двинуться с места. Из тёмной щели шлема на него смотрели два сверкающих голубых глаза. Их взгляд словно промораживал до костей. В нём Мэтью Дюваль узрел неминуемую гибель.

Ош сорвался с места, как выпущенная из лука стрела, налетев на своего недруга вихрем стальных лезвий. Казалось, его меч — везде. Орк защищался и атаковал одновременно. Зрители видели не просто фехтование, а прекрасный и неумолимый танец истребления. Ему невозможно было противостоять. Он смёл бы любого, но Дюваль не зря носил титул первого меча Востока.

Минуту-другую рыцарю удавалось сопротивляться, пока почва не ушла у него из-под ног. Прежде чем упасть, Дюваль почувствовал болезненный укол. Поднырнув под латную защиту, клинок противника пригвоздил его к земле. Закалённая сталь продырявила правое плечо рыцаря точно там, где сам он ещё недавно поразил своего соперника.

— Невозможно, — растерянно прохрипел Дюваль, но его противник остался безмолвным.

Он нависал над ним, словно надгробная статуя. Глаза, пылающие холодным огнём в тёмных недрах шлема, не могли принадлежать ни одному живому существу. Окровавленная рука, сжимающая меч, занесла его для последнего решающего удара.

— Ош!

Клинок остановился.

Никто не понял, что это кричал Адам Олдри: все взгляды были прикованы к необычному поединку.

Меч упал в грязь. Ледяные глаза неведомого чудовища погасли. На Оша навалилась всепоглощающая усталость. Он едва не рухнул на землю.

Адам наконец выбежал на ристалище и остановился рядом с орком, пытаясь перевести дух.

— Тебе не нужно этого делать, — тяжело дыша, произнёс он. — Ты уже победил.

Как пьяный, Ош проковылял мимо него, направляясь в сторону королевской трибуны. В памяти всплыло раскисшее осеннее поле и куча мёртвых тел, которые когда-то были его племенем, его семьёй. Он не боялся смерти, потому что уже был мертвецом.

— Ош? — Юноша взволнованно посмотрел ему вслед.

Впереди сгрудились стражники, оцетинившись заточенной сталью. Арбалетчики провожали его через прицелы заряженных самострелов.

Остановившись перед трибуной, Ош собрал остатки сил и, подняв левую руку, стянул с себя шлем вместе с подшлемником.

Бездну эмоций породил этот простой жест на лицах высокой знати. Страх, удивление, любопытство, смущение, отвращение, гнев — всё было здесь. Лишь непроницаемое лицо короля осталось невозмутимым.

Ош посмотрел на небо, думая о том, что, вероятно, это последний раз, когда у него есть такая возможность. Потом он заговорил:

— Ваше величество, меня зовут Ош. Двадцать девять зим назад я родился в племени, которое пало под королевскими мечами. Но по праву победителя турнира прошу за свой народ, король людей. Нам нужны земли и мир. Мы устали прятаться по пещерам и голодать.

Оша аккуратно обступала стража, внимательно наблюдая за каждым его движением. Все они только что были свидетелями того, на что способно это странное существо.

Скривившись от боли, Ош опустил на одно колено.

— Именем Древних и Серого престола я, Ош из племени Ургаша, самолично присоединяясь к воинству его величества, даю суровую клятву добровольного и строгого послушания...

— Святотатство! — воскликнул кто-то из знатных вельмож.

— Убейте эту тварь! — поддержал его нервный женский голос.

— Коим обетом показываю твёрдое и несокрушимое желание посвятить меч, силы, жизнь и всё прочее делу служения престолу, королю и его подданным, — упрямо продолжал Ош, игнорируя выкрики толпы, жалящие его, как стрелы.

— Пускай молвит! — донеслось откуда-то из-за спины.

— Башку ему срубить, и все разговоры! — возразил другой голос.

— Колдовство! — кричал третий.

В поднявшемся геме мало кто мог расслышать, как Ош перечислял древние государственные эдикты и имена давно почивших героев, которыми он скреплял клятву исполнять долг гражданина и всякого доброго человека.

— Довольно! Схватите его! — кричал кто-то на королевской трибуне.

Стража повиновалась только монарху и капитану дворцовой стражи. Конрад II Серокрыл всё так же бесстрастно смотрел на орка, произносящего древнюю клятву. За его спиной, как призрак, стоял неприметный человек в безликом сером одеянии.

— В этом, перед королём и всяким знатным человеком, здесь присутствующим, я клянусь. Клятву сию подписываю и запечатываю на челе кровью.

Мазнув пальцами по ране, зияющей в плече, он начертил на лбу кровавую чёрную линию. Таким образом, дело было сделано. Ош исполнил всё, зачем он пришёл сюда. Остальное было в руках короля и самой судьбы.

Монарх поднял раскрытую ладонь, призывая к молчанию.

— Король говорит! — тут же хором откликнулись королевские герольды,

рассредоточенные по всему ристалищу. — Король говорит!

Наступила тишина. Ош не без удивления наблюдал, как бушующее людское море подчиняется жесту одного человека. Непостижимое проявление власти и послушания.

— Это всё, что ты хотел сказать, орк? — спросил монарх ровным, спокойным голосом.

— Нет, — признался Ош. — Люди, с которыми я прибыл сюда. Виконт Адам Олдри и его почтенный ключник Локвуд. Они ни в чём не виноваты. Я добился их помощи обманом и угрозами. Прошу не карать их за мои проступки.

— Это ложь! — раздался звучный юный голос.

Через кольцо стражников протиснулся Адам, упав на колено рядом с Ошем.

— Ваше величество, — горячо обратился юноша к королю, — я помогал ему добровольно.

Ош удивлённо посмотрел на Адама. Слова грозили ему огромными неприятностями.

— Измена! — крикнул кто-то на трибуне, но другие не поддержали его.

— Я понимаю, что вы видите перед собой лишь орка, — продолжал Адам, — но я клянусь своей честью, что в его груди бьётся благородное сердце. Я обязан ему своей жизнью и жизнью своего любимого учителя. Помочь предстать ему перед справедливым судом вашего величества — мой долг виконта и верноподданного.

Над ристалищем снова воцарился хаос. Со стороны простых зрителей в сторону Оша летели огрызки, овощи и куски навоза. Орк не мог не подумать о том, как быстро толпа меняет свои вкусы. Как ребёнок, она жила настроением момента. Хорошо ещё, что стражники и королевский авторитет сдерживали её от самосуда.

Человек в сером костюме наклонился к королю, что-то прошептал ему на ухо. Монарх выразил согласие сдержанным кивком.

— Вина велика, — произнёс правитель. — Есть ли здесь человек, который встанет за них?

Разумеется, король имел в виду титулованного защитника, не относившегося к простонародью.

— Ищи дурака! — долетело с другой стороны ристалища.

— На плаху их! — поддержал его другой голос. — На плаху!

Словно повинувшись кровожадной воле толпы, кольцо стражников, окружавшее две одинокие фигуры, начало неумолимо сужаться.

Ош нигде не видел ни Локвуда, ни Зору, и это ему нравилось. Старику наверняка ничего не грозило, но он не хотел, чтобы девушка пострадала, когда дело примет дурной оборот. В конце концов, это он был виноват в том, что она оказалась здесь.

— Зачем ты сделал это, человек? — тихо прошептал он, но Адаму всё равно удалось услышать его.

Простой и вместе с тем трудный вопрос. Юноша и сам пока что не слишком хорошо представлял себе, как следует на него ответить.

— Потому что это правильно, — сказал Адам, вспомнив своего отца.

Глава двадцать первая. По воле Каролины

Любовь... Как часто она требует от нас жертв. Толкает на риск, на который иначе мы никогда бы не осмелились. Сир Ван Дейк, мой лесной рыцарь, мой друг... Не знаю, позволила бы я ему сделать это сегодня, но тогда я была молода и не ведала, какой опасности он подвергал себя, защищая моё хрупкое сердце.

Каролина Тибальд. «Дневник памяти»

Они не прислушались к его совету. Однако всё закончилось совсем не так, как он предполагал.

Ван Дейк поспешно поднимался по королевской трибуне, представляя, бурю переживаний в душе его юной госпожи...

На пути встретился нерасторопный слуга, следящий за тем, чтобы в господских кубках всегда было вино. Ван Дейк бесцеремонно отпихнул его в сторону.

Каролина, закрывшись вуалью цвета морской волны, наблюдала за ристалищем с замиранием сердца. Она собиралась что-то сказать, но Ван Дейк остановил её. Твёрдая, но нежная рука рыцаря легла на плечо девочки, и та почувствовала себя намного спокойнее.

— Ваша мать здесь, — шёпотом напомнил ей рыцарь.

Графиня Тибальд действительно сидела на расстоянии вытянутой руки, но совершенно не обращала внимания на дочь. Вцепившись в кресло, она кровожадно наблюдала за разворачивающейся внизу драмой.

Сначала все стали свидетелями невероятного, фантастического поединка, в котором Мэтью Дюваль, один из лучших мечников королевства, был повержен в какие-то считанные мгновения. Потом оказалось, что победителем, скрывающимся под именем виконта Олдри, оказался орк.

Неслыханная история! Всё это очень походило на трактирную байку. Однако орк, назвавший себя Ошем, стоял перед ними раненый, но живой. Когда же через кольцо солдат к нему пробрался Адам Олдри, юный виконт, встав на защиту этого ужасного создания, дело приняло и вовсе немыслимый оборот.

Девочка обратила к воину бледное, испуганное лицо. В её больших серых глазах застыла немая мольба.

Ван Дейк понял, что ему нужно сделать, но Каролина не смела попросить его об этом.

— Вам стоит лишь приказать, миледи, — шёпотом сказал он, опустив руку на её головку: он всегда делал это, когда его подопечная нуждалась в утешении.

В этот момент над ристалищем прозвучал величественный голос короля:

— Вина велика. Есть ли здесь человек, который встанет за них?

— Прикажете мне, — уже более твёрдо сказал Ван Дейк, понимая, что сейчас Каролина боялась не только за Адама Олдри, но и за него самого.

Ристалище затопил гомон толпы. Упрёки и проклятия сыпались на орка с тем же усердием, с каким эти люди ещё недавно превозносили его.

Каролина произнесла одно слово, на которое ушли все её душевные силы. Оно тут же утонуло в буре людских голосов, и Ван Дейк не услышал его. Однако рыцарь прекрасно умел читать по губам. Не медля ни минуты, он бросился вниз, туда, где орку и его юному другу

грозила неминуемая гибель.

Это было слово «приказываю».

— Я сделаю это.

Голос Ван Дейка прогремел с такой силой и жёсткостью, что толпа тут же стихла, словно захлебнувшись чёрной желчью.

Кольцо стражников расступилось, пропуская одинокого рыцаря внутрь. Как всегда, он был в полном боевом облачении. С голубого плаща на окружающих скалился умирающий варг, пронзённый охотничьим копьём.

Ван Дейк прекрасно понимал риск, но он не мог позволить умереть этому юноше на глазах Каролины.

Краем глаза он заметил, как к девочке обратилось искажённое гневом лицо графини.

«Ну и ладно, — подумал он, — разберёмся с этим позднее».

— Меня зовут Крейг Ван Дейк. Я — рыцарь и телохранитель леди Каролины Тибальд. — Сказав это, он обнажил меч и, вонзив его в землю, опёрся на гарду обеими руками. — Милорды, если вы хотите пролить кровь обвиняемых, я буду иметь честь атаковать вас.

Повисло густое молчание. Стражники понимали, что рыцарь не шутит. Если король не проявит снисходительности, им придётся биться с этим человеком насмерть.

Внезапно над их головами пронёсся ещё один голос:

— Я сделаю это.

Вооружённые люди вновь вынуждены были расступиться, и внутрь круга шагнул рыцарь со смутно знакомым Ван Дейку лицом.

— Меня зовут Анри Гедеон. Я — вольный рыцарь на службе Демиона Бейлора, и мне выпал жребий скрестить пику с этим орком. Пускай он — самозванец, но это был честный и добрый бой, а потому, по законам чести, я не могу остаться в стороне. — Он вонзил меч в землю. — Всякий, кто захочет пролить его кровь, будет иметь дело со мной.

Ван Дейк никак не рассчитывал на то, что кто-то ещё будет столь безрассуден, чтобы вступить за обвиняемых. Хоть он и не знал сира Гедеона, его поддержка давала надежду.

Поднявшему глаза Ван Дейку показалось, будто король удовлетворённо кивнул. Рыцарь даже позволил себе подумать, что монарха отчего-то порадовал подобный исход.

Поднявшись со своего места, Конрад царственно вскинул руку. Тут же прозвучали оглушительные выкрики герольдов, призывавших к тишине.

— Что ж, — протянул монарх, окинув взглядом подданных, — согласно древнему закону и велению чести, наше королевское величество явит милосердие. Не будут ли возражать доблестные защитники против справедливого королевского суда?

Оба рыцаря припали на колено, упираясь на мечи.

— Воля короля! — в один голос произнесли они.

Ван Дейк понимал, что это всё, на что они могли рассчитывать.

По знаку короля стражники увели Оша и Адама прочь. Должно быть, они сопровождали их в тюремную повозку, которая всегда и везде следовала за королевской свитой.

Ван Дейк вернулся на трибуну, которая уже начинала пустеть.

Турнир закончился, и знать устремилась в замок, где король давал великолепный пир.

Впереди бирюзовым видением маячила одинокая фигурка Каролины. Сейчас рыцарь больше всего на свете хотел утешить её.

Внезапно его плечо сдавила твёрдая хватка тонких, но сильных пальцев.

— Миледи? — без особого удивления приветствовал он графиню.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделал, глупец?

В её голосе был хорошо знакомый ему яд, а красивые глаза пылали яростью.

— Разумеется, миледи. Только что я, возможно, спас двоих несчастных.

— В дурачка поиграть решил? — Взгляд графини превратился в две злобные щели.

— Миледи? — переспросил Ван Дейк, делая вид, что не понимает, о чём идёт речь.

— Собирайтесь. Сегодня же вы едете домой. Чтобы духу вашего в столице не было!

— Как вам будет угодно, графиня.

Наконец рука, больше напоминавшая когтистую лапу хищной птицы, разжалась, позволив ему уйти. Ван Дейк обнял Каролину, и они ещё долго стояли так, пока знатные гости уезжали, а простонародье готовилось к гуляньям.

— Я так испугалась, — призналась девочка, с трудом сдерживая слёзы.

— Я знаю, моя леди. Простите меня.

В конце концов всё получилось не так уж и плохо. Избранник Каролины получил шанс на спасение, а они возвращались домой, в Пламенеющий замок.

Конечно, Ван Дейк понимал, что графиня непременно отомстит ему при первой же возможности, но это будет потом.

А сейчас имела значение лишь улыбка Каролины. Только она одна.

Глава двадцать вторая. Хранительница очага

Судьба многолика. Нам не дано узнать, как наши поступки отзовутся в грядущем. Порой добро и милосердие рождают кровавого тирана, а вопиющее злодейство спасает целые народы.

Каролина Тибальд. «Дневник памяти»

Холодная сталь кандалов больно врезалась в кожу, но Эдуард упрямо продолжал идти вперёд. Его силы были на исходе. Живот скрутило от голода, а дни и ночи сливались в бесконечную череду боли, холода и усталости.

Но он не сдавался, снова и снова переставляя ноги с упорством обречённого. Этому научила его каторга. Жестокий, но эффективный наставник.

За спиной раздался глубокий утробный кашель, от которого и самому Эдуарду становилось ещё хуже. Он решил немного передохнуть, остановившись у русла замёрзшего ручья. Руки отпустили цепь, обматывавшую изголовье самодельных волокуш.

Волки, заставшие их в пещере во время бурана, действительно ушли, как только погода стала лучше. Однако последствия снежной бури оказались куда страшнее и коварнее, проявив себя только на следующий день.

Сначала Эдуард заметил, что Ярви стал отставать и спотыкаться. Потом проявились первые симптомы недуга: кашель, насморк, жар. Какое-то время Трёхпалый отшучивался, но ему стремительно становилось хуже. Наконец на третий или четвёртый день он начал проваливаться в забытие, теряя сознание. Тогда Эдуард понял, что скоро Ярви просто не сможет идти самостоятельно.

Наверняка вор опасался того, что такие мысли могут посетить напарника. С каждым днём больной был всё ближе к тому, чтобы превратиться в мёртвый груз. Задумай юноша избавиться от балласта, ему ничего не стоило бы это сделать. Но Эдуард Колдридж был человеком чести.

Когда Ярви ослаб настолько, что уже не мог встать, Эдуард нёс его на себе. Быстро поняв, что это отнимает слишком много сил, юноша соорудил из елового лапника простенькие волокуши. Утеплив нехитрую конструкцию сухим мхом, которого в этих лесах было более чем достаточно, он погрузил на неё своего товарища, прикрыв его сверху всё теми же еловыми ветками.

Теперь беглые каторжане оставляли на неглубоком снегу широкий след, по которому их легко могли бы отыскать стражники. Эдуард надеялся, что этого не произойдёт, ведь Гнездо Олофа осталось далеко позади.

Сменив компресс на болезненно-бледном лбу смуглого товарища, Эдуард достал из кармана пригоршню красных ягод. Смесь из брусники и клюквы, которая иногда попадалась ему под снегом. Рот тут же наполнился жадной слюной, а в утробе неприятно заурчало.

Поборов предательский голод, он раздавил ягоды в руке и отправил получившуюся кашицу в рот Ярви, проследив за тем, чтобы его захворавший напарник проглотил всё до последнего семечка.

По сути, познания Эдуарда в лекарском ремесле на этом и заканчивались. Болел он редко, но в его памяти сохранился вкус красных кисло-сладких ягод, которыми в детстве потчевал их с братом придворный виварий Дубового чертога. Это было пять или шесть лет

назад, но сейчас казалось, что с тех пор прошла уже целая жизнь.

С водой было сложнее. Если впереди встречался незамёрзший ручей, Эдуард складывал руки лодочкой, набирая в них студёную влагу, а потом терпеливо ждал, пока тепло его ладоней нагреет холодную воду. После этого он подносил руки к иссохшим и потрескавшимся губам Ярви, стараясь не потерять ни капли.

Сколько дней это уже продолжалось? Три? Четыре? Эдуард потерял счёт. Он спал вполглаза, обнимая разгорячённое лихорадкой тело напарника. Юношей владел страх. Страх того, что он проснётся в обнимку с хладным трупом. Страх того, что посреди ночи он почувствует на горле хватку мёртвых ледяных пальцев. Он боялся увидеть сияющие глаза, через которые на него будут смотреть далёкие и холодные звёзды. Боялся услышать голос бездны, срывающийся с бледных мраморных губ.

Пока что Ярви упрямо цеплялся за жизнь, не желая умирать, но Эдуард с ужасом думал, что каждая ночь может стать для того последней.

В своих мыслях юноша снова и снова возвращался к той проклятой шутке, которую произнёс вор в тайном гроте. Тогда он посетовал, что не хотел бы отгрызть руку Эдуарда, если тот умрёт.

За пояс был заткнут наконечник копья. Не ахти какой острый, но он вполне сможет сойти за нож. Эдуарду не придётся грызть запястье Ярви. Он сможет освободиться от него несколькими точными ударами.

Эдуард в ужасе прогнал подлые мысли, но знал, что они рано или поздно вернутся. Страх, истощение и усталость были на их стороне, и эти коварные союзники становились всё сильнее.

В конце концов, каторжане знали, на что шли. Смерть могла прийти в любой момент. Почему Эдуард должен умирать вместе с Ярви? Быть может, это вообще наказание вору за его преступления. Наверняка в Гнездо Олофа он угодил не просто так.

И всё же... В глубинах его души что-то тёмное желало, чтобы Ярви наконец издал последний вздох. Тогда юноша с чистой совестью сможет освободиться.

Эдуард ненавидел себя. Нет, не за то, что желал смерти товарищу. Он ненавидел себя за трусость, желание остаться с чистенькими руками и совестью.

Правитель не должен вести себя так. Правитель принимает решения и несёт всю тяжесть последствий. Живёт и умирает с ними. Таким был его отец. Лорд, встретивший смерть с высоко поднятой головой. Он не просил пощады. Не жалел о содеянном.

В памяти вновь всплыл образ: глухой удар топора о плаху и вороны, вспорхнувшие над площадью, как чёрные искры.

Они заставили его смотреть на казнь. Лорды всегда были достойны меча. Почему же они использовали топор? Почему забили отца, как животное на бойне?

Внезапно нога провалилась в пустоту. Эдуард утратил равновесие, покотившись по крутому, присыпанному снегом склону, увлекая за собой Ярви.

Больно ударившись плечом, Эдуард рухнул на каменистый берег реки. Сверху навалилось бессознательное тело товарища по несчастью, с рассечённой брови которого капала тёплая кровь.

Трёхпалый был похож на безвольную тряпичную куклу. В нём уже почти не осталось жизни. Зачем же Эдуард продолжал волочить за собой этот труп, словно тянущий его самого на тот свет?

На глазах юноши выступили горькие слёзы бессильного гнева. Он с яростью оттолкнул

от себя постылый груз, поднялся на колени и стремительно выхватил из-за пояса стальной наконечник.

Один удар. Всего одно быстрое движение освободит их обоих. Ярви больше не будет мучиться. Да, Эдуард поможет ему оказаться в лучшем мире. Он сделает это не для себя. Он сделает это для него. Как всё просто. Почему он так долго медлил?

Ободранные руки дрожали. Он не мог опустить клинок. Не мог положить всему этому конец. Даже лицемерные оправдания не могли унять голос совести, грызущий Эдуарда изнутри.

Дело было даже не в долге по отношению к Ярви, который уже не раз спасал его жизнь. Просто юноша знал, что это неправильно. Знал, что настоящий лорд так не поступает.

Металл звякнул о камень. Закрыв лицо руками, Эдуард сотрясался в бессильных рыданиях. На миг он стал маленьким мальчиком, который никак не может справиться с этим большим и жестоким миром. Он чувствовал, как ломается под его тяжестью...

Ярви, лежавший у его ног, истошно закашлял, так и не приходя в себя.

Эдуард поднял на него красные глаза, и тут его взгляд заметил нечто знакомое. Впереди, вверх по течению реки, виднелся изломанный ветром столбик серого дыма, указывавший на то, что там есть люди.

Не медля ни мгновения, не думая о последствиях, юноша взвалил на себя тело Ярви и двинулся к заветному очагу.

Скоро он оказался у невысокой каменной изгороди, поросшей мхом. Она огораживала большую старую усадьбу, принадлежавшую, вероятно, какому-то состоятельному землевладельцу, дела которого теперь шли не так хорошо, как в прошлом. Тёмным силуэтом возвышался массивный трёхэтажный дом, построенный на варганский манер, из трубы которого вился столб дыма. Нижний этаж, сложенный из местного речного камня, поддерживал резной деревянный верх. Рядом находились закрытый колодец, небольшой сарай, по-видимому что-то вроде хлева и конюшни, а также каменное строение, больше всего похожее на кузню.

В голове юноши тут же родился план.

Обитателей поместья нигде не было видно. Эдуард не знал, сколько человек находилось в доме, но его всё равно не могли увидеть через закрытые ставни. Если бы ему удалось пробраться в кузню, он избавился бы от ненавистной цепи и оставил бы Ярви на попечение местного люда, сбежав раньше, чем обитатели поместья смогли бы что-либо понять. Так вор получал шанс спастись, а сам он — возможность продолжить путь на Восток.

Над дворовой постройкой не вился дым, а значит, внутри никто не работал. Открыв тяжёлую незапертую дверь, юноша с трудом сдержал радость. Тусклый свет, проникавший через небольшое окошко, выхватывал из мрака очаг, мехи, наковальню и целый арсенал кузнечных инструментов.

Не теряя времени зря, Эдуард усадил Ярви рядом с наковальней и принялся воевать со сковывавшей их цепью. Когда он наконец нашёл слабое звено, которое вполне можно было разогнуть, снаружи послышались шаги.

Если его схватят, он снова окажется заживо погребённым в тёмном и безнадёжном месте, которое озаряет лишь мертвенный свет промасленных каменных губок. Он будет колоть камни, пока не сойдёт с ума от шёпота мертвецов, преследующих его в непроглядной тьме. Нет, он не допустит этого. Лучше умереть, чем провести так остаток своей жизни!

Лихорадочно орудуя щипцами, Эдуард одолел металлическое кольцо каторжной цепи,

когда петли двери заскрипели. Всё, что он успел сделать, — это спрятаться за ней так, чтобы входящий человек не увидел его. В этот момент Ярви вновь разразился глухим глубоким кашлем, который, казалось, становился всё слабее.

В помещение вошёл стройный юноша, облачённый в домотканую одежду и кожаный фартук. И замер от удивления.

Думать было некогда. Эдуард рванулся из укрытия и, схватив копну русских волос, прижал к горлу пришельца наконечник копья.

— Пикнешь, и ты мертвец.

Его голос звучал так низко, хрипло и злобно, что Эдуард сам не узнал его.

За спиной раздался характерный звук, с которым глиняная посуда разбивается о камни.

Увлекая за собой заложника, Эдуард обернулся. На пороге стояла красивая статная женщина в простой одежде. Её глаза расширились от страха и удивления, а под ногами в осколках кувшина растекалась лужа молока.

— Молчать, — предупредил Эдуард, прижимая острие к горлу юноши.

Он подумал, что, должно быть, это мать его пленника. Но тот нашёл в себе смелость прошептать:

— Бегите, леди Катарина...

— Стоять, — прохрипел Эдуард, чувствуя, что теряет контроль. — Сколько человек в доме?

— Двое, — ответила женщина ровным голосом.

— Ваш муж? — спросил Эдуард и выругался про себя: уж больно уважительное обращение! Нет, разбойники себя так не ведут. Нужно быть грубее и жёстче, или тебя не будут бояться.

— Нет, — призналась леди Катарина, — кухарка и моя маленькая дочь.

Маленькая дочь? Что за вздор? Рука Эдуарда предательски дрожала. Момент, когда он мог перерезать кому-то горло, упущен. А теперь ещё история про маленькую дочку! Наверняка эта женщина просто водит его за нос, ожидая помощи.

Позади умирающий Ярви захлёбывался от хриплого кашля.

— Этому человеку нужна помощь, — участливо произнесла леди Катарина, воскресив в памяти Эдуарда образ матери. — И вам тоже.

Эдуард зажмурил глаза, пытаясь сдержать непрошеную влагу. У него больше не осталось сил. Он был на пределе. Её голос вызывал в душе прилив стыда — и острое понимание неправильно выбранного пути.

— Пожалуйста, опустите нож, — сказала она, сделав короткий шаг вперед, — я обещаю, здесь вам никто не навредит.

Её слова словно проникали в душу. Столько доброты и спокойного достоинства было в них! Эдуард слишком долго находился в страхе и смятении. Слишком долго страдал. Теперь он таял от её тепла, словно свеча, поднесённая близко к огню.

Наконечник копья упал на каменный пол кузни. Вслед за ним на колени повалился сам Эдуард, стыдливо закрывая лицо руками.

— Простите... — полушёпотом сказал он, чувствуя, как его душат слёзы. — Простите меня...

В кого он превратился? В кого они его превратили?

Он ждал, что его ударят. Ждал, что дверь кузни хлопнется, оставляя его внутри. Ждал, что услышит крики и топот людей, которые схватят его и вернут в ту яму, где ему, вне всяких

сомнений, самое место...

Эдуард ощутил аромат сушёных полевых цветов, смешанный с лёгким запахом лука. На плечи легли ласковые женские руки, напоминавшие объятия матери.

— Всё хорошо, мой мальчик, — произнёс мягкий, как тёплое молоко, голос леди Катарины. — Теперь всё хорошо.

Юноша, которого Эдуард ещё недавно держал в заложниках, оказался слугой, его звали Рон. Хозяйка тут же распорядилась расковать цепь и перенести больного в дом.

Когда согнувшийся под весом Ярви Рон покинул кузницу, леди Катарина проводила в дом и самого Эдуарда. Над крыльцом он заметил фигурную дощечку в форме щита. Краска выгорела на солнце, но герб владельцев усадьбы всё ещё можно было разобрать.

Это была золотистая дубовая ветвь на зелёном фоне.

Глава двадцать третья. Владыки судеб

Даже испив до дна чашу гордыни и злобы, Проклинаемый знал, что ему не затмить сияния Древних. И тогда узрел он великое могущество в скверне и тёмной магии. И протянул он руку к чёрному мечу. И познал смерть. И родилось боевое таинство павших, имя которому — Морок-Виларум.

«Заветы Древних»

Двери украшало серебряное изображение венценосного филина, сжимающего в лапах кнут, символизирующий право короля судить и карать своих подданных. Когда створки распахнулись, в мраморный зал вошла герцогиня Редклиф.

Это была уже немолодая, но всё ещё эффектная женщина, лицо которой хранило выражение той редкой мудрости, что доступна лишь матерям и богиням. Роскошное платье красной парчи и тёмные волосы, отливающие медью, подчёркивали снежно-бледную кожу, придававшую своей обладательнице особую изящность и утончённость. В глубине карих глаз тускло мерцали кольца золотистого сияния.

Утреннее солнце проникало в зал через высокие витражные окна, беззвучно прокрадываясь между резными каменными колоннами. В этом радужном свете игриво блестели драгоценности, украшавшие герцогиню. Оправы червонного золота страстно обнимали тёмно-фиолетовые кристаллы чар-камня, редкого самоцвета, добываемого лишь в горных окраинах Мёртвых земель.

Одним словом, Элизабет Редклиф была великолепна.

Рядом с ней появился невысокий, но крепкий человек, голову которого венчал короткий ёжик седых волос. Он трепетно прильнул сморщенными губами к изящной руке герцогини, выражая своё почтение.

По небрежному виду и отсутствию роскоши в одеянии можно было решить, что это один из сотен слуг, следивших за поддержанием порядка в королевском дворце. Однако это было правдой лишь отчасти, ведь на поясе красовалось ажурное кольцо с ключами, символ его высокой должности.

— Вы слишком добры, мастер Хилл, — улыбнулась герцогиня тёплому приветствию. — В том, чтобы встретиться с вами куда больше чести, чем в том, чтобы встретиться со мной. Можете мне поверить, люди вашего ремесла гораздо полезнее герцогинь.

Осанка Пальтуса Хилла, главного вивария и ключника королевского замка, оставляла желать лучшего. Болезнь суставов и долгие годы научных изысканий не превратили его в горбуна, но рядом с изящной гостьей он напоминал одну из каменных горгулий, украшавших фасад резиденции монарха.

Впереди был широкий восьмиугольный стол, за которым уже собрались советники, ожидая появления государя. Вместе с Пальтусом Хиллом, отвечающим за вопросы здоровья и наук, в совет входило ещё четыре человека. Когда герцогиня приблизилась к собранию, присутствующие встали, приветствуя её.

Джонатан Гарен, капитан королевской гвардии, следил за безопасностью во дворце и столице. Главной заботой этого рыцаря всегда была защита жизни и здоровья монарха, однако в его подчинении находилась и вся городская стража Адаманта.

Бритоголовый человек с суровым лицом, облачённый в просторное белое одеяние с

капюшоном, носил имя Яков Орвис. Уже много лет он занимал кресло верховного председателя капитула Наследия, являясь главным духовным лицом королевства.

Герцогиня отметила про себя холодный взгляд первосвященника, которым он встретил её. Многим была известна неприязнь, питаемая Орвисом к жителям Предела.

Кресло генерала Тайкуса Дрогнара пустовало. На турнире его сын серьёзно пострадал, и отец отправился с ним домой, в родовой замок Долдрин.

Последним членом совета был глава купеческой гильдии Ирвиш Дон-Кан. Один его глаз закрывала чёрная шёлковая повязка. Тучный и смуглый мужчина с сильным южным акцентом, он носил крохотную красную шапочку и широкий атласный пояс, делавший его похожим на толстого пирата.

Когда герцогиня заняла гостевое место, в зал вошёл сам король. За монархом неприметной серой тенью следовал секретарь Тул, ведущий протокол заседаний.

— Герцогиня, — король позволил себе сдержанную улыбку, — я рад, что вы смогли присоединиться к нам сегодня.

Все собравшиеся прекрасно знали, что Джон Редклиф, властитель и защитник Предела, редко покидал стены своей крепости. За нелюдимый и мрачный нрав придворные давно прозвали его Чёрным герцогом, что, кроме того, прекрасно сочеталось с его геральдическим цветом. Так или иначе, всеми политическими вопросами и официальными визитами занималась его жена Элизабет.

— А ваш почтенный супруг как-нибудь подарит нам радость своей компании? — позволил себе лёгкую колкость Дон-Кан.

— Мой почтенный супруг, — герцогиня сделала особое ударение на втором слове, — дарит вам гораздо больше.

— Что же это? — поддержал её игру глава купеческой гильдии.

— Ваши жизни. — На лице герцогини расцвела красивая, но зловещая улыбка. — Благодаря тому, что Джон Редклиф остаётся в Крепости Наблюдателя, вы, любезные милорды, можете спокойно спать в своих постелях, не опасаясь ужасов Запределья.

— Надеюсь, вы простите мне мою дерзость, герцогиня, — Дон-Кан слегка склонил голову в сторону на южный манер, как бы призывая к снисходительности, — я постараюсь больше не шутить на эту тему.

— Вы сделали бы мне одолжение, — приняла его извинения герцогиня.

— Я требую слова! — прервал их невинную словесную баталию Яков Орвис.

Король жестом показал, что первосвященник волен высказаться.

Придерживая просторное одеяние, Орвис поднялся с места.

— Капитул требует, чтобы эту... мерзость немедленно предали огню!

Он озвучил вопрос, о котором думали сегодня все собравшиеся. Совету предстояло обсудить действия виконта Олдри и решить судьбу орка, называющего себя Ошем.

— Вы говорите про этого орка? — уточнила герцогиня.

— Именно про него, — подтвердил Орвис с пылающими глазами. — Вы всё видели. Это был морок-виларум! Это святотатство! Это запрещено!

— Вы не можете наверняка знать этого, — возразила ему герцогиня. — Тайны тёмного искусства морок-виларум утрачены многие века назад. Как можно узнать то, чего никогда не видел?

— Это был он! — настаивал первосвященник. — Капитул требует...

— Вы забываетесь, жрец, — прервал его Джон Гарен, — даже Капитул ничего не может

«требовать» от короля. Он может только рекомендовать.

На рыцаря упал испепеляющий взгляд Орвиса, но первосвященник проглотил замечание.

— Тогда капитул очень настоятельно рекомендует его величеству прислушаться к этому мнению, — нехотя исправился Орвис. — А вы, сир Гарен, лучше подумайте о том, как ваши стражники пропустили орка в самое сердце нашего государства.

На этот раз настала очередь Джона Гарена стерпеть оскорбление, сохранив лицо.

— Виновные будут наказаны, — коротко пообещал он, поджав губы.

— Я согласен с достойным Орвисом, — неожиданно высказался Пальтус Хилл, который чаще остальных расходился с первосвященником во мнениях, — однако я категорически против казни огнём.

— Хотите уложить его на свой мясницкий стол? — фыркнул Орвис с неприкрытым отвращением.

— Его таланты необычны, — признал виварий. — Следует провести тщательное исследование.

— Вы говорите так, будто это дело решённое, — возразил Дон-Кан. — Насколько я помню, его величество обещал ему и этому юноше... забыл его имя.

— Адам Олдри, милорд, — вставил секретарь Тул бесцветным, как его мундир, голосом.

Хотя глава купеческой гильдии и не обладал высоким титулом, почётная должность королевского советника требовала уважительного обращения к нему.

— Да, верно. — Дон-Кан обладал мучительной для собеседника привычкой делать паузы и причмокивать пухлыми губами, словно смакуя незримый леденец. — Так вот, его величество обещал им справедливый королевский суд.

— Формальность, — откликнулся Орвис.

— Тогда формальность — не только наше заседание, но и всё остальное. В том числе и должность главы священного капитула Наследия, — жёстко возразил Джон Гарен. — Королевское слово — гарант законности.

— А что, если пойти ему навстречу? — как бы невзначай спросил Дон-Кан, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Кому? Олдри? — нахмурился Пальтус Хилл.

— Ошу, — улыбнулся Дон-Кан.

— Неслыханно! — тут же возмутился первосвященник.

— Поясните, почтенный купец, — поддержала предложение леди Редклиф.

— Активность орков на восточном тракте, да и в других местах, каждый год обходится нам очень дорого. — Он сложил пальцы пухлым замочком на круглом, как арбуз, животе. — Если бы нам удалось снизить эти затраты, казна получила бы дополнительную прибыль.

— И вы, разумеется, тоже, — лукаво улыбнулась герцогиня.

— Разумеется, — признал Дон-Кан, — но что хорошо для гильдии, то хорошо для королевства.

Спорить с этим утверждением было бессмысленно.

— Вам бы только деньги считать, — упрекнул его Джон Гарен. — Каждый год от лап орков гибнут наши люди. Истребляя эту заразу, каратели по многу месяцев не видят дома.

— И позвольте мне спросить, — вмешался Пальтус Хилл, — они преуспели?

Рыцарь сверкнул на лекаря гневным взглядом, но Дон-Кан не позволил ему произнести

опрометчивых речей.

— Вот именно, мой доблестный друг, — сказал купец, — представьте, сколько жизней было бы спасено, если бы удалось решить проблему орков. Ваши люди чаще видели бы свои семьи, а путники чувствовали бы себя безопаснее на дороге.

— Чему вы улыбаетесь, миледи? — спросил Джон Гарен, заметив выражение лица герцогини, наблюдавшей за обсуждением.

— Вне всяких сомнений, в ваших словах имеется доля истины, — начала она, — но вы не совсем представляете себе полную картину.

— Объяснитесь.

— Видите ли, орки — это не просто разрозненные племена дикарей, которые иногда нападают на торговые обозы и убивают наших людей. Орки — это, прежде всего, идея.

— Орки — это проклятые дети Мёртвых земель! Наше наказание за грехи предков! — страстно возразил Яков Орвис, но собравшиеся не обратили должного внимания на его проповедь.

— Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — с восхищением сказал виварий.

Герцогиня продолжила, наградив его любезным кивком:

— Орки — это идея. Пока угроза их нападения нависает над людьми, они многое простят нам, но, если она исчезнет, народ может обратить свои взгляды на нас. Вам нужно такое внимание, милорды? Да и что они подумают о правителе, пожимающем руку орку?

— Я видел, как сир Гедеон сделал это, — вставил Дон-Кан. — Он вроде бы не рассыпался в прах.

— Да о чём вы вообще говорите? — вновь возмутился первосвященник. — Дать оркам земли? Может быть, ещё и титулы? Это же грязные твари, оскверняющие землю!

— Достопочтенный Орвис, меня восхищает ваша порядочность и преданность долгу, — улыбнулся Дон-Кан. — Я скажу лишь одно: есть разница между обещанием дать что-либо и выполнением этого обещания. В конце концов, мы можем просто использовать орков, а там, глядишь, они и сгинут где-нибудь по пути...

Предложение главы гильдии купцов заставило собравшихся задуматься.

— А что делать с юношей? — спросил Пальтус Хилл, барабанив пальцами по столу. — Или достопочтенный Орвис и его предлагает предать огню?

— Его владения находятся где-то на севере Простора, не так ли? Древними забытое место. Сотни лиг от всего на свете.

Сказав это, Ирвиш Дон-Кан поднял глаза на грандиозную мозаику, украшавшую западную стену зала. Набранное из камней разных оттенков изображение представляло собой карту королевских владений. Монументальное полотно, созданное мастерами-каменщиками, в полной мере передавало величие государства.

— Кажется, его мать — сестра покойной графини Ферро, — припомнила леди Редклиф.

— Его отец был лоялистом? — осведомился Джон Гарен, полагаясь на память герцогини.

— Нет, — возразила она, — лорд Олдри поддерживал притязания безумного графа.

Все собравшиеся понимали, что это говорило не в пользу юноши.

— От дурного семени не жди доброго племени, — хмуро проговорил Яков Орвис.

— Мы не будем судить сына по поступкам отца.

Это были первые слова, произнесённые королём за всё время заседания совета. За эту манеру слушать, а не говорить народ уже давно окрестил его Конрадом Молчаливым.

— Я полностью согласен с его величеством, — сказал сир Гарен. — Поступок этого юноши требует мужества. Конечно, я не отрицаю его вины, но в нём есть благородство.

— Он назвал себя виконтом, не так ли? — вспомнил Дон-Кан. — Его отец мёртв?

Джон Гарен протянул руку к секретарю, и в неё тут же лёг желтоватый листок бумаги, исписанный аккуратным почерком. Почти магическим образом скромный слуга короля всегда знал, что от него потребуется, однако собрание никогда не замечало этого.

— Да, — подтвердил сир Гарен, ознакомившись с записью. — Похоже, на них напали какие-то разбойники. Это случилось в начале зимы. Уцелеть удалось только ему и ключнику его дома. Тогда орк и спас жизнь юного Олдри.

— Несчастное дитя, — проговорила герцогиня. — Сколько ему? Четырнадцать?

— Сентиментальность — одеяние женщины, — прокомментировал её слова Орвис.

— У вас есть дети, первосвященник? — обратилась к нему леди Редклиф.

— Вам прекрасно известно, что служители Наследия дают обет безбрачия, — ответил жрец с гордым достоинством. — Наши жизни принадлежат служению памяти Древних.

— Вот когда они у вас будут, — продолжила герцогиня, — я с радостью выслушаю всё, что у вас найдётся сказать по поводу сентиментальности.

— А вам известно, что в конце прошлой осени с каторги бежал опасный преступник, наследник безумного графа? — парировал Орвис. — Не вы ли уберегли это дитя от плахи, когда Восточное восстание было подавлено?

Герцогиня знала о побеге, но не подала виду.

— Кто-то пострадал? — спросила она, мастерски изображая удивление.

— Нет, но его всё ещё не нашли, — ответил первосвященник.

— Это никак не относится к теме нашего обсуждения, — пришёл на помощь герцогине королевский виварий.

— Мы можем лишить дом Олдри всех регалий и передать его земли в управление одному из соседей, — предложил Дон-Кан. — Например, виконту Пулю. Это будет хорошим жестом, если учесть, что его сын был опозорен на турнире, проиграв орку.

На следующий день после турнира победа была присвоена Мэтью Дювалю, но он так и не появился на людях. Возможно, из-за ранения, но, скорее всего, это объяснялось самим поражением, ведь Дюваля все заслуженно считали лучшим мечником Простора.

— И конечно, тот факт, что виконт Пуль долгие годы является почётным членом купеческой гильдии, тут совсем ни при чём, — уколол Дон-Кана сир Гарен.

— Вы делаете мне больно, дорогой друг. — В голосе купца была почти искренняя обида.

— Я — рыцарь его величества и капитан его гвардии, — гордо ответил Джон Гарен, но тут же добавил уже менее серьёзно: — Делать людям больно — моя работа.

— Тогда вы ничем не отличаетесь от Томаса Корна, — парировал купец, сравнив работу рыцаря с мрачными услугами сектома, королевского палача.

— Отличаюсь, — возразил рыцарь. — Я не испытываю от этого занятия удовольствия.

— Лишение дома Олдри регалий кажется мне... излишней мерой, — сказала герцогиня, желая вернуть разговор в нужное русло. — Подобное событие обычно бросает тень на всех нас. К тому же обстановка на Востоке всё ещё шаткая. Не стоит лишний раз подливать масла в огонь.

— Тогда что вы предлагаете? — спросил Дон-Кан. — Денежный штраф? Я слышал, что эти Олдри невероятно бедны.

— Я думаю, что наказание назначит его величество. — Произнеся это, леди Редклиф учтиво склонила голову в сторону короля. — Здесь мы можем положиться на его мудрость.

— Менестрель не мог бы сказать лучше, — поддержал её сир Гарен.

— Тогда в чём смысл всего этого совета? — разочарованно спросил Яков Орвис, кровожадные желания которого не нашли поддержки у собрания.

— Ваши слова услышаны.

Король заговорил второй раз. Знак того, что собрание можно было считать оконченным.

— Однако леди Редклиф права, я приму окончательное решение во время суда. Засим я благодарю вас за службу, милорды. Вы можете быть свободны.

Советники откланялись и удалились по своим делам. Некоторое время король провёл с леди Редклиф, передавая наилучшие пожелания её семье и обсуждая кое-какие хозяйственные вопросы. Экипаж герцогини отправлялся на запад через несколько часов.

Когда знатная гостья покинула мраморный зал, там остались лишь король и секретарь.

— Хорошо, что генерала сегодня не было с нами, — задумчиво сказал монарх.

— Точно так, — согласился секретарь. — После того, что случилось с его сыном на турнире, его мнение могло быть несколько... предвзятым.

— И что же мне теперь с ними делать?

— Какое бы решение вы ни приняли, ваше величество, я уверен, что оно будет правильным.

— Распорядись принести мой выходной плащ.

— Ваше величество? — В бесцветном голосе секретаря мелькнули нотки беспокойства.

— Мы с вами немного прогуляемся, друг мой, — сказал король, слегка улыбнувшись какой-то своей мысли.

Глава двадцать четвёртая. В цепях

Рассмотрев в судебном заседании дело о действиях виконта Олдри А. и лиц, его сопровождавших, король вызвал обвиняемого орка, именуемого Ошем. Советник Орвис Я. выразил протест, однако он был отклонён ввиду отсутствия поддержки со стороны собрания.

Из протокола судебного заседания

В подземелье не было окон. Когда тюремная повозка остановилась и забранные решёткой двери открылись, их с Адамом разделили. Ош не знал о дальнейшей судьбе юноши. С орка сняли латы и, тщательно обыскав, заперли в сырой, холодной камере, находившейся, судя по всему, ниже уровня земли.

Оказавшись в темноте этой рукотворной пещеры, орк почувствовал себя погребённым. Его окружала могила, промозглый сырой склеп. Здесь воняло гнилой соломой и мочой.

Тело орка била крупная дрожь. Он никак не мог согреться. Никак не мог избавиться от навязчивого чувства чужого присутствия. Им владело холодное, мрачное оцепенение. Оно словно засасывало его в какой-то чудовищный водоворот. Будто из жил вытекла вся кровь, а её место заняли жидкий холод и гнетущая тьма.

Мысленно Ош снова и снова возвращался к турниру. Что случилось? Как Безымянный получил над ним власть? В тот страшный миг орк словно наблюдал за собой со стороны. Он был заперт в собственном теле, не в силах пошевелить даже пальцем. Жуткое чувство.

— Так ты этого хочешь? — прошептал он, свернувшись в углу тёмной камеры. — Хочешь присвоить себе моё тело?

Ош был уверен, что Безымянный слышит его, но тот хранил безмолвие.

— Что тебе надо? Зачем ты мучишь меня?

Измученный Ош провалился в беспокойный сон. И телу, и духу требовался отдых.

Его разбудил лязг засовов. Ош увидел на пороге огромного человека, лицо которого скрывала непроглядная тень капюшона. Здоровяк поставил на пол камеры тарелку с какой-то едой и чашку воды. Сохраняя безмолвие, он вышел, заперев за собой дверь.

Так продолжалось на протяжении двух суток. Во всяком случае, Ош думал, что прошло именно столько, предполагая, что кормили его один раз в день. Кто-то, вероятно, назвал бы такое питание скудным, но только не орк, привыкший к голодным временам.

На третий день, вместе с обычным пайком, тюремщик закинул в камеру человека. Сначала Ош подумал, что это Адам, но быстро понял, что ошибся. Потирая отбитый бок, с пола поднялся худой старик с жидкой свалывшейся бородой. Он был одет в лохмотья. С осунувшегося грязного лица на орка посмотрели безумные глаза.

На этот раз тюремщик оставил в коридоре горящий факел, и его свет проникал через решетчатое окошко, расположенное в двери.

Разглядев тёмное лицо Оша, сокамерник жалобно пискнул и забился в противоположный угол, в ужасе закрываясь руками.

— Не ешь, только не ешь меня, — бормотал он жалобным голосом.

— Я ничего тебе не сделаю, — попытался успокоить его Ош, но испуганный человек как будто не слышал его, продолжая умолять страшного орка о милосердии.

Когда Ошу это надоело, он встал и решительно подошёл к сокамернику, протянув руку. Несчастный запаниковал больше прежнего, пытаясь изо всех сил вжаться в стену. Вероятно,

он думал, что чудовище, к которому его посадили, убьёт его.

Ош словно превратился в статую. Он терпеливо ждал, когда человек успокоится.

В конце концов победило любопытство. Украдкой посмотрев на Оша, старик увидел, что рука орка держит кусок чёрного хлеба. Глаза узника алчно засветились при виде еды.

Словно испуганный зверек, он протянул руку, ожидая подвоха, но орк не двигался с места. Когда между дрожащими пальцами и краюхой оставалось расстояние в толщину человеческого волоса, старик выхватил её одним порывистым движением.

На какое-то время воцарилась тишина. Ош вернулся на своё место, довольный тем, что безумца наконец удалось заткнуть. Не так-то просто нести всякую чушь, когда твой рот занят едой.

— Вито.

Старик немного подался вперед, чтобы на него упал свет факела. Ткнув себе в грудь грязными руками, он повторил:

— Я — Вито.

— Ош, — нехотя ответил орк.

— Ош и Вито, — подытожил заключённый и глупо хихикнул.

Узник опасливо обернулся в сторону двери, как будто боялся, что их кто-то подслушивает.

— А ты плохой, Ош, да? — шёпотом спросил он. — Иначе ты бы не оказался здесь.

— Может быть, — нехотя ответил орк.

— Ты же знаешь, что это за место, плохой Ош?

— Темница.

— Нет! Глупый, глупый Ош. Я спросил тебя про это место!

Безумец несколько раз хлопнул руками по холодному полу. Ударяясь о камень, его ладони издавали гулкие шлепки.

— Смотри!

Ош огляделся и только теперь, в неровном свете факела увидел, что стены камеры испещрены надписями. Хитросплетения нацарапанных слов образовывали нечто вроде орнамента, напоминавшего лабиринт.

Попытавшись прочесть неровные строки, орк понял, что не может этого сделать. Одни оказались слишком неразборчивыми, другие были написаны на неизвестном орку языке.

— А... теперь ты начинаешь понимать, — удовлетворённо протянул Вито. — Это комната смерти, плохой Ош. Отсюда есть только один путь — в руки палача.

Известие вроде бы должно было поразить Оша, но он сохранил спокойствие.

— Ты сделал что-то очень плохое, не так ли? — Вито придвинулся ближе и заговорщицки прикрыл рот ладонью. — Можешь рассказать Вито. Вито никому не скажет. Вито скоро не будет. Он отправится туда...

Узник протянул грязный тонкий палец в направлении потолка.

— Или туда... — На этот раз блуждающий палец указал куда-то в сторону. — Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

— Я просто хотел, чтобы меня слышали, — признался Ош.

— Лжёшь. Зачем ты лжёшь Вито? Никто не попадает в комнату смерти за это!

— Никто, — мрачно улыбнулся Ош. — Кроме орков.

— Ну? Чего ты хотел на самом деле? Золота? Власти? Хотел кого-то убить? Или убил? Ты же такой плохой, Ош. Все знают это. Вито знает это. Ты можешь обмануть их, — узник

указал пальцем в сторону двери, — но не Вито. Нет, нет, нет! Вито такой же, как ты, ведь он здесь.

На мгновение Ошу показалось, что человек, сидящий перед ним, не так уж и безумен. И правда, зачем он делал всё это? Зачем так безрассудно рисковал своей жизнью? Да именно потому, что она была никому не нужна. Однажды заглянув в Вечную ночь, он понял это. Тогда ли родилось неведомое доселе желание совершить что-то по-настоящему значительное? Или оно всегда скрывалось в нём?

Он говорил себе и другим, что старается ради своего народа, но было ли это правдой? Нет. Во всяком случае, не совсем. Он делал это в первую очередь для себя. Погибнув однажды, он твёрдо решил, что распорядится своей новой жизнью с большим смыслом. Мир оказался жесток к старому Ошу. Новый Ош не собирался повторять его ошибок.

— Ты прав, Вито, — сказал Ош, посмотрев на свои руки. — Я действительно хотел что-то изменить. Надеялся, что моя жизнь чего-то стоит.

С отвратительным лязгом отъехали в сторону засовы, запиравшие дверь. В свете факела опять появилась фигура огромного человека в капюшоне.

Ош было подумал, что тюремщик явился за ним, но громила, схватив его сокамерника, бесцеремонно выволок того в коридор. Узник верещал и отбивался, но без толку. Орк попытался вмешаться. Удар тяжелого кулака остудил его бунтарский пыл.

Дверь закрылась. Больше он своего сокамерника не видел.

* * *

Оказавшись в освещённом факелами коридоре, сумасшедший арестант преобразился: сразу же исчезли всякое безумие и суетливость.

Выпрямившись во весь рост, человек принял из рук королевского палача чистое полотенце. Мягкая ткань стёрла с лица грязь и пот, придававшие столь усталый и жалкий вид. Подобострастное выражение измученного заключённого сменилось непроницаемой маской королевского служащего.

Одним движением он избавился от жидкой бородки, под которой обнаружилось гладковыбритое лицо. Следом с его головы исчез и парик, сделанный из длинных седых прядей.

В сопровождении сектома человек вошёл в небольшое помещение для допросов. На деревянной скамейке его ждал аккуратно сложенный серый костюм, украшенный вышивкой в виде пера.

Молча поклонившись, палач удалился.

— Тебе удалось что-то узнать?

Рядом с серым костюмом сидела закутанная в тёмный плащ фигура.

— Да, ваше величество, — ответил секретарь.

* * *

Самым крупным из помещений королевского дворца был тронный зал. Широкие своды высокого потолка опирались на четыре ряда круглых колонн, выполненных из серого базальта.

Шеренги стройных опор делили зал на пять вытянутых частей. Центральную, самую обширную покрывала лента длинной ковровой дорожки тёмно-красного цвета. Она заканчивалась у ступенчатого возвышения, где стоял серебряный трон. Позади него на стене красовался королевский стяг, с которого хищно смотрел филин. Когтистые лапы грозной птицы сжимали кнут.

Вдоль боковых стен тянулись длинные ложи, предназначенные для гостей. Попасть туда можно было по изящным мраморным лестницам.

На стенах висели гобелены. Одни изображали славные моменты истории королевства. Другие пестрели гербами правящих домов. Самыми свежими выглядели те, что изображали разгром Восточного восстания и портреты новых правителей Простора.

Здесь обычно проводились все самые значительные события жизни двора — от коронаций и свадебных торжеств до пиров и балов. Собственно, в тронном зале всегда проходил и королевский суд. Только для похоронных церемоний был отведён специальный Чёрный зал, отделанный плитами траурного родонита.

На шумных балах, когда всё пространство заполняла толпа изысканно одетых гостей, зал становился дружелюбным и весёлым. Если же в нём находилось всего несколько человек да ещё безликий дворцовый караул, он словно давил на человека весом камней, из которых был сложен.

Тронный зал одновременно радовал и пугал. Такова была задумка архитекторов.

Когда Оша ввели через центральный вход, он сразу ощутил незримую тяжесть. Трон стоял далеко впереди, и любому подсудимому приходилось проделать длинный путь под величественными сводами, нависавшими над ним, словно сам рок.

Прежде чем позволить Ошу вновь предстать перед королём, орка заковали в крепкие деревянные колодки.

В сопровождении дворцовых стражников Ош проследовал к трону. Гвардейцы были облачены в сверкающие серебристые доспехи, украшенные рельефной чеканкой, изображавшей королевский герб. Их шитые золотой нитью тяжёлые плащи заканчивались косым отрезом с ажурной каймой.

Впереди орк увидел две знакомые фигуры, ожидавшие королевского правосудия. Это были Адам и его наставник. Вряд ли Локвуда арестовали. Наверняка он пришёл сюда добровольно, чтобы вступить за своего юного господина.

Когда Ош поравнялся с ними, грубый удар древка алебарды заставил его ноги подогнуться. Орк упал на колени.

У подножия тронного возвышения заседали ещё несколько человек. Ош видел их впервые. Один, худощавый и лысый, был облачён в просторные белые одежды. Его пристальный взгляд неприязненно скользнул по орку. Рядом с ним сидел тучный и смуглый одноглазый мужчина с повязкой на лице, который откровенно скучал. Третьим был невысокий человек с неприятным лицом. Одеждой он напоминал Локвуда.

Чуть поодаль от этой троицы за переносной конторкой сидел незаметный человек в сером мундире. Орк припомнил, что уже видел его на турнире среди королевской свиты.

Рядом с королём гордо стоял голубоглазый светловолосый рыцарь с аккуратными остроконечными усами, нависавшими над его верхней губой. Его доспехи напоминали латы стражников, но были гораздо богаче. Вспоминая рассказы Локвуда, орк решил, что, должно быть, это их командир, сир Гарен.

— Заключённый доставлен, ваша светлость, — отчитался один из стражников.

Жестом король показал, что можно начать допрос.

— Итак, сознаешься ли ты, тварь, что явил нам морок-виларум, свидетелем чему были мы и многие другие люди? — с ходу набросился на орка человек в белом.

— Что? — непонимающе спросил Ош.

— Признавайся, нелюдь! — настаивал обвинитель.

— Я... — Ош замешкался, подбирая слова. — Я не знаю, что это такое.

— Врешь! Королёв врешь!

— Преподобный Орвис, — примирительно обратился к нему тучный мужчина, — давайте оставим ваши церковные вопросы на потом. — Обратившись к Ошу, он продолжил: — На вопросы отвечай «да» или «нет», если иного не будет заключено в сути вопроса. Ты меня понял?

— Да, — кивнул Ош.

— Признаёшь ли ты, что умышленно ввёл всех в заблуждение, заменив собой на королевском турнире виконта Юстаса Олдри, чей сын присутствует сейчас здесь? — продолжил толстяк.

— Да.

— Хотел ли ты, обманом проникнув в обиталище людей, причинить королю, его подданным либо их имуществу сознательный и злонамеренный вред?

— Нет.

— Признаешь ли ты факт нападения твоего племени на людей, свидетелями чего выступают виконт Олдри и его ключник? — спросил Оша сир Гарен.

Юноша посмотрел на орка извиняющимся взглядом. Наверняка он честно рассказал обо всём, что произошло на старой дороге. Теперь же его показания превратились в обвинение, предъявленное Ошу.

— Да.

— Ага! — тут же радостно воскликнул Орвис. — Как я и говорил, душегуб и разбойник! Наверняка он сам и убил лорда Олдри! Твари! Все они до последнего!

— Нет, — сказал Ош, хоть в речи первосвященника и не было никакого вопроса.

— Дерзишь?! — Лицо Орвиса покраснело от гнева.

— Нет.

К своему удивлению, Ош отметил лёгкую улыбку, пробежавшую по лицу толстяка.

— И вы убили этих людей, не так ли? — продолжил сир Гарен.

— Да.

— Милорды, но они же... — хотел встрять в допрос Адам, но учитель удержал его, положив руку на плечо юноши и многозначительно покачав головой.

— Твои глаза такие с самого рождения? — неожиданно спросил невысокий человек, который, судя по всему, как и Локвуд, был ключником.

Ош едва вздрогнул от этого вопроса. Он не был готов к нему.

— С конца... прошлой весны.

— Любопытно... — задумчиво протянул ключник, разглядывая орка. — Я думал, что это врождённое...

— Слова древней клятвы, которые ты произнёс, — возвысил голос король, — шли ли они от твоего сердца?

— Да, ваше величество.

— Чёрное сердце орка! — вновь воскликнул Орвис. — Это святотатство!

— Король говорит! — напомнил сир Гарен.

— Ты представляешь вождя по имени Ургаш, который желает служить нам?

— Да, ваше величество.

Самому Ошу его ответ показался не слишком искренним. Не так чтобы Ургаш очень «желал» служить королю людей. Ош вообще до конца не понимал, почему жестокий и

своенравный вождь согласился на всю эту авантюру.

В зал вошёл один из стражников и, придерживая меч за эфес, торопливо подошёл к сиру Гарену, шепнув ему на ухо несколько слов. В свою очередь рыцарь передал эти слова королю. На мгновение монарх нахмурился, потом кивнул.

— Приведите её, — коротко велел Серокрыл.

В коридоре послышалась какая-то возня, после чего в зал вошли трое стражников, а за ними — связанная, но упорно сопротивлявшаяся Зора.

— Пыталась проникнуть во дворец, забравшись по северной стене, — отрапортовал один из гвардейцев. — Ранила двоих наших, пока её не повязали, ваше величество.

— По северной стене? — удивлённо переспросил королевский ключник. — Надо же...

На лице Орвиса появилось выражение крайнего отвращения.

— Полукровка! — презрительно произнёс первосвященник. — Хуже, чем нелюдь! И в Тронном зале... Какая мерзость!

Тем временем Зору опустили на колени рядом с Ошем. Только это и смогло вывести орка из мрачного равновесия, которое он обрёл в камере смертников.

— Какого варга ты тут делаешь? — досадно прошептал он ей.

— Заткнись, — огрызнулась Зора.

Её губа была разбита, а над левым глазом виднелась свежая ссадина, вокруг которой стремительно разрастался тёмный синяк.

— Я готов явить свою волю, — произнёс король. — Есть ли что-то, что ты хотел бы сказать перед этим, орк?

Вот и всё. Ош понял, что сейчас всё решится. Он не боялся. Во всяком случае, не за себя.

— Да. Я полностью держу ответ за свои слова и деяния. Если на мою голову падёт суровая, но справедливая кара, я прошу ваше величество о снисхождении для виконта Адама Олдри, его учителя и моей соплеменницы, которую видите подле меня. Пусть моя чёрная кровь будет ценой их свободы.

— Это всё? — спросил король.

Сначала Ош хотел сказать, что это всё и он не смеет просить у короля большего, но вдруг вспомнил про своего сокамерника. Ему тоже можно было помочь. Пускай и такой горькой ценой.

— Нет. В камере, где меня держали, был один человек. Он назвался Вито. Что бы он ни сделал, я уверен, что он достаточно страдал за свои проступки. Я прошу позволить ему вновь увидеть солнечный свет.

— Он уже увидел солнечный свет. — При этих словах король как-то странно улыбнулся. — Этого человека казнили утром.

— Тогда это всё, — сказал Ош, бессильно опустив голову.

— Властью, данной мне Древними, милостью судьбы и волею народа, я, Конрад Второй, Серокрыл, прозванный также Молчаливым, отказываю тебе в твоей клятве. Ты не получишь ни звания королевского гвардейца, ни вассальных земель.

По худому лицу Якова Орвиса начала расплываться злорадная улыбка, но король продолжил:

— Однако знай, что твой глас был услышан.

Несколько пар глаз метнулись в сторону монарха. Среди них были и разноцветные глаза самого Оша.

— Тебе будет дарована грамота эмиссара, которая охранит тебя и твоих спутников от

мечей наших воинов. Кроме того, ты получишь задание, исполнением которого докажешь свою преданность нашему престолу и своим словам. Ты согласен, орк?

Ош вспомнил рыцарей, благородно вступившихся за них на ристалище.

— Воля короля, — ответил он.

— Адам из дома Олдри, ты сохранишь титул и имя. Но твоим наказанием станут эти орки. Ты привёл их в наш дом, тебе и держать ответ за их деяния. Случись так, что они послужат верой и правдой, в этом будет твоя заслуга. Если же встанут они на путь зла и предательства, не найдётся такого места, где скроешься ты от гнева нашего Величества и всякого доброго человека.

— Воля короля, — согласился Адам, опустившись на одно колено.

Первосвященник отчаянно хотел возразить, но не посмел прервать речь правителя.

— Засим я объявляю этот суд закрытым, — молвил монарх. — Орки вернутся в тюрьму, чтобы покинуть город под покровом ночи. Людей же я более не задерживаю.

Стражники грубо подняли Оша и Зору с колен и сопроводили прочь из зала. За ними молчаливо последовал Адам в сопровождении верного ключника.

Юноша был погружён в свои мысли.

* * *

— Какого варга ты вообще полезла туда?

Ош кипел в негодовании. От его недавней холодной отрешённости и апатии не осталось и следа.

— А что мне было делать, Дурной ты Глаз?

— Уж точно не лезть спасать меня, дурёха!

В ожидании ночи, когда добрые люди столицы не смогут увидеть двух орков, покидающих город, Оша и Зору вернули в тюрьму, посадив в одну камеру.

— Да кому ты нужен, дурачина? — парировала Зора. — Ты думаешь, я за этим сюда явилась? Ургаш просто велел прикончить тебя, если люди попытаются дознаться, где наш лагерь!

В этом был смысл. Вождь действительно мог доверить такое дело только Зоре.

— Ладно, забыли, — выдохнул Ош, устало присев на пол. — Ночью в дорогу. Спать давай.

Глава двадцать пятая. На восток

Род Колдриджей мог прерваться, когда Конрад Завоеватель вошёл со своим войском в Варган, но волею судьбы династия уцелела. Когда правитель Адаманта взял в жёны княжну Мару, та настояла, чтобы родственники её сохранили не только свои жизни, но и титулы, присягнув новому господину.

«Географика». О знатных родах правителей земель

Эдуард занёс топор и опустил его тяжёлое лезвие на кусок бревна. Не выдержав удара, сухая древесина раскололась, издав характерный глухой хлопок. Привычное движение для каторжника, работавшего в шахтах два года.

Закинув дрова в поленницу за домом, Эдуард поставил на колоду новую чурку. После душных тоннелей ему очень нравилось работать на свежем воздухе.

Несмотря на холод, на нём была лишь лёгкая рубаха и тонкие льняные штаны. Энергичная работа не давала телу замёрзнуть.

Здесь, на востоке, была его родина. Зима в Просторе часто случалась снежная, но редко пугала жителей злой стужей. Горы были близко, однако тёплые ветра, дующие со стороны Сышучего моря, не давали морозу крепчать и набирать силу.

С тех пор как их с Ярви приютила хозяйка усадьбы, прошло уже две недели. Состояние Трёхпалого было тяжёлым, но постельный режим и внимательный уход вырвали его из цепких лап смерти. Впрочем, вор всё ещё был слишком слаб, чтобы покинуть этот дом.

Закончив работу, Эдуард пошёл к колодцу, чтобы умыться. Время обеда приближалось, а леди Катарина не любила, чтобы к столу опаздывали. Несмотря на протесты с её стороны, он уважительно звал свою спасительницу леди Олдри. Когда она спросила, как его имя, Эдуард, памятуя о совете Ярви, назвался Фредериком Моро. Так звали его учителя танцев, когда он ещё жил в Дубовом чертоге. Ему было трудно врать ей, но юноша не хотел накликать беду ни на себя, ни на своих спасителей, произнеся вслух своё истинное имя.

Совість уколола Эдуарда за то, что он сразу не понял, чей дом был перед ним. В конце концов, Простор, которым некогда правил отец, включал в себя всего семь владений. Удел Олдри был самым отдалённым и незначительным из них, но всё же сын хранителя Востока обязан был сразу узнать его хозяев.

Вытащив из тёмных недр колодца ведро студёной воды, он дождался, когда её волнистая поверхность успокоится. С холодной глади на него смотрело хмурое лицо человека, возраст которого с трудом поддавался определению.

Эдуард надеялся, что, отмыв грязь и сбрив заросли свалявшихся волос, он вернёт себе прежний облик, но этого не случилось. Здоровый цвет потемневшей на мягком восточном солнце кожи сменила болезненная бледность, разбавленная лёгким морозным румянцем. Пухлость и мягкость молодых черт уступили место зрелой жёсткости. Кое-где лицо тронули морщины.

Рука непроизвольно коснулась белого шрама на лице. Одна часть рубца рассекла бровь. Вторая продолжалась ниже, спускаясь по щеке бледной молнией. Когда юноша только-только оказался на каторге, один из надсмотрщиков от души угостил его кнутом за строптивость. Шрам стал вечным напоминанием о боли и унижении.

Набрав в руки холодной воды, Эдуард старательно умылся, словно пытаясь соскоблить с

себя следы позорного прошлого. Однако и шрам, и угрюмое лицо каторжанина остались на своих местах. Кроме того, его узловатое мускулистое тело украшали и другие рубцы, особенно белёсые кольца, оставленные стальными кандалами на запястьях и щиколотках.

Закончив с умыванием, он направился в дом. На балконе второго этажа возвышалась одинокая фигура леди Катарины, закутавшейся в тёплую шаль. Она нежно убаюкивала на руках мягкий свёрток, в глубинах которого покоилось крохотное дитя. С губ срывались мелодичные куплеты старинной колыбельной, слова которой, должно быть, передавались в её семье из поколения в поколение. Пронзительные глаза женщины внимательно смотрели на запад, словно взгляд её мог проникнуть через многие лиги поросших лесами земель.

Она рассказывала Эдуарду о муже и сыне, которые уехали в столицу, но так и не вернулись до первого снега. Неизвестность сильно тревожила её.

Тогда юноша вспомнил о несчастных, которых они похоронили на старой дороге, но не стал рассказывать об этом своей благодетельнице, чтобы не пугать её понапрасну. Несмотря на то что волки и мороз изрядно изуродовали тела, он был уверен, что среди мертвецов не было ни детей, ни стариков.

Оказавшись на веранде, Эдуард опёрся о резную деревянную колонну и, отряхнув снег с остроносых войлочных сапог, зашёл в дом.

Старая Мэри накрывала на стол. Кухарка была тучной и суетливой женщиной, которая часто ворчала по разным поводам. Впрочем, никто на неё не обижался.

Обычно они ели, собравшись в просторной гостиной. Этим величественным помещением безраздельно правил огромный камин, каменные бока которого украшала резьба, изображавшая листья дуба и жёлуди. Здесь же леди Катарина иногда принимала просителей из соседних селений. Тогда беглые каторжники прятались на верхних этажах, чтобы не вызвать лишних толков и пересудов. Как это часто бывало, в отсутствие мужа обязанности виконта исполняла его жена.

Слуга Рон с нетерпением ожидал угощения, аромат которого доносился с кухни. Эдуард сел рядом, стараясь не смотреть на него. С момента их первой встречи, когда он чуть не убил этого простоватого паренька, они не разговаривали.

— Ты поставила лишний прибор, — сказал Рон кухарке. — Здесь пять тарелок, а нас будет только четверо.

— Цыц! — шикнула на него Мэри. — Я всё правильно поставила.

Словно в подтверждение её слов, на массивной деревянной лестнице появился тощий силуэт Ярви. Он уже мог передвигать ноги, чтобы спуститься к обеду.

Вид выздоравливавшего товарища поднял Эдуарду настроение. Впрочем, он всё ещё опасался, как бы не проявились преступные наклонности Трёхпалого, и поэтому старался не спускать с него глаз.

Когда все они оказались за столом, Мэри поставила в его центр большой котёл с ароматным кушаньем и присоединилась к трапезе. Несмотря на голод, который всюду преследовал Эдуарда, он старался не жадничать. Одного взгляда на обед хватало, чтобы понять: дела у дома Олдри шли не самым блестящим образом.

Мясо редко появлялось на столе. В основном это были дары селян, которые любили и уважали свою госпожу. Иногда на реке Рону улыбалась удача, и тогда Мэри готовила печёную рыбу или уху. В остальное же время приходилось довольствоваться овощами, сыром и яйцами, которыми дом снабжало небольшое хозяйство, разбитое во дворе. О вине и вовсе не стоило говорить. В основном они пили сбитень, заваренный на молодой хвое, мёде или

шиповнике. Впрочем, это был добрый напиток, который помог поставить Ярви на ноги.

Поэтому Эдуард изо всех сил стремился помочь леди Катарине, хватаясь за любую работу. Наколоть дров, принести воды, разгрести снег. Везде он помогал, стараясь так, словно это был его собственный дом.

— Долго эти разбойники ещё будут тут околачиваться? — спросила кухарка за обедом.

— Мэри! — пристыдила её хозяйка.

— Что? — удивилась старая служанка. — Погреб-то, он не бездонный!

— Три дня.

Все глаза обратились на Ярви.

— Через три дня мы уйдём, — повторил он и отправил в рот кусок варёного картофеля.

Остаток трапезы прошёл в тишине.

Эдуард понимал, что им нельзя здесь оставаться. Он уже решил, куда направится, когда покинет этих добрых людей. Ему нужны были ответы, и юноша знал, где их искать.

* * *

За восточной границей королевства начинались засушливые пустынные земли, плавно переходящие в великую пустыню, Сыпучее море. Там обитали кочевые племена, остатки некогда могущественной Орды. Двенадцать отважных братьев объединили народ пустыни, вторгнувшись в Сероземелье двадцать лет назад. Они хотели покорить западные земли, воспользовавшись разобщённостью местных властителей, однако результат оказался противоположным. Испуганные люди сплотились перед лицом общей угрозы.

У Эдуарда было своё, особое отношение к этим людям, ведь отчасти он был одним из них. Отец встретил его мать во время одной из своих восточных поездок. К тому времени первая жена графа уже умерла, оставив ему наследника, Грегори Колдриджа, сводного брата Эдуарда. Не побоявшись осуждения знати и роптания народа, отец взял пустынную женщину в жёны, сделав её новой графиней.

Отец Эдуарда совершал эти путешествия долгие годы. Он стремился укрепить связи с племенами и предотвратить возможное повторение ужасов войны. В народе поговаривали, что именно это сыграло ключевую роль в его падении. Одни утверждали, будто разумом правителя овладели тёмные колдуны, обитавшие в пустыне. Другие обвиняли леди Тею, мать Эдуарда, называя её заговорщицей и ворожеей, обольстившей доверчивого лорда.

Эдуард знал цену этим толкам. В конце концов, это были его родители. Он никогда не верил в безумие отца. Не хотел верить. Мать же юноша запомнил как добрую и чуткую женщину, более всего на свете любившую своего супруга. Её привязанность к нему была столь сильна, что поговаривали, будто бы она отравилась, когда узнала о его казни. Так это было или нет, Эдуард не знал, но чувствовал, что матери больше нет среди живых.

В нём существовала непоколебимая уверенность в одном: если кто и сможет пролить свет на случившееся, так это обитатели пустыни. Он собирался выяснить, что побудило отца усомниться в королевской власти и восстать против Наследия, уничтожая храмы и безжалостно преследуя жрецов этого учения. Ему нужны были ответы, и ответы эти лежали на Востоке.

* * *

Три дня прошли незаметно, как сон. Эдуард рад был этой передышке. Поместье жило тихой провинциальной жизнью. Он всё так же помогал с хозяйством. Рон ухаживал за животными в хлеву и ходил на реку, чтобы порыбачить. Ярви стремительно возвращал себе форму, день и ночь выполняя никогда не виданные Эдуардом упражнения. Леди Катарина

ухаживала за годовалой дочерью и занималась шитьём.

Какая-то часть Эдуарда хотела, чтобы так было всегда: столько безмятежности, столько достоинства было в этой простой жизни. Однако всё хорошее когда-нибудь кончается.

Наутро четвёртого дня беглые каторжники облачились в одежду, которой их снабдила хозяйка, и собрались в путь. К этому времени Эдуард изготовил себе доброе копье, воспользовавшись наконечником, который он нашёл на старой дороге. Соорудив для него лёгкое и прочное древко, он получил одновременно и неплохое оружие, и дорожный посох. Ярви вооружился старым кинжалом, больше похожим на разделочный нож. Он отыскался среди инструментов в кузнице, и хозяйка поместья не возражала, чтобы исцарапанный клинок стал скромным даром гостю.

Взяв в дорогу немного еды, они простились с гостеприимной женщиной и её челядью.

— Пойдите, — окликнула их леди Олдри, — у меня есть ещё кое-что.

Эдуард хотел отказаться, не в силах больше злоупотреблять её добротой, но не успел. Виконтесса исчезла в недрах дома.

Когда она вернулась, в руках у неё был зелёный тряпичный свёрток.

— Что это? — озадаченно спросил Эдуард, принимая его.

Развернув ткань, он словно к месту прирос. К горлу подступил тугой комок. Гром среди ясного неба не мог бы поразить его так, как этот прямоугольный лоскут.

Зелёный фон флага окружал белоснежного жеребца, непослушно вставшего на дыбы. Гордый герб дома Колдриджей.

Она узнала его. Эдуард понял это. Каким-то невыносимым, непостижимым образом эта женщина узнала его с самого начала, став свидетельницей его падения, его позора.

— Никогда не забывайте о том, кто вы, милорд, — мягко сказала леди Олдри.

Эдуард не мог смотреть ей в глаза. Он хотел провалиться сквозь землю, столь сильно терзала его совесть. Им владело желание упасть ей в ноги.

— Спасибо вам... — выдавил он, — за всё, что вы сделали для нас, леди Олдри. Спасибо.

К этому моменту слуги уже исчезли в доме. Они знали, когда следует оставить госпожу.

— Тогда пообещайте мне, милорд, что я никогда не пожалею об этом.

— Никогда, — вторил ей Эдуард с готовностью. — Я, Эдуард Колдридж, клянусь вам в этом.

Он поклонился, и на его голову легла лёгкая, как первый снег, рука виконтессы.

— Ступайте с миром, дитя.

Не в силах смотреть в её пронзительно-голубые глаза, Эдуард развернулся и пошёл к воротам. Там его уже ждал Ярви.

Эдуард не оборачивался, но знал, что она смотрит ему вслед, как смотрела вслед своему мужу и сыну. Священный удел хранительницы домашнего очага. В этот момент он поклялся себе, что никогда не предаст доверие этой удивительной женщины.

— Куда теперь, ваше лордство? — поинтересовался Ярви как бы между делом.

Юноша поднял глаза к утреннему небу. У него было чувство, что он родился заново.

— На восток, — ответил он.

Тем же вечером в поместье явилось четверо вооружённых всадников. На зелёном фоне их боевого знамени сверкали шитые золотой нитью весы, символ дома Дюваль. Эмиссары графа спрашивали хозяйку, не видел ли кто в окрестностях каких-либо подозрительных людей. Леди Олдри только развела руками. Она ничем не могла им помочь.

Глава двадцать шестая. Возвращение

Орки не стремятся к созданию государства. Племена разобщены и враждуют друг с другом. Их обычаи, верования и даже внешний вид сильно разнятся, но в одном все они схожи — в неприязни к солнцу и к человеку.

Пальтус Хилл. «Генезис видов»

Путь назад был неблизким, но в этот раз они путешествовали, почти не таясь. Грамота короля даровала Ошу и его спутникам неприкосновенность, но орк всё равно прятал своё лицо под шлемом, чтобы избежать возможных неприятностей. Они были в дороге уже месяц, и теперь, когда широкое русло Младшей сестры осталось далеко позади, лишь какая-то неделя отделяла их от логова Ургаша.

На этот раз Ош не собирался скрывать его местоположение от Адама и его старого учителя. Слишком многое связывало их, и бывшее недоверие ушло в прошлое. Орк надеялся, что его спутники найдут в близлежащем селении людей, согласных сопроводить их домой, в родовое поместье Олдри.

На первый взгляд поручение, которое дал им король, было не таким уж и сложным. Орки должны изловить разбойника, промышлявшего на Восточном тракте. Судя по тому, что слышал Локвуд, этот Красный Жеребец, как бандита прозвали в народе, был неуловим. Несколько раз его пытались схватить, но ему всегда удавалось уйти, затерявшись среди холмов Простора. Ош уже начинал думать о том, что можно предпринять для его поимки.

В пути Ош не терял времени зря. Устроившись в дребезжащей повозке, он впитывал мудрость Локвуда, как высохшая на солнце земля поглощает капли живительного дождя. За время путешествия ключник научил его читать письмо людей, разбираться в картах и яснее выражать свои мысли. Теперь в голове Оша появилось много новых слов. Некоторые из них обозначали вещи, которые он интуитивно понимал, но не мог назвать. Во всяком случае, до недавних пор.

Локвуд сильно изменился, и, главное, у него пропала неприязнь при общении с орками. Даже лошади как-то свыклись с запахом дикарей и перестали обращать на него внимание.

— А что такое морок-виларум? — как бы между делом спросил Ош старого ключника.

Локвуд чуть заметно вздрогнул. Люди старались не вспоминать то, что произошло с Ошем на турнире. Однако они явно не забыли этого. Быть может, и хотели бы, но не могли.

— С чего начать... — Ключник задумался. — Помнишь, как я рассказывал тебе про Древних и Чёрный легион?

— Да.

В памяти Оша всплыл мрачный рельеф, украшающий главный санкторий королевства.

— То, о чём ты спрашиваешь, — главное оружие Чёрного легиона. Сегодня некоторые считают, что это просто особый вид боя, но я с этим не согласен.

— Почему же?

— Они обратили морок-виларум против Древних. Для этого нужно нечто большее, чем просто искусное владение клинком. Нет, я уверен, что в морок-виларум заключена магия... страшная магия.

Ош молчал. Последние сомнения растаяли, как весенний снег. Если всё, что он слышал, было правдой, Безымянный имел какое-то отношение к Чёрному легиону. Возможно, он

даже был одним из них.

— Скажи мне, Ош... — Локвуд пристально посмотрел на него. — Преподобный Орвис сказал правду? Но откуда...

— Я... я не знаю, — честно ответил Ош.

Он колебался, рассказывать ли старику о своих видениях.

— Я не хочу сейчас говорить об этом, — отрезал орк.

Ключник не стал упорствовать в расспросах. Старик решил, что орк всё расскажет ему, но в своё время.

— Ош, — Локвуд был невероятно серьёзен, — если это действительно морок-виларум, я хотел бы тебя кое о чём попросить.

Чтобы полностью завладеть его вниманием, старик сжал тёмные плечи орка своими узловатыми пальцами.

— Никогда больше не применяй его, слышишь? Теперь молодой господин отвечает за вас. Нельзя, чтобы на него пала такая тень.

Ош рассеянно кивнул. К его облегчению, они возобновили обычные занятия и больше не возвращались к этой болезненной теме.

Иногда Ош отвлекался, разглядывая Зору. Она сидела рядом с Адамом, который правил повозкой. Теперь девушка не закрывала голову капюшоном, и её медно-рыжие волосы струились по спине и плечам сверкающим водопадом. Впрочем, маскировка была ни к чему. Тщательно отмытая, причёсанная и одетая, она выглядела как настоящий человек. Только яркие морошковые глаза, хищные зубы да заострённые уши выдавали её истинную природу. Встречные же принимали её за кольценокку: так называли уроженцев Предела. С годами их глаза заполняла мерцающая желтизна, порождённая скверной Мёртвых земель. Всё начиналось с лёгкого, еле заметного свечения по краю радужки, но постепенно свет этот превращался в яркие золотистые кольца. Кольца, которые они не могли снять.

«Она тебе нравится?» — как-то спросил Локвуд.

На лице старика при этом появилась такая добрая и хитрая улыбка, что Ош не поверил своим глазам.

Он не знал, что ответить. Орки не создавали семей, как это делали люди. Их отношения были свободнее. В них не было столько обязательности.

В прежнем племени у Оша были женщины, но никогда он не чувствовал того, что чувствовал теперь. Не произнося даже своих имён, они приходили утром и уходили вечером, когда племя пробуждалось от днёвки. Всё сводилось к удовлетворению жажды плоти и продолжению рода.

С Зорой всё было по-другому. Она не была женщиной Ургаша и, насколько известно Ошу, вообще не считалась чьей-либо женщиной. Колючая, как чертополох. Горячая и кусачая, как пламя костра. Она часто прикладывала его рукой или обидным словом. Он не знал, как подступить к ней. Никто не знал этого.

— Эх, молодость... — покровительственно вздохнул Локвуд и тут же ткнул сухой палочкой в карту, расстеленную на дощатом полу повозки. — Не отвлекайся. Как выглядит герб дома Гловер?

Наконец они оказались на старой дороге. Той самой, где впервые встретились почти полгода назад. Ош показал, где нужно повернуть в лес. В этот раз люди совсем не переживали, направляясь в логово Ургаша. Сами того не замечая, они стали частью стаи.

На лесной тропе повозку трясло и качало из стороны в сторону, когда обитые сталью

колёса натыкались на поросшие мхом камни. Встревоженные лесные птицы срывались с ветвей, устремляясь в бесконечность вечернего неба.

Наконец из-за тёмных елей показалась громадина скалистого хребта, поросшего молодыми соснами и жимолостью. Он торчал из тела леса, как позвоночник исполинского каменного монстра, нашедшего здесь свой конец в глубокой древности. Теперь, когда Ош посетил города людей, это место представлялось ему укреплённым замком, который заботливая природа соорудила для орков Ургаша.

— Что-то не так, — сказала Зора, прищурившись.

Пальцы девушки инстинктивно нащупали рукоятку ножа.

У орков свои пути общения, недоступные людям. Тончайший нюх, звериное чутьё и интуиция, подсказывавшая, где искать зверя и как обходить ловушки.

Ош приняхался и понял, что она права. В воздухе витал еле заметный запах тревоги. Лошади замедлили ход, стали фыркать и пугливо озираться.

Повозка всё ещё была достаточно далеко от входа в лагерь, когда полог пронзила кривая чёрная стрела. Зора тут же выхватила один из своих кинжалов и поднялась со скамьи. Внезапный порыв ветра подхватил её непослушную огненную гриву.

Направив клинок в сторону плотной поросли кустарника, где обычно таились часовые, рыжая бестия громко объявила о своём прибытии. А затем — что именно она намерена сделать с причинным местом лучника, если в их сторону полетит ещё хоть одна стрела.

По-видимому, её тирада произвела должный эффект, так как больше в них не стреляли.

Оказавшись возле узкой неприметной расщелины, прикрытой кустарником, они оставили повозку и испуганных лошадей. Проход был слишком узок для проезда. Чем глубже они продвигались, тем отчётливее становилась суматоха, царящая в лагере.

Первым, которого они здесь встретили, стал Ярга.

— Что стряслось? — сурово спросила Зора. — Где Ургаш?

— Вожак... он у себя. — Коротышка старательно выкручивался из её крепкой хватки. — Это всё племя Клыка. Оно хочет напасть на дома людей.

— Что? — встревожился и Локвуд, услышав, что происходящее касается его народа.

Адам нахмурился.

— Идёмте, — произнёс Ош, увлекая всех за собой, в сторону жилища Ургаша.

Они застали Ургаша за безуспешной попыткой натянуть на себя тронутую ржавчиной кольчугу. Трофейное одеяние было снято с человека, а потому никак не хотело налезать на мощный торс Крушителя.

— Варгово дерьмо! — выругался вождь, с размаху отправив проклятую стальную рубашу в самый тёмный угол лачуги.

Ургаш обернулся, и Ошу на мгновение показалось, что пылающие гневом маленькие глазки вождя немного смягчились.

— А, вернулись!

Он подошёл к Зоре, пристально глядя ей в глаза. Приняхался.

— Пахнешь странно, — констатировал он, слегка фыркнув, — почти как человек.

Ош не знал, чем это закончится. Он вспомнил, как впервые оказался здесь. Тогда Зора получила от вождя увесистую оплеуху.

На этот раз Ургаш оказался более милосердным. Он лишь взъерошил своей огромной пятернёй рыжую гриву Зоры, будто перед ним стояла не грозная охотница, а щенок дикого пса. В этот момент Ош впервые увидел её мимолётную улыбку. Раньше он никогда не смог

бы описать её одним словом, но новый Ош отличался от Оша старого. Улыбка Зоры была прекрасна.

— Эти что здесь делают? — недовольно спросил Ургаш, указывая на людей.

— Правда, что орки Клыка собираются напасть на деревню? — серьёзно спросил его Адам.

— Ещё как собираются, — подтвердил Ургаш, — если уже не напали.

— И что вы хотите делать? — не сдавался юноша. Теперь он выглядел гораздо увереннее и жёстче, чем в первый день их встречи на старой дороге.

— А почему я должен отвечать тебе, малец?

Ош понял, что вождь начинает закипать. Запас его терпения был крайне невелик.

— Потому что я — виконт Адам Олдри, человек, который отвечает за вас.

Несмотря на жуткую физиономию Ургаша, Адам не утратил мужества. Напротив, в его голосе было что-то такое, что во все времена заставляло одних людей подчиняться другим. Но Ургаш не был человеком.

— Что он несёт? — опешил великан, взглянув на Оша.

Тот показал ему жёлтый свиток, скреплённый королевской печатью.

— Я тебе попозже расскажу, — ответил Ош. — И всё же, что ты хочешь предпринять?

— То же, что и обычно. — Ургаш развёл огромными руками, показывая всем своим видом абсурдность вопроса. — Подождём, пока они закончат, а потом добьём победителя.

— Это недопустимо, — строго возразил Адам.

— Что? — Ургаш навис над юношей, как гора. Ош знал, что вожак того и гляди сорвётся, а тогда беды будет не миновать.

— Могучий вождь, — сказал Ош, — никто не ставит под сомнение твою отвагу и ум, но я думаю, что у меня есть более удачный план.

— Чтоб меня варги взяли, — воскликнул Ургаш, — да ты заговорил как человек!

Ош решил, что переусердствовал: орк не мог принять правила общения людей.

— А ты что скажешь, рыжая? — обратился Ургаш к Зоре.

— Я? — Она словно смутилась, а Ош ясно понял, что от её ответа сейчас многое зависит. — Я считаю, что тебе... следует выслушать Оша.

Следующие несколько мгновений Ургаш молчаливо и пристально смотрел на неё, будто пытаясь распознать какой-то подвох. Вожак принимал решение.

— Я тебя слушаю, — наконец медленно сказал он, повернувшись к Ошу, — и лучше бы мне понравились твои слова.

Сжимая эмиссарскую грамоту как волшебный оберег, Ош вкратце пересказал всё, что с ними случилось в столице, плавно переключившись на свой замысел относительно грядущего нападения.

Ургаш смотрел на него тем самым взглядом.

Глава двадцать седьмая. Вой и пламя

Всякая попытка подчинить этого лютого зверя обречена на провал. Сегодня я вынужден признать, что не разумею, как они делают это.

Отчёт Ёзефа Мейли, королевского псаря

Перед тем как тьма опустилась на лес, они отправили несколько человек, чтобы осмотреть окрестности. Одному из дозорных, дежуривших на стене, показалось, что он видел кого-то в зарослях.

Места здесь были дикие и, вполне возможно, в лесу просто пробежал зверь, но поселенцы не могли позволить себе беспечности.

У них уже были стычки с орками. Здесь, у подножия Железных гор, обычно искали вольной жизни, подальше от лап знати, душащих простой люд непомерными налогами. Однако риск был велик. Все понимали это. Суровая природа, дикое зверьё, и, что самое главное, племена орков нависали над ними постоянной безжалостной угрозой.

На тёмной дороге показался одинокий огонёк. Дежурившие за деревянным частоколом лучники сразу узнали факел. Когда он оказался на расстоянии полёта стрелы, стал виден силуэт бегущего человека.

Внезапно ночь вокруг него словно сгустилась, превратившись в огромную тёмную фигуру, мелькнувшую в оранжевых искрах пламени. Человек вскрикнул и исчез. На дороге остался лежать лишь тлеющий факел.

В поселении раздался пронзительный звон тревожного колокола. Люди выскакивали из жилищ, на ходу натягивая на себя одежду. На стене россыпью огней вспыхнули факелы и жаровни, разгоняя мрак. Топот множества ног, ропот десятков встревоженных голосов нарушили ночное безмолвие.

Озарённые слабыми всполохами пламени, вокруг метались тени. Они окружили селение, словно волки, преследующие раненого зверя. Из темноты раздавались страшные звуки: рычание, отдалённо похожее на собачий лай, воинственные крики и бряцание стали.

На селян посыпался град камней и стрел, слепо разивший любого, кто попадался ему на пути. Перекрывая вопли раненых и умирающих людей, прозвучал сигнал к атаке. Лучники на стенах огрызнулись залпом огненных стрел, прорезавших мрак ночи злыми оранжевыми молниями. Некоторые из них нашли свои цели. Другие угодили в землю, поджигая сухой лесной полог.

За огненным кольцом, лениво разраставшимся вокруг селения, рычали огромные чёрные варги, на спинах которых восседали орки племени Клыка. Их лица были раскрашены тонкими косыми полосами, выведенные кровью, но люди не могли видеть этого. Перед частоколом начиналось царство дымного сумеречного хаоса.

Пользуясь пылавшими островками земли как жаровнями, орки на ходу поджигали смазанные смолой стрелы, отправляя их в короткое путешествие за стену. Как могли, поселенцы тушили очаги пламени, однако в нескольких домах, кровлей которых служили плотные пучки соломы, быстро вспыхнул пожар. В деревне началась паника. Никто не ожидал такой внезапной и жестокой атаки.

Лучники стреляли почти наугад. Одну за другой они отправляли стрелы в клубившийся

дымом мрак, надеясь, что солнце выйдет из-за горизонта раньше, чем у них опустеют колчаны. Им было сложно попасть по стремительно передвигавшимся всадникам. К тому же варги, как и их наездники, прекрасно ориентировались в темноте.

К воротам полетели осадные крюки, выполненные из дерева и костей крупных животных. Для утяжеления к ним были привязаны камни. Если удавалось зацепиться за верхнюю кромку створок, в ночи тут же натягивались грубые канаты, сплетённые из молодой коры. Орки пытались проделать брешь в обороне, чтобы ворваться в селение.

На стенах показались люди с топорами. Они принялись отчаянно рубить проклятые крюки. Многие смельчаки падали ранеными или убитыми.

Люди отчаянно отбивались, но перевес был явно не в их сторону.

Вот одна створка ворот закрипела и обрушилась. В ореоле света тут же возникли страшные фигуры, яростно бросившиеся в брешь. Мохнатыми были не только варги. Облачившись в пугающие одежды из тёмных мохнатых шкур, орки сами напоминали этих свирепых хищников.

Селяне были готовы к подобному повороту. Открывшийся проход тут же перегородила гружённая мешками телега, оцетинившаяся деревянными кольями. Один из всадников напоролся на эту преграду, погибнув на месте. Другие бросились врассыпную, как волна, налетевшая на несокрушимую скалу.

Цена временной победы оказалась высока. Стрелы орков сразили половину селян, что толкали повозку.

Людей могло спасти только солнце, но до утра было бесконечно далеко.

Несколько раз орки предпринимали попытку прорваться через заслон, но всякий раз их удавалось отогнать. Когда люди поняли их замысел, было уже поздно. По груде мертвецов, выросшей перед телегой, нескольким всадникам удалось перепрыгнуть временный заслон, оказавшись внутри селения.

Вооружённые лопатами, вилами и топорами, жители прикончили их, сбросив на землю. При этом на одного всадника пришлось два-три покалеченных или убитых человека. В конце концов, варги — это не лошади. Каждый наездник представлял собой двойную угрозу.

На стенах всё ещё оставались немногочисленные лучники, выпускающие в ночь стрелу за стрелой, пытаясь предотвратить неизбежное. Во дворе перед сломанными воротами сгрудились все, кто ещё мог держать оружие. Они понимали, что следующая волна орков станет их неминуемым концом.

Огни пожара вновь явили людям их врагов. Наполовину орки, наполовину звери, казалось, они оседлали саму ночь. Чудовища.

Поселенцы поняли, что обречены, но не побежали. Смелые люди, что не побоялись прийти в эти опасные земли, приготовились к последней схватке.

Внезапно на звериных всадников обрушился дождь стрел. В следующее мгновение со стороны леса раздался воинственный клич, и принадлежал он явно не людям. Защитники увидели, что на опушке показались тёмные фигуры с факелами.

Атака всадников захлебнулась. Утратив интерес к селению, стая метнулась в сторону новой угрозы.

Лесные орки бросились прочь, увлекая за собой звериное племя.

Невероятная, немислимая удача! словно само Провидение вмешалось, отводя от людей неминуемую гибель!

Не теряя времени даром, селяне стали спешно заботиться о раненых и укреплять свою

оборону, опасаясь повторной атаки.

Внезапно, даже через стоны пострадавших и треск пожаров, пожирающих дома, из лесной чащи донёсся отдалённый шум битвы. Ему вторил жалобный вой умирающих варгов.

* * *

В равном бою банда Ургаша уступала племени Клыка. Ош прекрасно понимал это. В противном случае вождь давно разделался бы с ненавистными соседями.

План Оша был предельно прост. При его создании сильно помог орк, которого прозвали Рваным. Всё тело однорукого калеки покрывали шрамы от звериных когтей и зубов. Остальные обычно относились к нему с недоверием и враждебностью — и не только из-за его скверного характера. Раньше он принадлежал к племени Клыка. Он охотно помог новому вождю в надежде отомстить бывшим соплеменникам, бросившим его умирать.

Ош проверил верёвку. Она надёжно крепила его к стволу, почти не сковывая движений. Путь до земли был неблизким, а за спиной висело сразу два кожаных колчана. Он не хотел, чтобы в этот раз у него закончились стрелы.

На соседних деревьях виднелись жёлтые глаза его сородичей. Все они терпеливо ждали сигнала Ургаша, затаившегося внизу.

Руки Оша потели от волнения, но его тревожила не предстоящая битва. Он надеялся убедить Зору присоединиться к стрелкам на деревьях, но она предпочла сопровождать вождя, поскольку лук никогда ей не давался. Тогда орк тоже попросился в нижнюю боевую группу, чтобы присмотреть за ней в горячке сражения, как уже делал это раньше. Однако Ургаш и слышать ничего не захотел, ведь Ош был одним из лучших стрелков.

У ручья показали сородичи с факелами. По скорости их бега и паническим крикам Ош понял, что первая часть плана удалась. Племя Клыка следовало за ними по пятам.

Тут же из леса вынырнули тёмные фигуры всадников. Первый раз Ош видел такое количество варгов в одном месте. Этих хищников можно было бы принять за волков, но они были почти в два раза больше и имели иной окрас, от светло-бурого до угольно-чёрного. Кроме того, их головы были гораздо крупнее, как и их челюсти. Каждая из этих тварей была опасна уже сама по себе, но свирепые звери несли на своих спинах дополнительную угрозу — низкорослых орков племени Клыка.

Преодолевая ручей, несколько беглецов упали. Через считанные мгновения в них вонзились острые зубы мохнатых преследователей. Оша больно кольнуло осознание того, что в смерти этих орков была и его вина.

Но их жертва не была напрасной.

Издав яростный рёв, из-за деревьев выскочил Ургаш. Прочертив в воздухе серебристую дугу, его смертоносная палица опустилась на первого попавшегося всадника. Жуткий удар сбросил наездника на землю, переломив варгу хребет.

С деревьев обрушился жалящий дождь стрел. Выскочив из своих укрытий, орки Ургаша взяли стаю Клыка в кольцо, не давая им шанса на организованное отступление.

В ночи завязалась кровавая бойня. Её участникам не нужен был свет.

Неистово крича, Ургаш вновь и вновь поднимал своё грозное оружие, сея вокруг себя лишь смерть и хаос. Варги бросались на него, как собаки на медведя, но их тут же пронзали стрелы, падающие сверху.

Рука Оша напоминала тетиву его лука. Она буквально гудела от напряжения, отправляя вниз одну стрелу за другой. Орк рассчитывал лишь на то, что все они попадут во врагов. Благо, орков племени Клыка легко можно было отличить по мохнатым шкурам, надетым

поверх нагих тел. В пылу сражения Ош не видел Зору, но надеялся, что с ней не случится беда.

Всадникам удалось достать некоторых лучников, и теперь их тела висели на верёвках, напоминая Ошу ту корягу, на которой он тренировался перед турниром. Ему самому повезло больше. Два раза в его сторону стреляли и два раза промахивались. Одна стрела, посвистев у самого уха, исчезла в ночи, другая вонзилась в ствол дерева.

Тяжеловесные и неуклюжие, варги не умели лазать по деревьям, поэтому их челюсти угрожали лишь тем, кто остался внизу.

Не успел Ош запустить руку во второй колчан, как всё было кончено. Ценой немалых потерь банде Ургаша удалось нанести звериным всадникам сокрушительное поражение. Хотя некоторым из них удалось скрыться, исход это не меняло: племя Клыка обречено. В этой чаще погибла большая часть их воинов и охотников. Разобраться с остальными не составляло труда.

Когда Ош спустился с дерева, поросшая мхом земля хлюпнула под его ногами. Всюду была кровь. Чёрная принадлежала оркам, красная — варгам. Впрочем, и та и другая были для орка зловещими тёмно-серыми пятнами. Ночное зрение плохо различало цвета.

Между деревьями показался одинокий факел. Через лес шагал Локвуд, освещая дорогу Адаму. Ранее тот рвался принять участие в битве, но его удалось отговорить. Человек не мог сражаться в темноте. Теперь же юноша потрясённо наблюдал за кровавыми результатами ночной схватки.

На куче поверженных врагов возвышался Ургаш. Из его плеча торчала стрела, и теперь оставалось только гадать, была ли она выпущена звериными всадниками или принадлежала кому-то из своих. К вождю подошла Зора, вручив ему один из своих ножей. Ош с облегчением отметил, что девушка отделалась парой незначительных ран.

Приняв нож, Ургаш извлёк из мёртвой груды тело одного из всадников. От других его отличал шлем, выполненный из черепа варга. Шею мёртвого орка украшало ожерелье пожелтевших звериных клыков.

Несколькими ударами Ургаш отделил голову мёртвого орка от тела. Адама при этом зрелище чуть не вывернуло, но в этот раз ему удалось сдержаться.

— Чудовищно, — произнёс Локвуд. — Пойдёмте, господин. Вам не стоит на это смотреть.

— Зачем он делает это? — страдальчески спросил Адам, прикрывая рот рукой.

— Это их вождь, — ответил Ош так, будто это должно было сразу же всё объяснить.

Наконец Ургаш подвязал мёртвую голову орка за волосы к своему поясу и вернул Зоре её оружие. Затем он удалился вместе с ней и несколькими крепкими орками.

— Куда это он? — спросил Локвуд.

— В логово племени Клыка, конечно же, — ответил Ош.

— Племени Клыка? — удивился ключник. — Но зачем?

Ош старательно подумал, как это назвали бы люди, подобрав подходящее слово.

— Дипломатия.

* * *

— Кто-то идёт!

Крик лучника, дежурившего на стене, вновь встревожил поселенцев.

Они как раз закончили тушить пожары, бушевавшие в деревне. Несколько домов превратились в пепелище, другие удалось спасти. Повезло ещё, что пламя не тронуло ни

амбар, ни стояла с животными.

— Орки? — спросил кто-то.

— Вроде нет, — ответил дозорный.

К деревне приближались две тёмные фигуры. Одна казалась чуть больше другой.

— Стой! Кто идёт? — окликнул дозорный, вскинув лук.

— Его сиятельство лорд Адам Олдри, виконт Восточных земель! — ответил ему твёрдый старческий голос.

Это уже было слишком для разумения деревенского стража. Мало того, что ночные пришельцы явились с той стороны, куда ещё недавно бежала целая стая звериных всадников. Теперь же выяснилось, что к ним пожаловал самый настоящий лорд.

— Тогда я — его величество король, — усмехнулся лучник, не опуская оружия.

Старик хотел было наброситься на лучника с яростной речью, но молодой спутник остановил его.

— Добрый человек, — возвысил он звучный, благородный голос, — позови нам вашего кмета. Разговор есть.

На стене показался немолодой мужчина с пышной бородой. Его голову перевязывала лента желтоватой материи. На лбу она потемнела от крови.

— Ну, скажем, я кмет, — сказал он.

— Я — Адам Олдри, виконт соседнего удела, — представился Адам, — а это мой ключник, почтенный Локвуд.

— А чем докажешь, что ты виконт? — недоверчиво спросил кмет.

— А чем докажешь, что ты кмет? — возмутился Локвуд, чьё терпение было на исходе.

— Довольно вздорить, — прервал их Адам. — Впустите нас. Раненые нуждаются в помощи вивария, а мне нужно кое-что с вами обсудить.

— Что случилось с орками? — встрял дозорный.

— Они мертвы, — ответил ему Адам.

— Все? — удивился лучник.

— Только те, что представляли для вас опасность, — загадочно ответил юноша.

Кмет наморщился, пощупав окровавленную повязку, что-то прикинул про себя.

— Ладно, — согласился он, — заходите. Но только чтобы без глупостей.

Староста распорядился открыть наспех восстановленные ворота. По пути к ним Адам заметил в нагромождении мёртвых тел нападавших какое-то движение. Сначала он решил, что эти раненый, но, приблизившись, понял, что это не так.

В кровавой свалке копошился крохотный щенок варга. Маленькое полуслепое существо, покрытое мокрым чёрным мехом. Он тихо поскуливал, облизывая окровавленную морду мёртвого зверя, который, вероятно, был его матерью.

— Варгово семя, — хмуро отозвался Локвуд, но на этот раз Адам не внял словам учителя.

Юношей овладела жалость. Коварное чувство, порой просачивающееся в сердца добрых людей. Он увидел в этом малыше себя. Ребёнка, потерявшего родителя, свою жизненную опору.

Адам бережно завернул щенка в свой плащ, взяв на руки, как собственное дитя.

Выслушивая нравоучения наставника, юный виконт вошёл в селение.

Ворота за их спинами закрылись.

* * *

Утро выдалось туманным. Когда далеко на востоке только-только зажегся рассвет, в молочном влажном мареве раздались тихие шаги. В скальный лагерь Ургаша прибывали новые соратники. Одни шли на двух ногах, другие передвигались на четырёх. Тёмные мохнатые шкуры впитали в себя влагу просыпающегося леса, ошетилившись мягкими мокрыми колючками.

Ещё недавно при виде этих пришельцев часовые подняли бы тревогу, обрушив на них ливень стрел. Во главе новоприбывших шествовал сам Ургаш. За ним, облачённые в шкуры, тянулись остатки племени Клыка. Большей частью это были женщины и дети, но не только они.

За орками неотступно следовали две дюжины огромных мохнатых варгов вместе с годовалыми щенками. Многие поколения этих зверей выращивались орками в неволе. Они стали больше и злее диких сородичей, но при этом гораздо послушнее. Кроме того, орки знали, что люди часто используют огонь как оружие. Они приучили своих питомцев преодолевать естественный животный страх и не бояться пламени.

Ош встретил вожака у входа в лагерь. Адам и Локвуд пока оставались в деревне.

— Я всё ещё не понимаю, зачем они нам, — фыркнула Зора, поравнявшись с Ошем. — Лишние рты.

— А что бы сделала ты? — спросил её Ош в ответ. — Убила бы их всех?

— Я этого не говорила, — насупилась девушка, понимая, что он загнал её в тупик.

Даже если бы Ургаш позволил ослабленному племени Клыка остаться на своих землях, они наверняка не пережили бы следующей зимы. Голод? Болезни? Карательные отряды людей? Другое племя орков, спустившееся с гор? В конце концов, не важно, что погубило бы их. Без охотников у них не было шансов.

— Они нужны нам не меньше, чем мы им, — пояснил Ош. — Для выполнения поручения короля нам понадобятся эти варги. Жаль, что мы не смогли договориться раньше, до того как началась резня.

— Блохастые сами виноваты, — фыркнула Зора. — Что до людей, мы вообще не обязаны были их спасать.

— К сожалению, обязаны, — вздохнул Ош, посмотрев на зачехлённую королевскую грамоту, висевшую на поясе.

— Убедить их было просто, — похвастался Ургаш. — Мы забрали всё: еду, варгов, добрую сталь.

Вождь посмотрел в ту сторону, где за ручьём и непролазным буреломом находилось селение людей, которое они фактически спасли от гибели этой ночью.

— Мальчишке можно верить? Думаешь, он сделает, что обещал?

— Не сомневайся, — подтвердил Ош.

— Тогда у нас будет вдоволь еды и стали. Мы нашли у клыкастых деньги. Много.

— Часть этих денег нужно будет отдать людям. Им нужно восстанавливать свои дома.

— Вот ещё! — возмутился Ургаш. — Наша победа — наша добыча!

Ош предполагал, что здесь могут возникнуть проблемы. Он был готов к этому.

— Смекни сам, вождь: люди тоже бились с клыкастыми. Они убили многих. Часть нашей победы принадлежит им, а значит, они имеют право на долю.

— Пусть так, — нехотя согласился вождь. — Но если они обманут нас, я сожгу эту деревню дотла.

— Справедливо, — согласился Ош.

— Когда ты хочешь идти?

Ош понял, что на этот раз речь идёт о поручении короля.

— Сегодня ночью, вождь. Желаете идти с нами?

— Нет. — Ургаш посмотрел на Зору. — Она пойдёт.

— Вождь... — начала девушка, но Ургаш перебил её тоном, не терпящим возражений:

— Я сказал.

Скоро они скрылись в поросшей кустарником расщелине вслед за остатками племени Клыка.

Макушки деревьев тронули тёплые лучи утреннего солнца.

Занимался новый день.

Глава двадцать восьмая. Чужая земля

Когда замерзающий лучник был уже почти мёртв, молодой скакун перепрыгнул изгородь навстречу солнцу. Он хотел увидеть свою судьбу в прошлом безумцев и царей.

Донесение в королевский секретариат

Трещина. Величественный каньон, образованный некогда полноводным потоком, пролежавшим теперь по каменистому дну. В это время года река, название которой уже никто не помнил, оживала. Пыльное русло наполняли воды дождей и тающих снегов северных предгорий.

Однако это была лишь тень прежнего могущества. Широкий грязный ручей, вяло ползущий по иссохшей земле. Теперь уже никто не знал, что случилось с ним. Зато всем было известно, что не успеет лето перевалить за месяц близнецов, как дно Трещины снова высохнет. Лишь потрескавшаяся на солнце земля будет напоминать, что когда-то здесь текла вода.

Каньон был восточной границей королевства. Вдоль него периодически курсировали пограничные патрули, отлавливавшие контрабандистов из пустыни, пытавшихся провести свой товар в обход королевских кордонов.

Почти единственными обитателями каньона были чернокрылые стервятники. Сотни лет они гнездились на отвесных стенах, которые давали им превосходную защиту от хищников, желавших полакомиться яйцами или птенцами.

Сейчас один из таких стервятников вспорхнул в небо, встревоженный внезапным вторжением. Парившая в солнечной вышине птица недовольно клекотала.

Рядом с гнездом показались человеческие пальцы. Они вцепились в каменный выступ так, словно тот был самым дорогим и желанным предметом на свете.

Кряхтя от натуги, Эдуард подтянул тело вверх. Туда, где наконец мог поставить ноги, подарив рукам долгожданную передышку.

Он старался не думать о том, какое расстояние отделяет его от дна каньона. От этих тревожных мыслей юноша отвлекал себя планами по укреплению границы. Вернув себе доброе имя и графский титул, он позаботится о том, чтобы преодолеть её было не так просто.

Впрочем, простота эта относилась лишь к тем, кто собирался нелегально покинуть королевство. Попасть в него было значительно сложнее.

Там, где они спустились, воспользовавшись тайным маршрутом, который Ярви узнал от одного знакомого контрабандиста, подняться было практически невозможно. По сути, совершить подъём, не рискуя свернуть себе шею, можно было лишь в двух местах.

В одном из них возвышался Кран де Мор. Маленький, но хорошо укреплённый замок, стороживший Восточный тракт, мог держать осаду месяцами даже с небольшим гарнизоном.

Второй подъём находился южнее. Когда-то там тоже стоял замок, но орды кочевников двенадцати ханов, вторгшиеся в королевство двадцать лет назад, разрушили его. Теперь в этих руинах находилась лишь небольшая застава, следившая за тем, чтобы никто не воспользовался тамошними тропами. В народе это место называли Обвальным замком.

Вцепившись в трещины мёртвой хваткой, Эдуард посмотрел вверх. Вершина была

близко. Юноше оставалось всего несколько решительных рывков, чтобы достичь её.

Простор остался позади. Его родовые земли. Эдуард чувствовал, будто бежит оттуда, как жалкий рыночный воришка. В мечтах он представлял своё возвращение по-другому. Однако делать было нечего. Он должен был узнать правду.

Когда Эдуард уже почти добрался до края обрыва, камень под его пальцами предательски зашатался. Юноша едва успел перехватиться, чтобы не сорваться вниз. Выругавшись про себя, он обнаружил, что не видит уступа, за который можно зацепиться и продолжить путь вверх.

На краю пропасти возник силуэт человеческой головы. Для Эдуарда, смотревшего против солнца, он был сплошной чёрной тенью. Вниз протянулась покрытая татуировками жилистая рука. Ухватившись за неё, юноша нащупал ногами что-то, отдалённо напоминающее уступ. Суетливо шаркая по камню, ему удалось преодолеть последний участок склона, отделяющий его от ровного плато, раскинувшегося на вершине.

— Спасибо, — сказал Эдуард, пытаясь перевести дух.

Его загорелое лицо покрывал слой пыли и пота. Рядом лежал Ярви, старательно разминающий правое плечо.

— Похудел бы хоть, — недовольно посетовал вор. — Чуть руку не оторвал!

Эдуард уже привык к дурным манерам Ярви. Ему не давал покоя другой вопрос. Почему вор всё ещё сопровождал его? В конце концов, от цепи, что сковывала их когда-то, теперь остались лишь неприятные воспоминания да рубцы на запястьях.

Однажды он спросил Ярви об этом. Тот простодушно ответил, что им по дороге: он и сам собирался покинуть королевство, ведь беглые каторжники наверняка находятся в розыске. Конечно, с его талантами он мог бы присоединиться к какой-нибудь разбойничьей шайке, но жизнь на большой дороге не сильно-то прельщала южанина. Да и потом, Ярви был уверен, что Эдуард всё ещё должен ему, а долгов Трёхпалый никому и никогда не спускал.

Вытащив затычку из кожаной фляги, Эдуард сделал пару жадных глотков.

— Но, но, полегче, ваше лордство! Нам ещё топать и топать, а вода, вон она где...

Ярви кивнул вниз, на дно каньона.

Углубляться в пустыню здесь было откровенным самоубийством. Эдуард понятия не имел, где следовало искать кочевников.

Отряхнув пыль с одежды, они пошли на юг, вдоль трещины. Где-то там впереди лежал Восточный тракт, уводивший к далёким и чуждым землям, откуда в королевство везли пряности, ткани, драгоценности и дурманы.

Впереди было почти две сотни лиг. Недружелюбный, иссушенный солнцем путь, пролежавший по краю извилистой пропасти. Они шли в безмолвии, сберегая силы.

Несмотря на холодные месяцы, ещё недавно терзавшие их стужей и снегами, в этих местах было почти жарко. Восточные ветра несли с собой песок и жар пустыни, лежавшей за Трещиной. Летом это живительное тепло превращалось в губительные суховеи.

Эдуард знал, что сейчас было самое благоприятное время для путешествия по этим землям, и всё же его не оставляла тревога.

Возбуждение от подъёма по стене каньона отхлынуло, оставив горькое послевкусие в виде ноющих мышц и чувства близости собственной смерти. На этом фоне к Эдуарду вернулись воспоминания прошлой ночи.

Долгое время видения не посещали его, и юноша уже начал надеяться, что помешательство отступило в тот момент, когда проклятые тюремные шахты остались

позади. Однако он ошибался.

То была последняя ночь, проведённая на родине. Когда уже начинало темнеть, беглецы укрылись под кривыми ветвями старого сикомора. Его высохшие, корявые корни переплелись со склоном оврага, образуя заманчивое укрытие для путника.

Родиной этих деревьев были тёплые земли Побережья. Эдуард даже немного удивился тому, что они встретили сикомор здесь, так далеко на севере. Посадил ли его какой-то заезжий купец, или тому было какое-то другое объяснение, но теперь вековое древо было безнадежно мертво. Что не удалось холодам и вредителям, сделала молния, расщепившая узловатый ствол почти до самого основания.

Именно в основании этого иссохшего древесного скелета Эдуард вновь увидел отца.

Из сна его вырвал вкрадчивый шёпот и уже знакомый порыв ледяного ветра, который не раз сопровождал подобные события.

Откинув походный плащ, который использовался в качестве одеяла, юноша поднялся. Рядом тихо посапывал Трёхпалый. Несмотря на невероятно чуткий сон, вор не проснулся, словно чья-то воля заставила его остаться в мире ночных грёз. Огонь погас, но тусклого мерцания, исходившего от умирающих углей, хватило, чтобы Эдуард увидел, что на коряге у кострища кто-то сидит.

Тёмный силуэт был словно хрустальным. Воздушная плоть, из которой он был соткан, сливалась с окружавшей его ночью. Лишь глаза горели яркими огоньками. Они напоминали холодные звёзды, сияющие в ночном небе, но не освещающие мир.

Сначала Эдуард испугался, что услышит знакомый призрачный голос, но тишину ничто не нарушало. Пришелец даже не смотрел на него. Фигура просто сидела у потухшего кострища, словно ожидая чего-то. И это был его отец. Эдуард ясно почувствовал его.

Наутро он уже не мог сказать, был ли ночной гость явью, или его просто посетило тревожное сновидение. Дабы успокоить себя, Эдуард решил считать это сном и не говорить ничего Ярви. Однако вор сам спросил его, не заметил ли тот чего-то странного минувшей ночью. Юноша покачал головой, и тогда Трёхпалый указал на пару еле заметных следов, отпечатавшихся на присыпанной пеплом земле. Его недоумение можно было понять, ведь следы не только не принадлежали никому из них, они ниоткуда не начинались и никуда не вели.

Замечание спутника не на шутку встревожило Эдуарда. С одной стороны, получалось, что он не так уж и безумен, как полагал раньше. В то же время предположение, что всё, происходившее с ним, было реальностью, заставляло кровь стынуть в жилах.

В памяти тут же воскресло страшное воинство, шагавшее сквозь холодный туман навстречу злобному красному огоньку, горевшему вдали. Навстречу своей судьбе.

Эдуард стоял среди них. Он слышал их жуткие голоса. Кто они? Чего хотели? В чём был смысл видения? Показывало ли оно минувшее, настоящее или грядущее?

Неспокойные мысли терзали разум Эдуарда, пока ноги его монотонно шагали на юг. Смуглый напарник молча следовал за ним. Ярви вообще не любил, когда у него кто-нибудь околачивался за спиной.

Так прошёл первый день их заграничного путешествия. Один раз они видели на той стороне каньона всадников приграничного патруля, но те не особенно волновали их теперь. Здесь, за Трещиной кончалась королевская власть. Кроме того, от солдат их отделяла широкая пропасть, через которую едва могла бы перелететь даже стрела, выпущенная из лучшей крепостной баллисты.

Когда за горизонтом скрылось краснеющее солнце, а вокруг начала неудержимо разливаться прохладная степная ночь, путники стали присматривать место для привала. Идти в темноте было опасно. Здесь запросто можно было подвернуть ногу на шатком камне, сорваться в пропасть или вовсе наступить на одну из ядовитых змей, которые выходили охотиться по ночам.

К счастью, им скоро попалась подходящая ложбинка, прикрытая от ветра нависающим каменистым выступом. Старое кострище на дне указывало на то, что здесь уже когда-то останавливались. Но развести огонь оказалось не так-то просто. Здесь, к востоку от Трещины, почти не было дров.

Когда скромный костерок разгорелся, прогоняя прохладу и темноту, два уставших человека улеглись спать между ним и глухой каменной стеной, отражавшей тепло. Как и в древности, крохотный огонёк с готовностью стал скромным стражем, ограждавшим путников от опасностей и тревог степной ночи. Однако сегодня он оказался бессилён.

Как и прошлой ночью, Эдуард проснулся от навязчивого шёпота и ощущения чужого присутствия. Как и прошлой ночью, по ту сторону костра сидела тёмная фигура.

Незнакомец откинул капюшон просторных одежд, обнажая смуглую, почти чёрную в ночи голову. Эдуард подумал, что сейчас на него вновь посмотрят холодные звёзды, но в этот раз глаза пришельца оказались обычными, человеческими. Под ними белела такая же человеческая улыбка.

Покрывало Ярви взметнулось в воздух, словно его подхватил ветер. Эдуард не успел толком сообразить, что происходит, а вор уже стоял рядом с пришельцем. В руке Трёхпалого блестел нож, кончик которого упёрся в тёмную шею незнакомца.

— Я бы не советовал тебе этого, дахил, — сказал пришелец с сильным акцентом.

Ярви вглядывался в темноту вокруг костра пристальным и злым взглядом. Эдуард тут же понял, что ночь не была пуста. Она скрывала людей. И сейчас от них исходила почти осязаемая аура опасности.

Разбойники. Это было первое тревожное предположение, возникшее в голове Эдуарда. Впрочем, вряд ли. Им гораздо легче было бы умертвить своих жертв, пока те спали. Работоторговцы? Это совсем другое дело.

В детстве он слышал истории о торговцах людьми. К востоку от Трещины это было не такой уж и редкостью. Позднее, попав в шахты Гнезда Олофа, он узнал, что рабом можно стать и у себя на родине.

Эдуард был уверен, что никогда не встречал этого темнокожего человека раньше. В то же время тот смотрел на него так, словно они уже были когда-то знакомы. Во всяком случае, у Эдуарда возникло такое ощущение.

— Опусти нож, дахил, — вновь сказал незнакомец, и на этот раз в голосе его была сталь. — Это... невежливо.

— Прикажи своим людям выйти на свет, — ответил Ярви сквозь зубы, — и тогда я опущу его. Может быть.

— Фель-ча, аль-ка-та, — произнёс незнакомец, и из тьмы к костру вышли ещё шесть человек, закутанных в такие же просторные одежды.

Эдуард не знал этого языка, но слова эти сразу же напомнили ему о матери. Иногда она говорила на похожем диалекте, языке родного племени. Это значило лишь одно — люди, которых он искал, сами нашли его.

К этому времени Ярви, удовлетворённый тем, что его требование выполнено, спрятал

клинок в ножны и вернулся на своё место. Однако вор не расслабился. По его напряжённой позе было ясно, что он в любой момент готов сорваться с места, вступив в жестокую схватку с любым, кто посмеет угрожать его жизни и свободе.

— Вы — пустынники? — спросил Эдуард.

Лицо незнакомца чуть заметно скривилось при звуке этого слова.

— Мы — люди Свободных земель. Это правда, наши дома окружены песками. Ты спрашиваешь нас, кто мы, дахил, но не говоришь, кто ты сам. У вас совсем нет клади. Вы не похожи на вольных торговцев.

— Мы не контрабандисты, — подтвердил Эдуард.

— Если вы пришли сюда, чтобы заниматься лихими делами, — незнакомец сверкнул глазами на Ярви, — я предлагаю вам повернуть назад. Здесь не действует правда вашего короля. Пустыня живёт по законам крови.

— Меня зовут Эдуард. Это мой друг, Ярви. Смею уверить, мы здесь не для того, чтобы вредить людям Свободных земель.

— К'Халим Саг, — представился человек, положив ладонь на грудь и слегка кивнув. — Что же привело вас сюда, люди Речных земель?

Эдуард задумался, как лучше ответить на этот вопрос. Их загадочный собеседник наверняка угадает обман, но и полной правды ему пока лучше не говорить.

Люди К'Халима безмолвно стояли полумесяцем вокруг костра. На их поясах висели длинные изогнутые мечи, каких Эдуард ещё никогда не видел. Пустынники причудливым образом сочетали в себе спокойствие и почти осязаемую опасность.

— Ответы, — признался Эдуард. — Я ищу здесь ответы.

— А, так ты — мухтади? — На бородатом лице К'Халима расцвела широкая белозубая улыбка. — Нечасто к нам приходят такие люди.

— Мухтади? — спросил Эдуард.

— Искатель, — пояснил К'Халим.

— Ты можешь помочь мне, любезный К'Халим Саг? Я вижу, что ты — достойный человек.

Пустынник вновь наградил Эдуарда этим странным взглядом, словно хотел угадать в юноше что-то знакомое, но давно забытое.

— Я не могу дать тебе ответы, которые ты ищешь, — признался К'Халим, — но я знаю человека, который может тебе помочь.

Слова эти прозвучали странно, ведь пустынный не мог знать, что именно ищет Эдуард.

Поднявшись, К'Халим коротко сказал что-то своим людям, и те растворились в ночи.

— Я отведу вас в наш улус. Будьте готовы на рассвете.

С этими словами он покинул круг света, исчезнув вслед за своими людьми.

— Похоже на ловушку, — подозрительно проворчал Ярви. — Ты уверен, что мы можем ему доверять?

— Если бы они хотели убить нас, они давно бы это сделали. В конце концов, я пришёл сюда именно для того, чтобы найти их.

— Не нравится мне всё это.

— Тебе же совсем не обязательно идти со мной. Я уверен, что ты доберёшься до Восточного тракта и в одиночку.

— Размечтался. Ты всё ещё должен мне, маленький лорд. Не думай, что от Ярви Трёхпалого так просто избавиться.

Эдуард улыбнулся. Он не знал, что на самом деле движет его товарищем. Действительно ли это были жадность и честолюбие, или таким грубоватым образом вор скрывал возникшую между ними привязанность, опасаясь показаться сентиментальным? Так или иначе, Эдуард был рад тому, что продолжит путешествие в его компании.

— Спать давай, — недовольно пробурчал Ярви, устраиваясь у костра.

Эдуард решил последовать его совету. Время рассвета неудержимо приближалось.

Глава двадцать девятая. Красный Жеребец

Волею Короля и властью закона в розыск объявлен разбойник, душегуб и вредитель, известный как Красный Жеребец. Всякому мужу, считающему себя верноподданным, вверяется право безнаказанно вредить сему человеку, его поделщикам и всякому имуществу. За голову оного Король сулит добрую награду. Тысяча золотых крыльев за живого. Пять сотен за мёртвого.

Объявление королевского законника

День выдался пасмурный, и, хотя небо всё ещё не разродилось дождём, запах его витал в воздухе с самого утра. Над полями лениво гуляли тёмные тучи, словно выбирая место, где они хотели бы пролить свои по-весеннему холодные слёзы. Ветер терзал этих скитальцев, унося их серые клочки на север, в сторону гор.

В трактир вошёл закутанный в плащ человек. Сев у стойки, он жестом показал, что хочет промочить горло. На стойку упало несколько медяков.

Упитанный и добродушный, как большинство людей его профессии, трактирщик подал посетителю пинту пива. Украдкой заглянув под капюшон, он едва заметно вздрогнул. Из тени на него блеснули жёлтые, как мёд, глаза.

— Есть ли здесь купцы? — спросил посетитель.

У него был низкий, но молодой голос, и трактирщик решил, что перед ним юный кольценосец. Он уже встречался с подобными людьми. Выходцы из Предела, они часто покидали родные земли в поисках лучшей доли. Не умея ни сеять, ни торговать, эти сорвиголовы, как правило, становились вольными мечами, нанимаясь к тем, кто больше заплатит.

— Купцы?

— Там гружёные телеги, а в конюшне полно лошадей, — пояснил пришелец.

На стойку упала пара серебряных перьев. Как и все деньги королевства, это были овальные монеты с небольшим отверстием, позволявшим легко собирать их в стопки.

В деньгах заключалась особая магия. Например, они могли быстро освежить память.

— Это караван почтенного Урбана Дола, — доверительно сообщил трактирщик, привычным жестом подвигая монеты в свою сторону. — Он направляется в Торную гавань с грузом ткани и пряностей.

— Нужны ли почтенному Урбану Долу телохранители? — спросил незнакомец.

— Не ведаю, — ответил трактирщик, вероятно надеясь выманить ещё пару монет.

— Зависит от цены и качества.

Хозяин заведения чуть не подпрыгнул на месте, услышав этот голос.

По лестнице спускался немолодой человек в чёрной замшевой шапочке без полей и потёртом кожаном платье бывалого путешественника. В его руках был сложенный плащ, а на поясе болтался хлыст с костяной рукояткой.

По реакции трактирщика легко было догадаться, что это и есть Урбан Дол.

— Что умеешь, малой? — бойко спросил купец.

— Чего надо, то и умею. Ставь против меня двоих своих людей, и я уложу обоих.

— Если ты с клинком, как с языком управляешься, то милости просим. Много ли

хочешь?

— Мне к морю надо, — ответил юноша в плаще, — а вам лишние руки не помешают. Ходят слухи, что на дороге опасно. Если выпадет случай драться — заплатишь как придётся, а нет — тогда и не должен ты ничего.

— А чем докажешь, что ты не заслан разбойниками?

— А ничем не докажу, — ухмыльнулся юнец, обнажив ряд удивительно острых зубов. — Сам решай, берёшь или нет.

— Беру, — согласился купец, который не любил долго думать. Как многие другие торговцы, в своих делах Урбан Дол привык полагаться на счастливый случай и чутьё, которое редко его подводило. Вот и в этот раз чутьё подсказало, что человек этот встретился ему неслучайно.

Получив неожиданное подкрепление, караванщик громко велел собираться. Сверху спустились ещё несколько человек, на ходу застёгивая пояса. Урбан Дол не привык долго засиживаться на постоянных дворах. Караван выехал, как только все его участники были готовы.

— Звать-то тебя как?

Дол посадил нового спутника рядом с собой. Отчасти потому, что изрядно скучал в долгом пути, отчасти для того, чтобы иметь возможность убить нового знакомого собственными руками, если тот собирается заманить их в ловушку или предать.

— Зоран.

— Чудные у вас там имена на Западе, — усмехнулся караванщик, подстегнув плетью ленивых лошадей.

Кольценосец ничего не ответил. Он внимательно оглядывался по сторонам, словно стараясь запомнить любую мелочь.

Восточный тракт был главным торговым путём. Соединяя причалы Торной гавани с далёкими землями Восхода, лежавшими где-то за Сыпучим морем, он петляющей линией тянулся через полкоролевства.

Там, где сейчас пролегал маршрут каравана, проходила граница между Восточным и Ханским уделами. Слева возвышалась стена тёмного леса. Справа, насколько хватало глаз, простирались бескрайние холмистые равнины Простора. Именно здесь происходили нападения шайки Красного Жеребца, терроризировавшей эту дорогу уже два года.

Тревожное место. Иногда караванщику казалось, что он видит какие-то тени, мелькавшие среди деревьев, но всякий раз ему удавалось убедить себя, что это лишь игра его воображения.

Сзади раздался крик одного из погонщиков. Встревоженный смуглый мужчина показывал пальцем на северо-восток. Оттуда к каравану стремительно приближались полдюжины всадников.

— Кажись, придётся всё-таки тебе заплатить, — хмыкнул Дол, глянув на попутчика.

Тем временем закутанный в плащ юноша пристально смотрел в сторону леса, будто не замечая преследовавших их разбойников.

— А ну, пошли, проклятые! — крикнул купец, ударив хлыстом лошадей. — Попробуем добраться до восточной заставы!

На первый взгляд, купец действительно мог спастись бегством. Расстояние, отделяющее караван от всадников, всё ещё было велико, когда впереди, из-за каменистого холма показались новые разбойники. Их было гораздо больше, чем преследователей.

Возглавлял шайку человек на огромном, чёрном как уголь скакуне. Он был облачён в доспехи, достойные знатного рыцаря. Развевавшиеся над разбойниками стяги были украшены изображением красного коня, вставшего на дыбы.

Урбан Дол вынужден был остановиться. Бегство было невозможно, но он не собирался сдаваться без боя.

Вожак шайки выехал вперёд, сняв шлем. Утончённые черты лица молодого разбойника, длинные волнистые волосы и аккуратно постриженная борода свидетельствовали, что это не простолудин. Его тёмные холодные глаза болезненно блестели.

— Ты, значит, и есть Красный Жеребец? — с вызовом спросил у разбойника купец, вероятно пытаясь выиграть время.

— Так моя слава идёт впереди меня? — рассмеялся всадник, но во взгляде его был лёд. Его конный отряд медленно приближался к каравану, как хищник, крадущийся к беспомощной жертве.

— Мечи лежат под сиденьем, — шепнул купец своему попутчику.

— Ваше имущество изымается в пользу отряда сопротивления, — гордо сообщил глава налётчиков, положив руку на эфес длинного меча, висевшего на поясе.

— Вы, свинопасы, получите это добро только через мой труп, — ответил ему караванщик.

Быть может, в другом случае он уступил бы товар разбойникам, чтобы спасти жизнь своих людей, но слава Красного Жеребца действительно шла впереди него. Этот подонок редко оставлял живых свидетелей.

— Убить их, — сказал лидер банды безразличным, скучающим голосом, словно велел своим слугам постирать бельё или накрыть на стол.

Разбойники ринулись на караван. Урбан взглянул на своего попутчика, ища поддержки, но увидел лишь жёлтые, горящие злобой глаза.

— Не бойся, человек, — сказал Зоран и, сняв с пояса бычий рог, стремительно поднялся.

Подхваченный ветром капюшон тут же слетел с головы, высвободив копну длинных рыжих волос, яростно взметнувшихся, словно пламя. Только теперь купец понял, что его загадочный попутчик был женщиной. И не простой.

Поднеся рог к губам, рыжеволосая дикарка извлекла из него длинный низкий звук, отразившийся от холмов глухим эхом. В это мгновение лес, тянувшийся вдоль дороги, ожил десятками голосов, и голоса эти были совсем не человеческими.

* * *

— Огонь! — скомандовал Ош, как только услышал сигнал Зоры.

Пасмурное небо прочертили дымные следы огненных стрел. Однако они обрушились не на головы разбойников. А перелетев через тракт, упали в поле.

Оркам повезло. Несмотря на хмурую погоду, здесь давно уже не было дождя. Высушенная весенним солнцем трава вспыхнула, превратив кромку дороги в ревущую стену пламени.

С двух сторон на тракт выскочили варги, каждый из которых нёс лучника, облачённого в звериную шкуру. Они отрезали последние пути к бегству.

Когда ловушка захлопнулась, на опушке леса показался Ош. Под ним свирепо скалился огромный бурый варг. Зверь злобно рычал на людей, клацая массивными челюстями.

Разбойники тут же забыли о купцах. Застигнутые врасплох, они превратились из

охотников в добычу. Орки явно превосходили их числом.

Ош поднял над головой эмиссарскую грамоту.

— Именем короля Конрада, хозяина Серого престола и правителя людей, я заключаю вас под стражу, — возвысил орк свой голос, перекрикивая треск пламени, ревущего в полях. — Сложите оружие, и я сохраню вам жизнь!

Это обескуражило людей ещё больше, чем неожиданная засада. Что за вздор? С каких это пор орки служат королю?

Первым молчание нарушил вожак бандитов. Он громко и мелодично рассмеялся. Когда веселье иссякло, он обратился к своим людям:

— Солис вас возьми, чего вы ждёте? Убить их всех!

Орки сорвались с места, словно приказ разбойника был адресован им.

Воздух наполнился свистом чёрных стрел и запахом крови. Варги бросались на лошадей, впиваясь в них зубами.

Попавшие в самое сердце этой бойни караванщики не знали, что им делать. Испуганные лошади рвались в разные стороны, и погонщикам с трудом удавалось сдержать их паническое бегство.

Кто-то из разбойников решил воспользоваться неразберихой, чтобы урвать свою часть богатой добычи. Завязалась потасовка.

Зора сорвалась с телеги Урбана в яростном прыжке.словно дикий зверь, она обрушилась на первого попавшегося бандита, сбросив его с лошади. Лезвие боевого ножа глубоко утонуло в его груди. Под весом Зоры клинку без труда удалось пробить клёпанный нагрудник из свиной кожи.

В удушливом белом дыму вырос силуэт всадника. Это был главарь разбойников, верхом на своём угольно-чёрном жеребце. Его изящное лицо было перекошено от гнева и презрения.

Человек занёс длинный меч, намереваясь убить Зору одним ударом, но в это момент на него налетел огромный варг. Неуклюжему зверю не удалось достать зубами ни коня, ни всадника, но Ош слетел с его мохнатой спины, как снаряд катапульты. Тяжело врезавшись в наездника, орк сшиб того с коня, увлекая за собой на землю.

Вокруг кипела кровавая сеча. Оглушающая разноголосица: звон металла, крик, ржание лошадей и злобное ворчанье варгов. Всё тонуло в дыму и дорожной пыли.

Голова Оша всё ещё гудела, когда он поднялся на ноги и обнажил меч. Орк сделал это как раз вовремя, ведь в следующее мгновение длинный гранёный клинок обрушился на него слева. Рука содрогнулась, глухо звякнула сталь.

— Грязное животное, ты на кого лапу поднял?! — ревел главарь разбойников, заноса оружие для нового удара. — Ты хоть знаешь, кто я такой?

Он был невероятно хорош в бою. Ошу с трудом удавалось парировать яростные выпады.

Сосредоточив своё внимание на мече противника, орк на мгновение упустил из виду его вторую руку. Тяжёлый кулак, облачённый в латную перчатку, врезался в голову Оша с силой кузнечного молота. Глухо лязгнул металл. Скрипнули зубы. Перед глазами всё поплыло, а ноги подкосились сами собой.

Когда орк свалился на землю, главарь бандитов занёс меч, чтобы оборвать его жизнь. На этот раз Ош не слышал голоса Безымянного, он вообще мало что слышал, видел и соображал.

Раздался глухой удар. Взгляд бандита сделался бессмысленным, а меч выпал из его обмякшей руки, вонзившись в землю. Вслед за оружием в пыль рухнул и его владелец.

Позади стояла Зора. Рыжие волосы растрепались. Плечи тяжело вздымались. Пальцы судорожно сжимали булыжник, украшенный свежим кровавым пятном.

Отбросив камень в сторону, Зора достала из-за пояса нож, склонившись над поверженным врагом. Бесцеремонно схватив главаря разбойников за волосы, она поднесла острое лезвие к его шее.

— Нет, — остановил её Ош, поднимаясь на ослабевшие ноги. — Этот гад понадобится нам живым.

Глава тридцатая. Тёмный

Люди эти, вне всяких сомнений, подлежат всякому преследованию и гонению, потому как лживыми речами своими возводят хулу как на святое учение Наследия, так и на озарённый сиянием Древних Серый Престол Вашего Величества.

Капитул Наследия. «Грамота о вероотступниках»

Гулкий звон. Жуткий звук. Неправильный. Тревожный. Будто кто-то бьётся головой в пустой медный казан.

Эдуард открыл глаза. Над ним был потолок из жердей, обтянутых старыми шкурами и грубым полотном. Он напоминал рукотворный скелет, точнее, иссохший на солнце труп.

Звук давил на уши, угнетал. Что-то невыразимо тоскливое и зловещее было в этих глухих монотонных ударах, подхваченных воем ветра.

Откинув пыльное покрывало, Эдуард поднялся с циновки.

Очаг посреди юрты давно погас. Сверху, из дымоходного отверстия, на холодные угли сыпался мелкий песок, наполненный тусклым желтоватым светом.

Рядом не было никого. Ни Ярви, ни сурового пустынного по имени К'Халим, их неожиданного проводника. Эдуард почувствовал себя страшно одиноким.

До уха не долетало ни слова человека, ни ворчанья зверя. Лишь завывания безжалостного ветра и вездесущий звон, напоминавший похоронный.

На зубах неприятно скрипел песок. В воздухе ощутимо пахло гарью.

Откинув полог юрты, Эдуард вышел наружу и тут же остолбенел от зрелища, открывшегося его глазам.

Пустынный улус превратился в поле боя. Юрты и шатры пылали. Иссушенную солнцем землю покрывали распростёртые тела. Люди, верблюды, кони. Они были изрублены в куски, словно неизвестным убийцам мало было просто умертвить их. Нет, они искали выход своей ярости, вновь и вновь изливая её на своих жертв. Женщины, дети, старики — никого не пощадил злой рок. Никто не избежал его губительного прикосновения.

Над побоищем бушевала песчаная буря, милосердно скрывая истинный масштаб кровопролития.

Впереди, возле колодца, виднелась тёмная фигура человека. Подойдя ближе, Эдуард узнал в нём К'Халима.

— Они придут с бурей, дахил, — монотонным бесцветным голосом произнёс пустынный. — Они придут с огнём. Солнце пробудит их ото сна. Солнце и голод.

Пустым взглядом К'Халим смотрел навстречу ветру, в клубящийся песчаный сумрак бури. Только тогда Эдуард заметил, что из груди пустынного торчит окровавленный меч, а на осунувшемся лице засохли бордовые брызги.

Впереди появились тёмные силуэты. Слишком далеко, чтобы можно было разглядеть их через пелену взъерошенной ветром пустыни, но Эдуард сразу узнал эти холодные огоньки, напоминавшие светочи тюремных шахт.

Протянув вперёд руку, К'Халим двинулся им навстречу жуткой, изломанной походкой. Эдуард хотел остановить его, но ноги словно приросли к земле.

— Постой, — отчаянно позвал он. — Скажи мне. Скажи, кто сделал всё это?

— А ты разве не знаешь? — усмехнулся К'Халим, не оборачиваясь к нему.

Эдуард с ужасом понял, что теперь он слышит голос отца.

Фигура К'Халима медленно повернулась. Теперь на Эдуарда смотрело окровавленное лицо раздавленного камнями Хэнка. В его глазах словно отражались холодные голубые звёзды. Вытянутая вперёд рука напоминала копье, наконечником которого был безжалостный указующий перст.

— Это сделал ты, — прозвучал суровый голос Натаниэля Колдриджа.

* * *

Ловя ртом воздух, Эдуард вскочил с циновки так, словно его ужалил скорпион.

Юрта выглядела точно так же, как во сне, но крохотные отличия успокоили бешено колотившееся сердце юноши. Над тлевшими в очаге углями висел покрытый копотью котелок. От горячей воды поднималась ленивая струйка пара.

Напротив в отдалении лежал Ярви. Укрывшись цветастым одеялом, напоминавшим тонкий ковёр, он спал, отвернувшись лицом к стене.

Через круглое отверстие для отвода дыма в жилище лился тёплый свет утреннего солнца.

Когда они пришли в селение, было уже совсем темно. Эдуард буквально валился с ног от усталости, ведь путь занял без малого три дня. И это по раскалённым камням и пескам Сыпучего моря!

Зимы здесь попросту не существовало. Во всяком случае, днём. Как вор, крадущий тепло, она приходила под покровом ночи. Тогда Эдуарда сотрясал озноб, заставлявший скучать по мучительному дневному зною.

Он словно чувствовал, как эта жестокая земля испытывает его на прочность. Бросая человека то в жар, то в холод, пустыня напоминала сурового кузнеца, закалявшего плоть.

Губы высохли и потрескались. Там, где тело не прикрывала одежда, покрасневшую кожу нещадно саднило. Лицо и руки потемнели, впитав в себя частичку палящего солнца. Только шрам на лице сохранил свой болезненный бледно-розовый цвет.

Снаружи звучали глухие голоса, говорящие на неизвестном Эдуарду языке. Мимо промчался ураган звонкого смеха, порождённый играющей детворой. Где-то поблизости ржали лошади. Пахло дымом, сухим деревом и пряностями.

Пустынное селение жило своей замкнутой жизнью.

Эдуард не стал обуваться. Поднявшись с циновки, он сразу ощутил под ногами прохладный песок.

Откинув в сторону плотный полог, закрывавший вход, Эдуард болезненно поморщился, прикрывая лицо руками. В глаза ударило яркое утреннее солнце, встававшее над пустыней.

Юрты кочевого народа всегда смотрели на восток. Это были приземистые округлые строения, покрытые выделанными шкурами, тканью и циновками, натянутыми на лёгкий каркас. Одни были безликими и мрачными, другие покрывал цветной орнамент, нанесённый поверх белой известки.

Яркими остроконечными пятнами между юртами торчали походные шатры.

Подслепогато шурясь, Эдуард окинул взглядом селение. Ни крови, ни мёртвых тел, ни следов пожара. Улус наполняла неторопливая жизнь утреннего часа.

Успокоившись, юноша понял, что его мучит жажда. Собираясь утолить её, он шагнул в сторону колодца, но в следующее мгновение ноги приросли к земле. Поражённое ужасом

сердце словно замерло в груди. Нагретый солнцем воздух сгустился, превратившись в тяжёлое вязкое марево. Эдуард почувствовал, как на спине выступил холодный пот, от которого рубаха сразу прилипла к телу. Пересохшее горло судорожно сглотнуло.

У широкого колодца с толстым глиняным бортом было несколько человек. Женщины стирали какие-то тряпки. Мужчина остановился, чтобы напиться из медного ковша, болтавшегося на цепи. Двое маленьких детей весело брызгали друг на друга водой. Сверкавшие в солнечных лучах капли были похожи на жидкое золото.

Никто из этих людей не обращал внимания на мрачную фигуру человека, закутанного в чёрные одежды. Неподвижно возвышаясь над ними, он, словно обвиняя, указывал пальцем в сторону Эдуарда. С окровавленного лица на юношу смотрели широко распахнутые мёртвые глаза...

— А, ты проснулся, дахил!

Низкий голос К'Халима заставил Эдуарда оторваться от страшного наваждения. Приветливо улыбаясь, пустынный шёл к нему по широкому проходу, пролегавшему между юртами.

Когда Эдуард снова посмотрел на колодец, от зловещей фигуры не осталось и следа.

— Что с тобой, дахил?

Это обращение не нравилось Эдуарду. Как-то он спросил К'Халима, что оно означает. Сначала пустынный сказал, что это сможет понять лишь человек из его народа, но потом всё же подобрал примерный перевод. Это слово обозначало чужака, пришельца.

— Всё... нормально. — Эдуард протёр глаза. — Просто плохо спал.

— А, понимаю. Вам, людям с Запада, тяжело привыкнуть к нашей земле.

— Да, — согласился Эдуард, — это так.

— Помнишь, я говорил про человека, который сможет тебе помочь? Он готов говорить с тобой.

— Да... хорошо, я только Ярви толкну, и мы пойдём к нему.

— Не стоит, — К'Халим предостерегающе поднял руку, — вы будете говорить наедине. Его слова предназначены лишь для твоих ушей.

— Кто же он такой?

— Ты сам всё увидишь, — загадочно сказал пустынный. — Идём.

Они миновали дозорных, охранявших окраину улуса. Облачённые в светлые одежды, они курили и играли в кости, убивая безмятежные утренние часы. У каждого из них был такой же изогнутый меч, какой юноша видел на поясе К'Халима.

— А мы далеко собираемся идти? — слегка встревожился Эдуард, который так и не удосужился обуться.

— Там. — К'Халим показал на одинокую юрту, стоявшую особняком от остального поселения.

Кем бы ни был этот человек, по какой-то причине он жил отдельно от остальных.

Когда они оказались у входа, завешенного плотным покрывалом, К'Халим жестом пригласил Эдуарда войти, дав понять, что сам он останется ждать снаружи.

— Не ври ему, — предупредил пустынный. — Он узнает. Он всегда знает.

Откинув грубый полог, Эдуард вошёл. В нос юноше сразу ударила причудливая смесь запахов. Экзотические благовония, сушёные растения, пыль, дым, ароматы пищи и напитков смешивались здесь со сладковатым смрадом тлена.

С потолка свисали гирлянды сушёных грибов и корней. Одним Древним было

известно, откуда они взялись здесь, в пустыне. Жилище было щедро украшено поделками из кости и дерева. Тут и там виднелись исписанные свитки, выполненные из тонко выделанного пергамента. На сундуках стояли стеклянные сосуды с мутными жидкостями.

За низким столиком сидел старик в тёмной одежде, подпоясанный широким кушаком. Смуглое сморщенное лицо с короткой седой щетиной когда-то тронуло пламя, оставив за собой огромный уродливый рубец. Один глаз закрывало жуткое слепое бельмо. Второй глаз заполнял яркий жёлтый цвет, словно мерцавший в полумраке.

Рядом, на резной подставке, курилась длинная трубка, выполненная из чёрного серебра.

Старик что-то старательно перетирал в тяжёлой глиняной ступе. Эдуард застыл, не решаясь заговорить первым. Он понял, что видит перед собой пустынного колдуна: детей Простора часто пугали ими в детстве.

Не они ли свели с ума его отца? Что ждёт его самого? Эдуард понимал, что в нём течёт та же кровь. И он боялся, что они найдут в ней ту же слабость.

— Сядь, — коротко сказал старик. — Настоись ещё.

У него был тихий хриплый голос, вызывавший смутное чувство тревоги. В нём словно ощущалась скрытая, потаённая сила, рождённая знанием чего-то неведомого и великого.

Когда Эдуард опустил, заняв место напротив, ему показалось, что на мгновение старик к чему-то прислушался. Как будто его уши пытались уловить призрачный, ускользающий звук.

— Да, я вижу, — тихо сказал он, обращаясь, по-видимому, к самому себе.

— Меня зовут Эдуард. К'Халим сказал, что вы можете помочь мне.

— Он сказал, что ты ищешь ответы, — согласился колдун, высыпая тёмно-коричневый порошок из ступы в изогнутый стальной сосуд, украшенный причудливым орнаментом. — Теперь нужно только разобраться, известны ли тебе вопросы.

— Мой отец... — начал Эдуард.

— Он был здесь, — кивнул старик, установив причудливый ковшик на приземистую печь.

Эдуард не знал, как на это реагировать, ведь он даже не успел ничего рассказать ни о себе, ни об отце. Быть может, он рано записал этого старика в колдуны? Не привёл ли его пустынный к местному сумасшедшему, чтобы поиздеваться над доверчивым чужаком?

— Вижу в тебе великие сомнения, сын мёртвого владыки. — Старик рассматривал его блуждавшим жёлтым глазом, напоминавшим янтарь, озарённый светом солнца. — Сомнения и страх.

Сын мёртвого владыки? Эдуард не верил своим ушам. Кто сказал ему? Ярви? Нет, вряд ли. Быть может, его узнали? Но кто? Как?

— Откуда вы...

— Ты похож на него. Возможно, даже больше, чем сам думаешь.

— Вы знали моего отца?

— Нет. Но он был здесь. Давно. Много лет назад. Искал ответы. Как и ты.

— Ответы? Какие ответы?

— Он хотел знать истину, — старик снял с печи ковш, тёмная пена в котором яростно зашипела и начала подниматься вверх, — и истина погубила его.

Колдун разлил содержимое стального сосуда по двум крохотным чашечкам, стоявшим на столе. Вместе с паром в воздух взвился резкий, незнакомый Эдуарду аромат. Этот

терпкий густой запах словно манил к себе.

— Угощайся, — дружелюбно сказал старик, пригубив свой чёрный как ночь напиток.

— Истина? О какой истине вы говорите?

Голова Эдуарда шла кругом от этих загадок. Ноздри щекотал непривычный запах.

— Я мог бы рассказать, но ты не поверишь мне. — Старик сделал ещё один глоток. —

Решись, что я обманываю тебя, ибо власть их над твоим сердцем велика.

— Их власть?

— Ты задаёшь много вопросов, дахил, но я всё ещё не слышу вопроса, с которым ты пришёл сюда.

Эдуард собрался с духом. Что будет, когда он узнает ответ? Может ли он довериться колдуну? Что ему делать дальше?

— Мой отец... — наконец сказал он. — Он действительно был безумен, как говорят люди?

— Что такое безумие? — Старик неожиданно и страшно улыбнулся. — Представь, что люди всего королевства сошли с ума, а ты сохранил рассудок. Кто будет назван безумцем? Они или ты?

— Я не понимаю, — признался Эдуард, поднимая к губам чашечку с тёмным варевом.

Сделав первый глоток, он закашлялся. Диковинный напиток оказался ужасно горьким. Старик беззлобно рассмеялся.

— Я не могу ответить на твой вопрос, дахил. Тебе придётся ответить на него самому, когда ты узнаешь то, что знал он. Если ты, конечно, готов к этому.

— Я готов, — твёрдо сказал юноша.

Колдун смерил его задумчивым, словно оценивавшим взглядом. У Эдуарда возникло впечатление, что старец сказал ему далеко не всё. Он чувствовал, что этот загадочный человек скрывает от него что-то важное. Что-то, в чём сам он пока сомневается.

— Пусть будет так, — согласился старик и позвал К'Халима, позволив ему войти.

— Да, Хазар?

Только теперь Эдуард понял, что впервые слышит имя старика.

— Отведи его в место памяти. Он должен зайти туда один.

Пустынник что-то возразил на своём, незнакомом Эдуарду наречии. Юноше показалось, что он услышал в беглой речи кочевника уже хорошо знакомое ему слово «дахил». Колдун не дал К'Халиму закончить.

— Он — мухтади, — сказал старик. — Это всё, что тебе пока нужно знать. Отведи его туда, куда я велел, и ты получишь ответы на свои вопросы.

К'Халим поклонился, но не так, как делали это люди королевства. В жесте пустынника не было слепого повиновения и подобострастия. Его наполняло достоинство и смиренное уважение к старцу.

Эдуард собрался выйти вслед за К'Халимом, когда старик вновь обратился к нему.

— Ты ведь видишь их, да?

Юноша чуть заметно вздрогнул. По телу неприятно пробежали мурашки.

— Что? — переспросил он севшим голосом.

— Нет, ничего. — Хазар улыбнулся какой-то своей мысли. — Иди. Он ждёт тебя.

В этот момент юноша готов был поклясться, что Хазар имел в виду вовсе не К'Халима.

Когда они покинули юрту колдуна, пустынник велел Эдуарду собраться в дорогу. По его словам, путь к месту памяти должен был занять у них около суток. Разумеется, если они не

пойдут пешком и воспользуются верблюдами.

Эдуард было возразил, что никогда не ездил на этих животных, но пустынный успокоил его, обещая обучить этому несложному делу.

— А что такое «место памяти»? — спросил юноша.

— Ты сам это поймёшь, — ответил К'Халим, — если сможешь увидеть.

Эдуарда начинала утомлять эта вечная манера пустынников не давать чёткого ответа.

— Если смогу увидеть что?

— Истину.

У юрты их ждал Ярви. Вор был недоволен, что напарник бросил его в одиночестве и куда-то смылся. Трёхпалый не успокоился до тех пор, пока Эдуард не пообещал взять его с собой в предстоящую поездку.

Скоро подошёл К'Халим, и, оседлав верблюдов, троица двинулась в путь.

Глава тридцать первая. Знатная добыча

Довожу до сведения Вашего Величества, что наследник ни среди убитых, ни среди раненых не обнаружен. Граф хранит упрямое молчание, но мы сомневаемся, что ему известно больше, чем нам. Поиски продолжаются.

830 год эры человека, военный доклад

Она ударила его в лицо.

— Хватит, — сказал Ош, наблюдавший за происходящим.

Зора отпустила пленника, разминая пальцы правой руки. Её кисть была туго обмотана кожаным ремнем, защищавшим костяшки пальцев.

Красный Жеребец, руки которого теперь были крепко связаны за спиной, тяжело осел в траву. Упасть полностью ему не давала верёвка, соединявшая запястья пленника с толстой веткой старого дерева. Всякий раз, когда разбойник падал, руки начинали выворачиваться под тяжестью его собственного тела, причиняя боль.

— Что, у вас только девчонки воют? — усмехнулся бандит, сплюнув кровавый сгусток.

Кулак Зоры вновь врезался в его лицо.

— Может, ногу ему сломать? — громко предложила она.

— И что, нам нести его после этого? — не согласился Ош.

С тех пор как они разбили банду, орудовавшую на Восточном тракте, минуло уже две недели. Две недели пути на запад, к столице.

За это время пленник бежал четыре раза. Во время последней попытки ему удалось убить двух орков и скрыться в местных лесах. Варги потратили немало времени на то, чтобы настигнуть его.

Вообще, звери из племени Клыка оказались ценным подспорьем. Даже по дикой местности варги позволяли оркам перемещаться гораздо быстрее, чем пешком. Утром отряд Оша уже оставил позади окрестности Эшвуда, ступив на земли Вотчины Филина, центральной королевской провинции.

При помощи грамоты короля и содействия Урбана Дола, чьё добро орки защитили от расхищения, отряду Оша удалось перебраться через Плацицу у южных предместий Варгана. Таким образом они сэкономили несколько дней пути.

— Почему мы просто не скормим его варгам? — фыркнула Зора.

— Жаль, но живым он гораздо ценнее, — ответил Ош.

— Сколько вам обещали? — вновь ожил Красный Жеребец. — Я дам вдвое больше!

Какой уже раз он пытался подкупить их? Ош ухмыльнулся, вспоминая первые дни, когда орки подчистую выгребли всё, что нашли в лагере грабителей.

— У тебя больше ничего нет, человек, — ответил он.

— У меня есть друзья. Влиятельные друзья. Они щедро заплатят вам.

Сейчас он был жалок. К тому же орк знал, что деньги не смогут купить расположение короля.

— Твои друзья не помогут тебе в комнате смерти, — усмехнулся Ош, вспоминая сырую камеру, застеленную гнилой соломой.

— Грязные твари, — сказал бандит сквозь окровавленные зубы, — вы заплатите за это!

Зора с удовольствием заставила его замолчать. Пленник обмяк, потеряв сознание.

Сквозь листву деревьев начинало пробиваться утреннее солнце. Орки устраивались на днёвку. Они ложились рядом с варгами, чтобы сохранить тепло.

— Нам ещё ночей девять до столицы, — прикинул Ош. — Сможешь присмотреть за ним?

— С удовольствием, — согласилась Зора. На её лице расцвела хищная улыбка.

— Попробуй его не убить, хорошо?

— Это уж как получится, — усмехнулась рыжая бестия.

Оставив Зору с пленником, Ош пошёл проведать коня. Ездовой варг был убит в бою, и орк взял себе скакуна разбойничьего лидера. Чёрное как уголь животное могло похвастать роскошной волнистой гривой и мощным телосложением настоящего боевого коня.

Ош попытался погладить его шею, но чёрный гигант, фыркнув, отстранился.

— Всё ещё не любишь меня, Мрак? — усмехнулся Ош.

Имя коня сказал ему сам разбойник, когда предлагал обменять его на свою свободу.

Устроившись под деревом, к которому были привязаны вожжи, Ош попытался забыться беспокойным сном.

В пробуждавшемся лесу пели птицы, но их мелодичные голоса не успокаивали орка. Даже запах хвои и утренней росы не мог сделать это.

Последние несколько дней Безымянный беспрестанно тревожил Оша отрывистыми неясными видениями. Они вспыхивали в его сознании, как призрачные, давно поблекшие воспоминания. Эти приступы чужой памяти всегда сопровождало чувство тоски.

Ош видел места, в которых никогда не бывал. Его покрытые шрамами руки превращались то в руки человека, то в выбеленные солнцем кости скелета. И неизменно тёмным облаком нависал образ страшной, безжалостной войны, причудливым образом переплетавшийся с каменными образами, которые орк видел на стене храма людей.

Ош чувствовал, что дух пытается что-то сказать ему. Или пытается что-то вспомнить.

* * *

Следующей ночью орки пересекли границу королевских земель. На горизонте показались очертания Королевской пики — высочайшей горы всего Сероземелья. Раньше он не знал таких вещей, но труды Локвуда не прошли впустую.

Красный Жеребец больше не пытался бежать. То ли он действительно надеялся на помощь каких-то могущественных покровителей, то ли Зора выбила из него остатки воли, когда пленник наивно попытался соблазнить её.

Ош переживал, что кто-то из орков может послушаться приказа Ургаша и по старой памяти напасть на людей. Поведение варгов тоже не вселяло спокойствия. Когда эти звери начинали чувствовать голод, их дурной нрав тут же прорывался наружу.

Чтобы снизить риск, Ош старался держаться подальше от людных мест: трактиров, деревень, крупных дорог... Благо, у него для этого была карта королевства. Локвуд научил неплохо в ней разбираться.

В диких местах орки могли пополнить запасы провианта охотой. Да и проблем было меньше. Грамота грамотой, а вид отряда до зубов вооружённых дикарей на матёрых варгах во все времена заставлял людей хвататься за оружие.

Однажды отряд Оша случайно вторгся на территорию какого-то другого племени, однако местные орки не осмелились напасть на пришельцев.

К сожалению, полностью избежать дорог было попросту невозможно. Их приходилось

форсировать как реки, на свой страх и риск.

Впереди показались огни факелов. Это встревожило Оша. С юго-запада приближался отряд всадников, совсем не похожих на купцов или путешественников. Ош хотел увести орков в лес, чтобы избежать лишней встречи с людьми, но деревья были слишком далеко, чтобы успеть скрыться в них.

Ему осталось только надеяться на королевскую грамоту, защищавшую от всяких посягательств. За время путешествия она уже не раз уберегла их от нападений карателей, которых орки иногда встречали на своём пути.

Отряд всадников изменил курс, двинувшись оркам наперерез. Уже начинало светать, и люди, очевидно, заметили их.

Ош понимал, что, если это каратели, они могут напасть, вообще не задавая лишних вопросов. Эмиссар, не эмиссар... сначала порубим, а потом будем разбираться.

Орк надеялся, что уже своим видом его отряд сильно отличался от дикарей. В первую очередь — наличием одежды и брони. У всех доброе стальное оружие. Они смотрелись более опрятными и хорошо экипированными, чем лесные сородичи.

Отчасти это было заслугой самого Оша, задававшего тон своим внешним видом, но здесь поработал и Локвуд. Зимой он приложил немалые усилия, чтобы орки Ургаша стали цивилизованнее. Конечно, тогда старик делал это в первую очередь для себя и Адама, чтобы хоть немного смягчить условия своей жизни в плену.

В то же время орки племени Клыка всё ещё выглядели диковато. Они наотрез отказывались расставаться со своими шкурами, но, по крайней мере, их удалось снабдить оружием и бронёй.

Когда всадники приблизились на расстояние полёта стрелы, Ош разглядел, что они неплохо вооружены. Облачённые в кольчуги и кирасы, они мчались под стягами, украшенными изображением чёрного колеса на сером фоне. Судя по всему, это был герб барона Рейли, а вокруг простирались его владения.

При виде воинов орки недовольно заворчали. Кое-кто взялся за оружие. Варги скалились и рычали, чувствуя всеобщее возбуждение.

Волнение овладело и отрядом людей. Их лошади недовольно ржали. Всадники переговаривались вполголоса, бросая мрачные взгляды на необычный отряд. И это было понятно. Народы питали друг к другу слишком стойкую неприязнь, чтобы в одночасье забыть прошлые обиды.

— Ты, что ли, Ош?

Вперед выехал человек на гнедом коне. Его голову покрывал кольчужный капюшон, а поверх кирасы красовался простой сюрко с изображением герба барона. Жёсткие черты, вытянутое лицо, большой горбатый нос. Подбородок ратника украшала чёрная борода клинышком, вокруг которой уже появилась тёмная поросль короткой щетины.

— Да, — подтвердил Ош, выехав навстречу ратнику.

Мрак всё ещё плохо слушался его руки, нетерпеливо топчась на месте и пофыркивая.

— Мне известно, что ты пленил разбойника с Восточного тракта. — Человек снял с пояса увесистый кожаный кошель, продемонстрировав его Ошу. — Здесь тысяча золотых крыльев, награда за его голову. Бери и уходи, орк. Дальше его судьбой займёмся мы.

Ош не ожидал подобной встречи. Когда они с Зорой покидали столицу, Джон Гарен лично дал ему это задание. Рыцарь предупредил орка, что разбойник должен быть захвачен живым и лично передан ему в руки для осуществления королевского правосудия.

Ситуация вырисовывалась щекотливая. Люди барона Рейли явно намеревались забрать пленника. Их силы примерно равнялись силам отряда Оша, и, если дело дойдёт до драки, неизвестно, кто победит. Так или иначе, крови будет много.

Ош выругался про себя. Какая драка? Это не разбойники с большой дороги. Перед ним люди вассала короля, и не какого-нибудь провинциального виконта, а самого настоящего барона.

Пускай оркам даже удастся победить, но, если о стычке станет известно, это перечеркнет всё, чего им удалось добиться. За ними начнётся охота, а Адам окажется под ударом.

Взмахнув рукой, всадник кинул кошелёк Ошу. Орк поймал его, тут же отметив, как он тяжёл. Тысяча золотых крыльев, целое состояние по людским меркам.

Был ли барон одним из тех самых «влиятельных друзей», о которых говорил Красный Жеребец? Ош был уверен, что ратники действуют не по приказу короля. Быть может, хитрый Рейли просто хотел присвоить себе славу за поимку знаменитого разбойника? Это вполне могло упрочить положение при дворе. В конце концов, даже крупные землевладельцы во многом зависели от милости короля. Особенно бароны, подчиняющиеся ему напрямую.

Ош посмотрел на кошелёк, набитый золотом. Вряд ли ему дадут второй шанс доказать свою преданность и полезность.

— У вас есть письмо, подтверждающее ваши притязания за подписью короля или сира Гарена? — спросил Ош, то ли для формальности, то ли для того, чтобы выиграть время.

— Такой бумаги у нас нет, — ответил всадник. — Ты смеешь сомневаться в бароне?

— Извини, рыцарь, — сказал Ош, швырнув тяжёлый мешочек обратно всаднику. — Я не сомневаюсь в твоём господине, но не могу отдать вам пленника. Приказ короля.

Всадник нахмурился, положив руку на эфес меча. По его отряду пробежал недовольный ропот. Заржали лошади. Им сразу же вторили орки. Послышался лязг стали. Кто-то обнажил оружие.

Ош вытянул руку в сторону, призывая отряд сохранять спокойствие. Напряжение нарастало. Малейший пустяк мог спровоцировать кровопролитие. Орк судорожно думал о тех вариантах, которые у него остались. Если барон собирается вступить за бандита — дело плохо. Никакие увещевания не позволят переубедить его людей. В то же время если всё это только ради репутации, то у них есть шанс.

— Как тебя зовут, рыцарь? — спросил Ош, вспоминая о правилах приличия, внушённых Локвудом. — Ты знаешь моё имя. Позволь же узнать твоё.

— Меня зовут Аристарх Пуатье, — представился всадник, однако его рука всё ещё лежала на эфесе меча. — Я — третий рыцарь дома Рейли и верный слуга его величества, короля.

Он не производил впечатления негодяя. Немного резковат? Возможно. Сух и строг? Вне всяких сомнений. Честолюбив? Не без этого. У всех свои недостатки.

Ош думал о том, что человек, которого он видит перед собой, не хочет, чтобы сегодня здесь проливалась кровь. Во всяком случае, орк из всех сил хотел в это верить.

— Сир Пуатье, — начал Ош, — я верю, что судьба послала мне сегодня достойного человека. Позвольте мне продолжить свою миссию, и я скажу королю, что доблестные ратники барона Рейли оказали помощь в этом предприятии.

— А если я откажусь от твоего предложения, орк? — с вызовом спросил всадник.

Гомон за спиной Оша усиливался. Орки были воинственным народом, и сейчас они

рвались в бой.

— Тогда мы будем вынуждены защищаться, — твёрдо заверил его орк.

Их взгляды сошлись в немом, невидимом противостоянии. Тёмно-карие глаза человека и разноцветные глаза орка. Никто не отворачивался. Никто не хотел уступать.

Пальцы Оша сжали рукоять меча. Того самого оружия, которое сразило Мэтью Дюваля, первого мечника Востока.

— Никому не нужно умирать сегодня, — тихо произнёс Ош, словно читая какое-то магическое заклинание.

Молчание могло лопнуть в любой момент, захлебнувшись кровью. Ош понимал это, но больше ничего не мог сделать.

— Именем барона Рейли... — сурово произнёс рыцарь, что-то обдумывая про себя, — мы сопроводим вас в столицу.

Ош облегчённо выдохнул, прикрыв глаза.

— Это будет честью для нас, сир Пуатье, — ответил он.

С таким эскортом можно было не опасаться неприятностей. Хотя Ош понимал, что воины барона будут охранять не столько орков, сколько жителей этих земель.

— Мы поскачем вперёд, — сказал рыцарь, разворачивая свою лошадь. — Следуйте за нами.

Люди Рейли вернулись на грунтовую дорогу, устремившись на запад.

— Я им не верю, — сказала Зора, подойдя к Ошу. Связанный пленник безвольно болтался на спине её варга.

— Я тоже, — признался Ош. — А какой у нас выбор?

Подгоняя зверей задорными криками, отряд орков последовал за всадниками барона.

* * *

Встревоженные шумом добрые люди королевства выглядывали в окна своих домов, чтобы стать свидетелями небывалого зрелища. По дорогам проносились всадники барона, бок о бок с которыми мчались поджарые свирепые варги, на которых восседали орки.

К счастью, опасения Зоры не оправдались, и люди Аристарха Пуатье не заманили отряд орков в ловушку. Освещая путь факелами, они уверенно скакали через весеннюю ночь. Дороги баронства были им прекрасно известны.

Когда приходило время днёвки, люди разбивали отдельный лагерь, с недоверием поглядывая на своих необычных спутников. Орки спали в обнимку со своим оружием. Что бы ни говорил им Ош, они постоянно ожидали нападения.

Лошади тревожно ржали. Варги скалились и рычали, смотря на них маленькими голодными глазами. В дороге времени на охоту было мало, а много провианта на варгах не увезешь. Всё это не добавляло спокойствия ни оркам, ни людям.

Ош почти не мог заснуть, и в этот раз дело было не в Безымянном. Стоило закрыть глаза, как ему виделась глупая ссора между двумя отрядами, стремительно перераставшая в кровавое побоище.

День за днём, ночь за ночью они мчались на запад, оставляя за спиной лиги дорог. Против ожиданий Оша, они достигли Адаманта всего через неделю.

Должно быть, весть о приближении чудного воинства опередила их. Когда ранним утром орки появились у восточных ворот столицы, их уже ожидал отряд королевской гвардии, во главе которого был сам Джон Гарен.

Подняв руку в латной перчатке, рыцарь призвал орков остановиться. Ош сразу понял,

что их не собираются пускать в город. Впрочем, это было предсказуемо. Жители столицы были бы не готовы увидеть такую процессию.

— Приветствую тебя, Ош, — сир Гарен похлопал по шее своего коня, взволнованного запахом варгов, — я смотрю, вы с эскортом.

— Это сир Аристарх Пуатье, — представил Ош своего сопровождающего. — Барон Рейли любезно послал этих людей, чтобы помочь в нашем деле.

Рыцарь выехал вперед, коротко кивнув капитану королевской гвардии.

— О, я не сомневаюсь в этом. — Джон Гарен наградил воинов барона каким-то странным взглядом. — Значит ли это, что вы преуспели?

По знаку Оша Зора бросила к ногам рыцаря связанного человека. Его рот затыкал кляп, сделанный из грязной тряпки. Теперь уже мало что напоминало в нём горделивого и статного разбойника с Восточного тракта.

— Так-так-так, — протянул сир Гарен, разглядывая пленника, — значит, это правда...

Он повелительно махнул рукой.

Двое гвардейцев бесцеремонно взяли Красного Жеребца под руки и уволокли за городские ворота.

— Король благодарит тебя за службу, Ош. — При этих словах от группы стражников отделился человек, передавший в руки орка увесистый кошель. — Мне поручено передать тебе новое задание.

Рыцарь достал бумагу, скреплённую красной сургучной печатью.

— Я могу прочитать его тебе, если хочешь.

— Я умею читать, — сказал Ош, принимая письмо короля.

— Неужели? — удивился Джон Гарен. — В таком случае я тебя больше не задерживаю.

Ош кивнул рыцарю и развернул коня, дав оркам сигнал поворачивать назад. Люди барона Рейли последовали за ним.

Орк понимал, что сир Гарен не в восторге от орков, но с этим рыцарем, во всяком случае, можно было иметь дело. Капитан был всецело предан королю.

Сейчас же им следовало убраться подальше от города до того, как солнце окончательно вступит в свои права. Только тогда Ош собирался ознакомиться с королевским письмом.

Аристарх Пуатье поравнялся с Ошем.

— Ты хоть знаешь, кто попал в твои руки, орк? — спросил рыцарь.

Его тон всё ещё был далёк от дружелюбия, но ратник явно был удовлетворён, что Ош сдержал обещание и замолвил за них слово перед королевским представителем.

— Нет, — признался Ош, — я даже не знаю его настоящего имени.

— Это Грегори Колдридж, беглый наследник безумного графа.

Рыцарь подал сигнал своим людям, и они покинули орков, устремившись на юг.

— Остерегись, орк, — напутствовал Оша Пуатье, — не всем понравится то, что ты делаешь.

Сказав это, он пустил лошадь в быстрый аллюр, нагоняя своих ратников.

Когда орки устроились на днёвку в соседнем лесу, Ош ознакомился с бумагой короля. На этот раз поручение выглядело гораздо серьёзнее. Закончив чтение, он позвал Зору.

— Возьми Мрака и мчись к Ургашу, — сказал он, вручив девушке грамоту. — Собери всех, кто может держать оружие. Мы отправляемся на Север.

Глава тридцать вторая. О чём молчит пустыня

Многие мои братья именуют того, чьё имя Солис, первым королём, но я с этим не согласен, ведь, приняв корону из рук людей, он не надел её. Легиону не нужен был король. Ему были нужны солдаты.

«Записки скитальца»

— Я слышал про такие места от караванщиков. — Ярви говорил тихо, чтобы ехавший впереди пустынный не смог услышать. — Не нравится мне это.

— Что же ты слышал? — спросил Эдуард.

— Говорят, будто пески эти заколдованы, что зверь держится от них в стороне, а человек, посягнувший на их тайны, сходит с ума.

— Ты действительно так суеверен, Ярви? — попытался отшутиться Эдуард, хотя на самом деле слова вора произвели на него сильное впечатление.

— Старик, с которым ты встречался. Судя по твоему описанию, он из Культа.

— Культ? Неужели он действительно существует?

Как и многие другие жители королевства, Эдуард слышал о Культе. Его адепты противостояли Наследию многие века. Несмотря на то что культистов давно приравняли к наиболее опасным преступникам, теперь мало кто верил в их существование.

— Ещё как существует, — прошептал вор. — Молвят, что это они стояли за вторжением Дюжины. Это страшные люди, говорю я тебе. Слышал, будто они общаются с мёртвыми.

Эдуард хотел бы рассмеяться в ответ на этот рассказ, но не мог. Он вспомнил собственные мрачные видения и голос давно почившего отца, предупреждавший о грядущем бедствии.

— И откуда только ты всё это знаешь? — Эдуард попытался придать своим словам веселости, но голос его предательски дрогнул, выдавая смятение мысли.

— Хлебнёшь с моё, ещё не то знать будешь. Лучше подумай, как бы тебе не попасть на крючок к этим нелюдям.

Впереди показалось что-то вытянутое и тёмное. Когда они приблизились, Эдуард понял, что это остроконечный каменный обелиск. Он торчал из песка, напоминая древний могильный камень. Когда-то его поверхность была покрыта резьбой, возможно, даже письменами. Теперь же на изъеденных ветром и песком шершавых гранях нельзя было ничего разобрать.

— Мы приближаемся, — К'Халим, пытался перекричать поднявшийся ветер.

Навстречу попадались всё новые и новые обелиски, напоминавшие гнилые зубы, торчащие во рту дряхлого старика. Постепенно они превратились в мрачную аллею, что вела к тёмной скале, возвышавшейся над пустыней. Это был первый предвестник Железных гор, чьи иссохшие, безжизненные хребты начинались севернее.

Словно немые стражи, гранёные каменные столбы хранили этот проход долгие века.

Чем дальше продвигались путники, тем больше Эдуарду казалось, что ветер доносит до него человеческие голоса. Они пробуждали в нём страх, ведь однажды он уже слышал эту песнь отчаяния. Первый раз ему захотелось развернуть верблюда и скакать отсюда без оглядки.

Эдуард не сомневался, что его спутники не слышат ничего необычного. Животные же заметно нервничали, чувствуя неладное.

У подножия скалы чернел злобный зев входа. Причём это была не пещера, а рукотворное сооружение, воздвигнутое людьми в далёком прошлом. Отполированное временем и непогодой, оно выглядело по-настоящему древним.

К'Халим спешился, взяв своего верблюда за узды. Эдуард и Ярви последовали его примеру. Пустынник извлёк из седельной перевязи добротный факел и, запалив его, протянул Эдуарду.

— Дальше ты пойдёшь один, — сказал К'Халим.

— Эй, я тоже хочу посмотреть, что внутри! — запротестовал Ярви.

Наверняка вор уже представил себе сказочную пещеру, полную древних сокровищ.

— Подожди меня здесь, Ярви, — обратился к нему Эдуард. — Я прошу тебя.

— Ты уверен?

— Да. Для меня это важно.

— Тогда смотри не подохни там, — напутствовал Трёхпалый. — Ты всё ещё мой должник.

Эдуард улыбнулся и ступил на растрескавшиеся ступени, ведущие в неизвестность.

Впереди открылся тёмный проход, частично занесённый песком. Пол был вымощен тяжёлыми каменными плитами, так тесно подогнанными друг к другу, что стыки почти не были заметны.

Чем глубже заходил Эдуард, тем меньше доносилось до него завывание ветра, свирепствовавшего снаружи. И тем громче становились его шаги, порождавшие гулкое эхо, в котором как будто угадывались чьи-то голоса.

Со временем воздух стал таким холодным, что дыхание превратилось в пар.

Что он делает здесь, в этом Древними забытом месте? Неужели когда-то, много лет назад, его отец тоже проходил по этому коридору, спускаясь во тьму? Что он искал здесь? Какие ответы?

За спиной Эдуарда раздались суетливые шаркающие шаги, словно кто-то настойчиво догонял его.

— Ярви, я же просил... — вздохнул Эдуард, разворачиваясь назад.

Факел осветил пустоту. В коридоре никого не было. Шаги утихли вместе со словами, превратившись в воспоминание. В лицо пахнуло ледяным воздухом.

По телу Эдуарда пробежали мурашки. Он явно ощущал здесь чужое присутствие. Вне всяких сомнений, коридор был пуст, но Эдуард знал, что он не одинок.

— Ладно... — произнёс он дрогнувшим голосом, продолжая путь.

На стенах плясали тени. Поднеся к ним факел, Эдуард обнаружил хорошо знакомые любому жителю королевства рельефы, изображавшие сюжеты Великой войны. Тяжеловесные фигуры проклятых воинов сошлись в ожесточённом бою с Древними.

Неужели это санкторий? Здесь, так далеко от всего на свете? Зачем колдун отправил его в эти древние руины?

Увлёкшись изображениями, Эдуард сам не заметил, как тоннель, по которому он шёл, кончился. Теперь юношу окружал просторный тёмный зал, опирающийся на целый лес колонн. Впереди виднелся свет, и Эдуард инстинктивно направился к нему.

Чем дальше он углублялся, тем больше овладевали им жуть и тревога. Голоса, которые он порой слышал в тёмных каторжных тоннелях, звучали здесь почти осязаемо. Это были

голоса из его снов.

Краем глаза он заметил ещё одну странность. Свет факела порождал длинные чёрные тени, но их было гораздо больше, чем колонн, поддерживавших невидимый свод.

Медленно, как во сне, Эдуард повернул голову. На полу лежали тени людей. Людей, которых не видел его глаз. Незримые и недвижимые, эти фигуры просто стояли, как будто ожидая чего-то. Он чувствовал на себе их пристальные взгляды.

Расширенные от ужаса глаза Эдуарда не отрывались от света, видневшегося впереди. Лоб увлажнился холодным потом. На негнущихся ногах юноша упрямо шагал вперёд, стараясь больше не смотреть на призрачные тени, окружавшие его.

Безумие. Оно всё же незаметно настигло его. Быть может, все события последних недель просто привиделись ему? Ярви, побег, волки, поместье, каньон, пустынники. Неужели, это просто игра его воображения? Быть может, он всё ещё в шахтах? Лежит и сходит с ума под каким-нибудь обвалом? Быть может, он вообще мёртв?

Тоска. Безднадёжность. Усталость. Они наваливались на Эдуарда неподъёмными ледяными глыбами. Голоса становились громче и настойчивее...

В яростном порыве Эдуард стиснул голову руками, уронив факел на пол.

— Хватит! — отчаянно крикнул он. — Прочь от меня! Прочь!

Удивительно, но эти слова подействовали. Гомон тысяч голосов превратился в робкий шёпот, а свинцовая усталость оставила тело. Подобрав факел, он двинулся дальше.

С далёкого потолка вниз падал ослепительный солнечный луч. Должно быть, его порождала хитроумная система зеркал, но сейчас Эдуард не мог об этом думать. Всё его внимание было приковано к каменному трону, на котором сидела одинокая человеческая фигура, закованная в тяжёлые воинские доспехи.

Это зрелище было чудовищно. Непостижимо. Немыслимо. Всё равно что увидеть кусок льда, лежащий посреди пылающего очага.

Эдуард сразу узнал эту броню, потому что видел её в своих кошмарах. Чёрная воронёная сталь, покрытая слоем пыли. Её жёсткие грани украшала россыпь причудливых символов, напоминавших буквы неведомого языка. Это была броня Чёрного легиона. Перед Эдуардом, в самом сердце древнего святилища, сидел проклятый легионер.

— Не может этого... — прошептал Эдуард, пятясь.

Голова легионера поднялась одним резким движением. В глубине чёрного шлема загорелись глаза, похожие на две пронзительно холодных звезды.

— быть — закончил за него гулкий призрачный голос.

* * *

— Так, значит, вы бежали вместе? — поинтересовался К'Халим, поправляя седельные ремни своего верблюда.

— Может, и вместе, — уклонился Ярви, ковыряясь ножом в ногтях. — Тебе какое дело?

— Да так... — пустынный выглядел, словно в этом мире его интересовало только седло, — хочу понять, как ты заставил его поверить себе.

— Не понял? — Голос вора стал гораздо холоднее.

— Зачем ты следуешь за ним?

— Ну, знаешь, — усмехнулся Ярви, — таким, как я, податься-то особо некуда. Да и обязан мне кое-чем этот парень.

— Прости, дахил. — На губах пустытника появилась такая же фальшивая улыбка. — Я скажу по-другому: зачем ты следуешь за ним на самом деле?

— Зачем, зачем... — Ярви овладела его обычная бандитская лихость. — Чего привязался? Приглянулся тебе, что ли?

Сверкнул изогнутый меч. Описав в воздухе стремительную дугу, он обрушился на вора.

Атака была внезапной, но ей не удалось достигнуть цели. Кривое лезвие наткнулось на сталь ножа, которым Ярви успел остановить удар.

— Ты скажешь мне это, дахил, — жестко произнёс К'Халим, крепко сжимая рукоятку меча. — Скажешь или умрёшь.

* * *

— Кто... — Эдуард не мог оторваться от сияния холодных глаз. — Кто... ты?

— Лишь тень.

Его голос был похож на эхо. Краешком балансировавшего на краю безумия сознания Эдуард понимал, что с ним говорит не человек. Уже не человек.

— Тень?

— Тень бывшего.

— Ты был легионером?

— Был. Есть. Буду.

— Что ты делаешь здесь?

— Жду.

— Ждёшь? Чего?

— Тебя.

— Меня? — Эдуард опешил. — Я всего лишь иду по следам своего отца.

— Он был здесь.

— Зачем? Что он искал?

— Истину.

— И ты открыл ему её?

— Да.

Эдуард понял, что нашёл её. Точку поворота своей судьбы. Точку поворота судьбы своего отца.

— Я тоже хочу её знать, — медленно сказал юноша. — Расскажи мне.

— Слова не имеют значения. Только память имеет значение.

— Я не понимаю. Ты не можешь сказать мне?

— Я могу показать её тебе.

— Я готов.

— Тогда надень мой шлем, и ты поймёшь.

Сияние глаз потухло. Голова легионера вновь бессильно упала на грудь.

Ступив в свет, Эдуард протянул руку, прикоснувшись к холодному пыльному металлу. От него почти ощутимо веяло прошедшими веками. Ухватившись за острые выступы, напоминавшие зубцы короны, юноша потянул шлем к себе.

К ногам упало что-то округлое, покотившись по полу. Опустив глаза, Эдуард вздрогнул. Это был череп. Внутри древних доспехов не было ничего, кроме старых костей.

Отступать было некуда. Эдуард поднял шлем легионера, водрузив его на голову.

Древний храм исчез, будто его и не было вовсе. Сознание юноши пронзили картины далёкого прошлого. Они были столь же ясными, как вчерашние воспоминания. Он видел лица этих людей, слышал их голоса, чувствовал их страсти, их боль. Чужие воспоминания хлынули через него, как вода, наполнившая русло высохшей реки. Он не просто наблюдал за

ними. Он был ими.

Эдуарду предстали величественные города Древних так, будто он видел их своими глазами. Боль и смерть бесчисленных людей окружали его. Отчаяние рабов. Безразличие, застывшее в серых глазах безжалостных надзирателей, знамёна которых поразительно напоминали королевский герб Серокрылов. Далёкие, недостижимые фигуры хозяев возвышались над миром страданий и смиренной покорности. Эдуард не видел их лиц, но был уверен в том, что они... смеялись. Смеялись, пока Чёрный легион не стёр улыбки с их прекрасных, надменных лиц.

Простой человек не может сражаться с Древними. Они сильнее. Они умнее. Они красивее. Они лучше во всём. Легионеры знали, что победа невозможна, а потому с готовностью отдали за неё всё, что могли.

Правда открылась Эдуарду, а где была правда, там была и ложь. Обман столь чудовищный, что когда-то он заставил Натаниэля Колдриджа взяться за оружие и пойти против самого короля. Теперь наследник безумного графа понял это.

Он нашёл то, что искал. Он знал, что ему делать дальше.

* * *

Они сошлись в яростном поединке. Два человека в объятиях воющего ветра, взметавшего в воздух облака колючих песчинок.

Пустынник был невероятно хорош. Лёгкое лезвие его изогнутого меча двигалось так быстро, что было почти невидимым. Несмотря на это, Ярви умудрялся парировать его атаки при помощи одного-единственного ножа.

— Ведь ты не просто преступник, дахил! — усмехался К'Халим, тесня его к скале. — Простые преступники так не дерутся!

Ярви кувырнулся в сторону, и К'Халим попытался достать его стремительным выпадом, но не смог. В глаза пустытника полетела пригоршня песка.

Воспользовавшись замешательством соперника, вор повалил его на землю. К'Халим успел ухватить его запястье, но лезвие ножа всё равно начало своё неспешное движение к горлу кочевника. Они сцепились лицом к лицу. Навалившись на рукоятку всем телом, Ярви тяжело дышал, предвкушая скорую развязку.

— Довольно!

Громовой голос пронёсся над руинами, заставляя стихнуть даже ветер. Одно слово вмещало в себя столько воли, столько страсти, что ему невозможно было сопротивляться.

Дерущиеся обратили взгляды к тёмному проходу. На границе света и тени стоял человек, с ног до головы облачённый в угольно-чёрные доспехи.

— Довольно, — повторил Эдуард.

Глава тридцать третья. Дорога домой

Удел Олдри расположен на севере Простора. Там, где русло Красной реки отделяет бескрайние Железные горы от Змеиной гряды Сыпучего моря. Эта небольшая земля королевства богата разве что пушным зверем и древесиной. Вероятно, там есть залежи руды, но достоверных сведений об этом на данный момент нет.

«Географика». Раздел «Земли и народы Востока»

Весна была на излёте. Месяц быка подходил к концу. Леса наполнились пением птиц, а деревья игриво шелестели своими зелёными одеждами, предвкушая тёплые летние дни.

В это время на востоке всегда цвели одуванчики. Вот и теперь ковёр солнечно-жёлтых цветов раскинулся повсюду. Местный люд издавна чтит это простое растение, не только съедобное, но и целебное.

— Я узнаю эти деревья!

Адам указал на три сосны, стоявшие на обочине дороги, и улыбнулся. Первый раз за много дней.

Локвуд подстегнул лошадей, радуясь, что сегодня его юный воспитанник наконец-то вернётся домой. Эту мысль омрачали лишь тревожные последствия их недавней авантюры.

— Молодой господин, вы уверены, что оставлять их без присмотра было мудро?

Перед этим они потратили около двух недель на помощь разорённой деревне. Переговоры были совсем не лёгкими, особенно если учесть все обстоятельства. Сначала местный кмет и слышать ничего не хотел о переговорах с орками, но, когда Ургаш прислал им деньги, нрав поселенцев немного смягчился.

Они воспользовались этими средствами, чтобы восстановить деревню. Адам надеялся, что достигнутое соглашение если не сдружит два народа, то, по крайней мере, предотвратит дальнейшие столкновения.

— Этот Ургаш — настоящий дикарь, — продолжал Локвуд. — Насилие — его жизнь.

— Ош верит ему, — пожал плечами Адам, — для меня этого достаточно.

— Вы слишком доверчивы, милорд.

— Дорогой наставник, вы действительно думаете, что мы могли бы повлиять на решения Ургаша, даже если бы остались там? — Адам обезоруживающе улыбнулся. — Он прислушивается лишь к Зоре, Ошу и Ушану. Из них в лагере остался только старик, а он не очень-то жалуется на нас, людей.

— И всё равно я очень беспокоюсь, — признался Локвуд. — Теперь мы держим ответ за этих дикарей. Случись что — спросят-то с нас.

— Теперь уже ничего не поделаешь. Нам нужно просто положиться на Оша. Он обещал прислать нам весть, когда закончит с королевским поручением.

— Если ему это удастся.

— Вспоминая турнир, я начинаю думать, что для этого орка нет ничего невозможного. На этот раз улыбнулся Локвуд.

— Матушка, должно быть, с ума сходит от беспокойства, — вздохнул Адам. — А у нас даже никакого гостинца для неё нет.

Они не были дома уже больше шести месяцев. Это была самая длительная поездка за

всю недолгую жизнь молодого виконта.

— Я думаю, что ваше возвращение — самый желанный для неё подарок. — Локвуд потрепал своего воспитанника по плечу. — К тому же мы едем не с пустыми руками.

Старик бросил многозначительный взгляд на груз. Они не получили турнирного приза, но Ош снабдил их кое-какими деньгами из трофеев племени Клыка. Кроме того, жители лесного селения щедро загрузили повозку своих благодетелей всевозможной провизией. Зерно, овощи, мёд, вяленая рыба, пара бочонков пива и полдюжины головок хорошего сыра — вот лишь немного из того, что теперь занимало недра их крытой повозки.

Обглаживая кость, под скамьёй по дощатому полу катался непоседливый чёрный щенок с огромной головой. За время, прошедшее с момента ночного нападения на деревню, маленький варг заметно окреп.

Локвуду был прекрасно известен дурной нрав этих созданий, и он не раз советовал избавиться от зверя. Однако варги, выведенные орками Клыка, по-видимому, отличались от своих диких сородичей. Уголёк, как назвал щенка Адам, проявлял истинно собачью сообразительность и преданность своему спасителю. Разумеется, ключника волновало, что будет, когда зверь вырастет, но эту заботу он решил оставить на потом.

Свернув на просёлочную дорогу, повозка пересекла широкое поле, окаймлённое тёмной стеной леса, и въехала в небольшое селение. Деревенский люд был занят своими обычными делами, но, когда визгливые мальчишки разнесли весть о неожиданных визитёрах, большая часть селян собралась у общинного дома.

Вперёд вышла красивая румяная девица, нёсшая круглую буханку свежего хлеба, дар дорогому гостю. Её сопровождал кмет, невысокий бородатый мужичок в кожаной безрукавке поверх домотканой рубахи. В руках он отчаянно мял широкополую шляпу из тонкого войлока.

— Это самое, ваша милость, горе-то какое... — Кмет опустил глаза, как провинившийся ребенок. — Ваш отец...

Наблюдая за этим бесхитростным и искренним проявлением народной скорби, Адам не смог удержаться от благодарной улыбки. Он почувствовал, как на глаза его стали наворачиваться слёзы. Усилием воли он сдержал их.

Значит, весть о гибели отца опередила его. Как наверняка и история обо всём, что произошло на турнире.

Осознание того, что его не было рядом, когда мать узнала горькую весть, больно кольнуло молодого виконта. Он так хотел поддержать её в этот тяжёлый час...

— В повозке есть два бочонка пива, — сказал Адам, принимая душистый хлеб из рук местной красавицы. — Выпейте сегодня в память об отце.

Кмет кивнул и отправил за подарком двух крепких парней. Из повозки тут же раздалось недовольное рычание.

— Уголёк, нельзя, — успокоил маленького стража Адам.

Распростившись с селянами, они двинулись дальше. К вечеру повозка уже свернула на дорогу, ведущую в сторону поместья Олдри.

— Всегда так бывает, учитель?

— О чём вы, молодой господин?

— Мне так тепло от этих мест. — Адам прикоснулся рукой к груди. — Здесь.

Локвуд поглядел на него с той нежностью, с какой старики смотрят на детей своих детей... Он очень гордился своим воспитанником. Даже пройдя через утрату, испытав

страдания и заглянув в лик смерти, юный Адам Олдри не утратил доброты и искренности мальчика, которым был когда-то.

— Это и называется «вернуться домой», милорд.

Повернув у старого дуба, который посадил здесь ещё прадед Адама, они увидели впереди поместье.

— Это ещё что? — спросил Адам, указывая на дорожную карету, стоящую у ворот.

— Не имею ни малейшего понятия, — честно признался ключник.

Когда Локвуд остановил повозку у въезда, они обнаружили двух воинов, стороживших вход. Изнывая от безделья, они упражнялись в метании кинжала, используя в качестве мишени растущий неподалёку клён.

— Кто такие? Зачем пожаловали? — небрежно спросил один из охранников.

— Мне следует задать тебе тот же вопрос, страж, — твёрдо ответил Адам.

— Дерзишь, малец?

— Я настоятельно рекомендую вам следить за своим языком, — холодно предупредил их Локвуд. — Вы имеете честь говорить с виконтом Олдри, хозяином этих земель.

Особое чутьё, свойственное слугам, желающим задержаться на своей работе подольше, подсказало стражникам, что старик не шутит.

— Прошу простить нас, ваша светлость, не признали. — Они выпрямились, как положено, приняв оружие на плечо. — О вашем прибытии немедленно доложат.

— В этом нет необходимости. — Адам спрыгнул с кучерской скамьи на землю. — Я у себя дома и сам о себе доложу.

За хозяином последовал чёрный щенок. Проходя мимо стражников, маленький варг сердито твякнул на одного из них, вызвав в том лёгкое смятение.

Пересекая двор по старой заросшей дорожке, Адам пытался сохранить твёрдость и неторопливость шага, ведь теперь он был виконтом, лордом Олдри! Несмотря на все его старания, ноги предательски срывались на бег. Они помнили, как весело носился он по этим владениям, играя с Рональдом или прячась от старого наставника. Теперь всё это осталось в прошлом. Детство закончилось, словно его обрубили топором.

Одолев каменные ступени крыльца, Адам решительно вошёл в дом.

На улице было по-весеннему тепло, но в камине главного зала потрескивали горящие поленья. Это было ещё одним свидетельством того, что поместье принимало гостей.

Адам сразу увидел мать. Она сидела на массивном старом кресле, покрытом звериной шкурой. Отец в шутку называл его «дубовым троном».

За столом, напротив неё, сидели два незнакомца.

Один из них — гладковыбритый загорелый брюнет, облачённый в дорогой, шитый серебром костюм из тёмно-пурпурной парчи. Его голову покрывал шёлковый берет, украшенный заколкой с изображением конской головы. Этого человека, пожалуй, нельзя было упрекнуть в излишней роскоши, но весь его вид как бы кричал о состоятельности.

Второй гость был человеком военным. На нём хорошо сидело кавалерийское облачение, дополненное красивой, но не новой пластинчатой бронёй, изготовленной на восточный манер. На поясе висел длинный меч с изумрудно-зелёной рукояткой, а из голенища высокого сапога выглядывал кинжал. Его усатое бесхитростное лицо почему-то показалось Адаму знакомым.

Увидев сына, леди Олдри вскочила с места и бросилась к нему, заключив в юношу в крепкие объятия. Слова здесь были не нужны.

— Я вернулся к тебе, матушка, — произнёс Адам с той искренней теплотой, на которую способны лишь любящие и любимые дети.

Виконтесса отстранила от себя сына, но её пальцы всё ещё сжимали его плечи. Она словно опасалась, что юноша растает в воздухе, как видение.

— Дай хоть посмотреть на тебя, мальчик мой. — В её глазах блестела влага.

В такие моменты Адам думал, что его мать — самая красивая женщина во всём мире. Он так много хотел сказать ей... Слова утешения и любви готовы были сорваться с его уст, но смущало присутствие незнакомцев, неожиданно посетивших поместье.

— А, юный Адам Олдри, — поприветствовал его человек с мечом, — рады вам.

От Адама не ускользнуло то, что его не называли лордом.

— Дорогой, это Джагер Пуль. Ты вроде бы никогда не встречался с ним.

Адам пожал крепкую руку мужчины в воинском облачении.

— Нет, — признался юноша, — но я встречался с его братом.

В тот момент, когда мать произнесла имя мечника, Адам понял, почему лицо показалось ему таким знакомым. Это был не кто иной, как брат лорда Пуля, отец бойца, сражённого копьём Оша на королевском турнире.

— Кто же наш второй гость? — спросил Адам, гадая, что за змеи населили родной дом в его отсутствие.

— Почтенный Локус Веточ, купец из Ша'аруса.

— И первый советник его светлости лорда Тревиля, — закончил своё представление человек в богатом костюме.

Итак, их отдалённое жилище посетили сразу два влиятельных человека из двух разных уделов Простора. На мгновение Адам задумался, внимательно рассматривая гостей. Что нужно было им здесь?

— Удалимся, господин Пуль, — сказал Веточ, поднимаясь из-за стола. — Мать давно не видела сына. Не будем смущать их своим присутствием.

— Какой же я бестактный осёл! — театрально воскликнул Пуль. — Миледи, надеюсь увидеть вас сегодня за ужином.

Когда гости удалились, Адам обратился к матери:

— Прости меня, мама. Отец погиб... Я не мог защитить его.

Виконтесса вновь обняла сына, то ли ища утешения, то ли успокаивая.

— И меня не было рядом с тобой в минуту скорби, — продолжил юноша.

— Знала ведь, что нельзя его отпускать... сердцем чувствовала.

— Он умер, защищая нас. — Голос Адама дрогнул.

— Не вини себя, милый, слышишь? — Она проникновенно посмотрела ему в глаза. — Скажи, как это произошло? До меня доходили лишь слухи про орков. Это они отняли его у нас? Сначала моя сестра, а теперь муж?

— Нет, его убили люди. — На мгновение в голосе Адама сверкнул гнев. — Орки, наоборот, спасли нас тогда. По-своему, конечно, но я потом тебе об этом расскажу.

— И... где он теперь?

— Старая дорога где-то на границе с уделом Гловер. — Адам вспомнил ряд безымянных могил, поросших первыми весенними цветами. — Я хотел привезти его домой, но какие-то добрые люди похоронили его вместе с остальными. Мы с тобой обязательно съездим туда, когда всё уладится.

Леди Олдри кивнула. Ей сложно было говорить об этом, но она не плакала. Её слёзы по-

погибшему мужу давно иссякли.

— Сначала я получила твоё письмо, а потом до меня дошли деньги, но на душе всё равно было беспокойно. Наконец, слухи обо всей этой дикой истории, произошедшей на турнире... Я не знала, верить ли им. Не знала, чего ждать. Боялась, что не увижу тебя снова...

— Это целиком моя вина, госпожа, — раздался знакомый старческий голос.

В зал вошёл Локвуд, неся в руках тяжёлый кожаный мешок.

— Если вам нужно злиться на кого-то, — продолжил старик, — злитесь на меня.

— Не стоит защищать меня, учитель. — Адам благодарно улыбнулся наставнику. — Именно я решил принять предложение Оша и отправиться в столицу.

— И кто же, как не учитель, держит ответ за решения своего ученика? — сварливо парировал ключник.

— Вы понесли бы наказание, если бы я не была так рада видеть вас, старый друг!

Леди Олдри заключила ключника в объятия, словно благодарная дочь, воздающая дань уважения своему престарелому родителю.

— Спасибо, что уберегли сына.

— Не хочу возражать вам, миледи, но в этот раз он уберег меня, — смутился Локвуд.

Уголёк предпочёл не участвовать в сцене семейного единения. Свернувшись чёрным меховым комочком, маленький варг нежился у тёплого очага.

— Скажите, миледи, кто наши гости? — встревоженно спросил ключник. — Что привело этих господ в наши глухие места?

Леди Олдри опустила глаза, отступив к камину.

— Право, не знаю, как поведать вам об этом и избежать упрёка. Этих людей привело сюда желание... сделать очень важное предложение.

— Как так? — опешил Локвуд. — Крошка Джейн слишком мала, чтобы заключать брачные договоры.

— Речь не о ней. — Кулаки Адама сжались так, что костяшки пальцев побелели. — Эти стервятники прилетели, чтобы прибрать к рукам наши земли!

Всё встало на свои места. Воспользовавшись смертью хозяина, охотники за приданым надеялись на лёгкую добычу.

Виконт Пуль уже имел огромное влияние на соседний удел, ведь лорд Гловер был женат на его дочери. Если бы ему удалось распространить свою власть на земли Олдри, он получил бы контроль над всей северной границей Простора.

В то же время Веточ был посланником владыки Аксарая. Если притязания Пуля были направлены на север, то лорд Ханского удела смотрел на восток. Окажись владения Олдри под его властью, он сможет держать в своих руках всю восточную границу королевства. И честным торговцам тракта, и бандам отчаянных контрабандистов, пересекавшим Трещину на свой страх и риск, придётся иметь с ним дело.

Кроме того, что бы там ни говорили, но удел Олдри представлял интерес сам по себе. Да, это был дикий и неосвоенный край, где жило не так много душ, но при известных вложениях он мог обогатить своего владельца. Здесь можно было добывать камень, дерево, пушного зверя и даже металл, который нередко встречался в северных предгорьях.

— Обрети спокойствие, сын. — Тепло рук матери коснулось жёсткого юношеского лица Адама. — Может статься, это единственный шанс для нас и наших людей. Что значит моя жертва против их счастья?

— Нам не нужна их помощь. — Адамом владела буря противоречивых чувств. — Мы сами справимся!

— Как, милый? Как мы сделаем это? Деньги, которые ты присылал, уже ушли на уплату долгов. Нам нужно починить мост на южной границе. Нужно платить жалованье ратникам, сторожащим Трещину. Мне страшно помыслить, сколько ещё расходов нам предстоит в этом году!

— Ты считаешь, что я не готов занять место отца, матушка? — сокрушённо спросил Адам. — Думаешь, что я не достоин?

Леди Олдри вновь взяла его лицо в свои тёплые ладони.

— Сын мой, нет никого более достойного, чем ты, но есть обстоятельства, которые нам не преодолеть.

Адам понимал её, как никогда. Жертва во имя общего блага. Мать готова была на это замужество, чтобы получить поддержку, так необходимую их бедному уделу, лишённому милости нового графа. Юноша вспомнил про Оша. Что, если опасения учителя подтвердятся и орки обрушат на его голову гнев короля? Тогда защита влиятельного мужа может оказаться последним шансом для матери, сестры и подданных.

— Торопиться ни к чему, — рассудил Локвуд, продемонстрировав мешок, принесённый им из повозки. — Пока что у нас есть деньги.

Адам хотел что-то добавить, но в зал вошёл Рональд. В его руках был небольшой клочок свёрнутой бумаги.

— Я из голубятни, леди Катарина, — сказал молодой слуга. — Письмо от вашего отца.

— Отца? — удивилась виконтесса, принимая послание.

После её замужества они мало общались. Он не одобрил выбор дочери и остался жить на севере, там, где был его дом. Последний раз отец писал ей два года назад, когда мятежный граф Колдридж был свергнут. Старик выражал надежду, что муж её безропотно преклонится перед новым владыкой, назначенным королём.

Катарина хотела отправить ему гневный ответ, но не смогла. Вскоре после падения безумного графа погибла и её сестра, в замужестве графиня Ферро. Люди говорили, что она возвращалась из столицы, когда на её сани напали дикие орки. Старик был убит горем.

Виконтесса не любила, когда он писал ей. Всякий раз, когда она получала весточку из отчего дома, случалось что-то плохое.

Сначала леди Олдри решила, что прочтёт запоздалые соболезнования в связи с гибелью её супруга, но письмо говорило не об этом. Сделав несколько медленных шагов в сторону дубового трона, она тяжело опустилась на него, сохраняя молчание.

— В чём дело, мама? Что случилось?

Локвуд забрал у неё послание, ознакомившись с его содержанием. Лицо старика тут же помрачнело.

— Война, молодой господин, — сказал ключник, подняв встревоженные глаза на Адама. — На севере началась война.

Секретарь нашёл короля в висячем саду. Длинный двухъярусный балкон, тянувшийся вдоль всей западной стены замка, был уставлен чашами и кадками с самыми дивными растениями из разных уголков страны. Журчавшие фонтанчики рождали в воздухе разноцветные арки радуги.

— Они согласились?

— Не думаю, что у них был выбор, ваше величество.

Облокотившись на массивные каменные перила, король вздохнул. Серебристые глаза монарха смотрели на север. Туда, где за искрившейся гладью Мать-озера возвышались далёкие Железные горы.

— Я не хотел этого. Видят предки, он не оставил мне выбора.

— Вы действительно думаете, что посылать орков туда было удачной идеей? Генерал Дрогнар, он...

— Он сделает то, что я ему прикажу, — перебил секретаря король.

— Разумеется.

— Это будет их последней проверкой, Кристофер. — Конрад неспешно вышагивал по саду, и его верный помощник следовал за ним, как серая тень. — Если им удастся проявить себя, я собираюсь исполнить их желание.

— Значит, вы всё-таки пошлёте их туда?

— Возможно. Если они докажут, что справятся.

— А что, если герцогу это не понравится?

— Ну конечно же не понравится, — король позволил себе улыбнуться, — но он переживёт. Как делал это всегда.

— Смею заметить, что это весьма опасно, ваше величество. Недовольство знати растёт. Ваши враги обязательно используют это против вас.

— Я знаю, но у меня всё меньше времени, чтобы что-то изменить. Кристофер, я не хочу остаться в памяти людей палачом.

— Влиятельные силы пришли в движение, ваше величество. — Как всегда, лицо секретаря ничего не выражало. — Они всё ещё в тени, но их присутствие осязаемо. Равновесие нарушено. Какова бы ни была роль Оша и его орков, не думаю, что им удастся выжить. Они приобретают врагов быстрее, чем друзей.

— Они наивны. Они не знают, что такое жить в мире людей. Им понадобится помощь. Любая помощь, которую они смогут получить.

* * *

Восточные окрестности Эшвуда. Королевская тропа. Скрипя старым свечным фонарём, уездный трактирщик подслеповато всматривался в темноту, завладевшую дорогой. Его жена уловила в ночи стук копыт. Теперь он и сам слышал их приближение.

— Кого там принесла нелёгкая? — проворчал он, пожевав беззубым ртом.

Тьма сгустилась, превратившись во всадника. Чёрно-рыжим вихрем он пронёсся в дрожащем свете, вновь растворившись в ночи. Над дорогой клубилась пыль, поднятая копытами неистового скакуна, казалось, состоявшего из самого мрака.

На мгновение старику показалось, что он увидел две пары глаз. Одна принадлежала

взмывшему зверю, вторая пылала в темноте живым огнём расплавленного золота.

Осенив себя знаменем Древних, старик вернулся в трактир, а Зора, подгоняя Мрака лёгкими ударами пяток, продолжила свой путь на северо-восток. Туда, где в лесных предгорьях орки Ургаша терпеливо ждали их возвращения. Он дал ей важное поручение, этот упрямый чужак с разноцветными глазами. Она не знала, как относится к нему. Не знала, что чувствует. И это сводило её с ума.

Сможет ли она убедить Ургаша и остальных? Пойдут ли они на север, вслед за этим безумным храбрецом? Пойдёт ли она сама за ним? Вопросы роились в голове, как разъярённые пчёлы. Мрак, словно чувствуя смятение наездницы, стремительно нёсся по ночному тракту, оставляя позади лигу за лигой.

Времени было всё меньше. Момент встречи неудержимо приближался.

* * *

— Что это?

Ош смотрел в сиявшие призрачным огнём глаза безымянного духа. В сознании орка он уже обрёл облик сотканного из света и тумана человека. На мгновение Ошу показалось, что он услышал зов. Голос, произнёсший имя. Слишком далёкий, слишком слабый, чтобы можно было разобрать, какое именно.

— Он пришёл.

— Кто? — поинтересовался Ош.

— Тот самый. Ключник.

— Ключник?

— Он пустит нас. Он откроет дверь, когда они вернутся. Они всегда возвращаются. Забытые всеми, они... ждут во мраке. Ждут... в холоде. Не живые. Не мёртвые.

— Они? О ком ты говоришь?

— Не могу... назвать. Не знаю. Нет имени. Нет начертания. Они — голод. Они — ночь. Они — ужас. Они — вечность.

Дух поднял полупрозрачную руку, указав куда-то вдаль. Тяжёлый туман, клубившийся вокруг, рассеялся, и Ош увидел, что перед ними река. На другом берегу тихого потока виднелись тёмные фигуры, во главе которых стоял бледный юноша в чёрных как ночь доспехах. Над его головой жутким знаменем сияла кроваво-красная звезда.

Ош почувствовал на себе чужой взгляд. Алчный. Незнакомый. Злой. Орку невыносимо захотелось вырваться из этого кошмара, пока остатки разума не покинули его. Он уже чувствовал, как они растворялись в вязком ужасе, словно пропитывавшем всё его существо. Это была уже не смерть. Это было что-то иное. Что-то... страшное.

— Я должен проснуться! — выпалил он.

— Это не сон, — вторил Безымянный. — Это случится. Скоро.

— Должен проснуться, — продолжал Ош, чувствуя, как безумие овладевает им, — должен проснуться!

— Ты не спишь, Ош...орк, — безжалостно продолжал Безымянный. — Ты мёртв.

Разноцветные глаза Оша широко распахнулись. Наваждение исчезло, словно его и не было вовсе. Призрачная река превратилась в русло Изара. Через утренний туман шагала бесконечная вереница воинов. Сотни, тысячи солдат. Никогда ещё орк не видел так много вооружённых людей в одном месте. Зрелище одновременно пугало и завораживало.

Ош попытался не думать о жутком видении, но лицо человека в чёрных доспехах

отказывалось покидать его память. Бледный юноша с мёртвыми глазами, один из которых перечеркнул вертикальный рубец шрама. Кем был он? Почему Ошу он казался знакомым? Кто был с ним на той стороне реки? Ош не знал этого. Он не хотел этого знать.

Бок о бок с людьми, отряд орков шагал на север. Всё время на север.

* * *

Встревоженные окрики часовых разрезали безмятежность дня. С севера к ним приближался чёрный силуэт человека. У него было два спутника. Оба они восседали верхом на верблюдах, но чёрный человек шёл пешком. Казалось, сама пустыня расступалась перед ним.

Эдуард удивлялся тому, что, несмотря на испепеляющее солнце, он чувствовал себя вполне сносно в древней броне. Латы словно испускали холод. Надевая их, Эдуард сразу чувствовал, что не одинок. Они окружали его. Бесплотные призраки прошлого. Он слышал их голоса, ощущал их присутствие.

К тому времени, как путники достигли улуса, там уже собралась толпа. Она провожала чужака в чёрных доспехах странными взглядами. В них застыла смесь страха и почитания.

— Муаз'аммаль, — шептали они с религиозным трепетом, — муаз'аммаль...

* * *

«Муаз'аммаль».

Надпись была старательно выведена неизвестным автором на пожелтевшей от времени бумаге. Это был редкий сборник легенд и преданий кочевых народов Сыпучего моря, переведённый на язык королевства. Том достался лорду Дювалю от прежнего владельца библиотеки Дубового чертога, безумного графа. Редкий труд, если учесть, что все подобные книги старательно уничтожались последователями Наследия.

— Можете остановиться там, — сказал хранитель Простора, захлопнув толстый кожаный переплёт. — Это достаточно близко.

— У вас хороший слух, милорд.

Позади кресла-каталки стоял человек в традиционном восточном одеянии, делавшем его неотличимым от любого другого жителя Варгана. Их окружал сад. Деревья тронуло увядание, но они ещё не начали накрывать землю ярким жёлто-красным ковром осени.

— Полагаю, настало время позаботиться о нашем юном друге, — сказал лорд Дюваль, поглаживая обложку книги. — Постарайтесь на этот раз не промахнуться. Мне бы не хотелось привлекать к этому делу ещё кого-то.

Когда он развернул кресло, человек уже исчез. На этот раз он сделал это действительно бесшумно, как и полагалось представителю Братства.

«Нужно усилить охрану, — подумал хранитель Востока. — Вне всяких сомнений».

На мощёной садовой дорожке показалась фигура Мэтью. Он был облачён в изящный кожаный дублет и кавалерийские сапоги с высоким голенищем. Забранные в тугой пучок волосы и меч, висевший на поясе, говорили о том, что младший брат упражнялся в фехтовании. Это было странно, ведь обычно он предпочитал этому занятию компанию легкомысленных девиц и хорошего вина, считая свой навык по меньшей мере совершенным.

— Как твоя рука?

— Всё ещё на месте, — отшутился Мэтью, пожав плечом, словно подтверждая свои слова.

Как никто другой, Винсент знал, что плоть заживает быстрее духа. Поражение на королевском турнире всё ещё угнетало его молодого брата.

— Если ты хотел лишь справиться о моём здоровье, ты мог бы послать слуг.

— Не веди себя так, будто ничего не происходит. Я просил тебя прекратить этот... срам. Ты вносишь раскол в семью, а семья — это главное. У тебя нет никого, кроме семьи.

— Опять ты за своё. — Мэтью страдальчески закатил глаза. — Ему не обязательно знать.

— Рано или поздно он всё равно узнает.

— Этого не произойдёт, если ты не расскажешь ему. Ты ведь не сделаешь этого, верно?

— А в её молчании ты уверен? — парировал лорд Дюваль, к своему удовлетворению отметив, что стёр игривую улыбочку с лица младшего брата.

— Ты за этим меня позвал? — хмуро спросил Мэтью.

— Не только. У меня есть для тебя задание. Дело, которое я могу поручить только тебе...

* * *

— Вы уверены, что справитесь с этим делом, учитель? — Голос Адама звучал озабоченно. — Ведь мы только приехали. Я не хочу снова отпускать вас.

Морщинистая рука Локвуда легла на плечо юноши.

— Всё будет хорошо, милорд. Кому-то нужно это сделать.

— Но почему вы уверены, что Ош будет там?

— Они пошлют его, — улыбнулся старик, накинув походные сумы на седло. — Я сделал бы точно так же. Как говорят в народе, двух зайцев одним камнем.

Оседлав кобылу, Локвуд кинул прощальный взгляд на своего воспитанника.

— Я должен ехать, не вы, — произнёс Адам, и старик заметил, что глаза юноши стали предательски влажными.

— Не говорите глупостей, молодой господин, — поучительно произнёс ключник. — Теперь вы — глава семьи. Ваша матушка, ваша сестра, ваши люди зависят от вас. Вы не должны их подвести.

— Я не подведу.

Локвуд по-стариковски улыбнулся, тронув лошадь с места. Провожая ключника взглядом, Адам думал о том, какой длинный и опасный путь предстоит его учителю. Он хотел бы остановить его, но не мог. Локвуд был прав. Кому-то нужно было сделать шаг вперёд. Пускай даже шаг этот был сопряжён с таким риском.

Далеко на западе садилось солнце. Лучи гаснувшего светила раскашивали мир в тревожные красноватые цвета. Вместе со спокойствием Адама умирал сам день.

* * *

Вскрикнув, Каролина проснулась. Девичье сердце неудержимо колотилось, помня о пережитом страхе. Через высокие узкие окна в библиотеку лился кровавый свет заката.

— Это лишь сон, моя леди, — произнёс Ван Дейк, рука которого успокаивающе легла на маленькое плечо. — Вы задремали за чтением.

— Какой страшный закат.

Каролина отложила книгу, подойдя к окну библиотечной башни.

— Вас снова мучит тот кошмар?

— Нет. — Миниатюрные пальчики тронули каменный подоконник. — Мне приснилось, что из моря вышло ужасное чудовище. Я пыталась от него убежать, но не могла.

— Я не дам вас в обиду никаким чудовищам, — заверил рыцарь, театрально встав по стойке смирно, чем тут же вызвал улыбку на лице своей подопечной.

— Вам известно, почему эти воды навалили заливом Звездопада?

— Я не очень-то силен во всех этих легендах и преданиях, миледи, — признался Ван Дейк.

Лицо девочки сделалось мечтательным. В серых глазах отражалось закатное море.

— В одной книжке я читала, что однажды сюда упала одинокая звезда, но некоторые верят, что это был древний бог. Очень давно, ещё до эры людей, ему стало скучно там, наверху, и он захотел спуститься вниз по небесной лестнице, но оступился и упал в море. Шум волн убаюкал его, и он уснул на дне. Совсем один. Иногда ему тоже снятся страшные сны, и тогда он ворочается во сне, создавая шторм у наших берегов.

— Какая грустная история.

— Я тревожусь за Адама Олдри, дядюшка. Он даже не знает о моём существовании, а я так тоскую по нему, — она прижала руки к груди, — здесь.

— Достойный юноша. Я слышал, король явил милость, позволив ему вернуться домой.

— Отчего на сердце беспокойно? Я словно чувствую, что горизонт затягивают грозовые тучи. Война на Востоке забрала моего дорогого отца. Теперь она пришла на Север.

— Нам не дано понять путей предназначения, моя леди.

Нервным жестом Ван Дейк потёр запястья, будто они болели от непогоды. Он надеялся, что избавился от этой привычки, но она неизменно возвращалась, когда в памяти его всплывали картины прошлого. Прошлого, о котором никто не должен знать.

— Что же нам делать? — спросила Каролина, надеясь на мудрость друга и защитника.

— Стараться изо всех сил, — пожал плечами Ван Дейк, — и надеяться на лучшее.

Он встал рядом с ней, словно верный старый пёс, оберегавший это хрупкое создание от всего мира. Так они и стояли, глядя в сторону догоравшего на горизонте светила.

* * *

Маленькая девочка и её страж. Орк с разноцветными глазами. Рыжеволосая дикарка. Юный виконт и верный ключник его дома. Молодой человек в чёрных доспехах, познавший тайну. Стареющий король. Тщеславные лорды и жрецы. Рыцари и разбойники.

Каждый из них видел своё будущее, но никто из них по-настоящему не владел им.

Оно надвигалось.

Больше книг на сайте - Knigolub.net